

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
"Ивановский государственный химико-технологический университет"**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Межвузовский сборник научных трудов

Иваново 2004

ББК 74.261.7

Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации /
Отв. редактор Н.К. Иванова; Иван. гос. хим.-технол. ун-т. - Иваново, 2004, 302 с.
ISBN 5-9616-0032-7

Материалы сборника содержат статьи и тезисы, посвященные актуальным проблемам межкультурной коммуникации и лингвистики, как в теоретическом, так и в прикладном аспектах. Внимание исследователей сосредоточено на особенностях дискурсивных практик в русском, английском, немецком и французском языках, а также на актуальных проблемах перевода кросс-культурных реалий и на их лексикографическом отражении. В ряде работ рассматриваются методические аспекты преподавания иностранного языка с учетом особенностей межкультурной коммуникации в современных условиях.

Представленные в сборнике статьи и тезисы будут интересны не только специалистам-языковедам, но и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Издание подготовлено к печати кафедрой иностранных языков и лингвистики.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Ивановского государственного химико-технологического университета

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук Н.К. Иванова (ответственный редактор);

Т.И. Баделина (ответственный секретарь);

С.Г. Шишкина, Е.Н. Золина, Е.В. Власенкова,

набор: Т.К. Девятина, Е.А. Голубева,

верстка: О.Н. Маслова

Рецензент:

кандидат филологических наук, доцент М.Н. Милеева

(Ивановский филиал МКУ)

ISBN 5-9616-0032-7

© ИГХТУ, 2004

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Межвузовский сборник научных трудов

Подписано в печать 16.06.04.

Формат 60 x 84 ¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 13.72 Уч.-изд. л. 15.22. Тираж 80 экз. Заказ 15/06/04 .

Ивановский государственный химико-технологический университет
153460, г. Иваново, пр. Ф. Энгельса, 7.

СВЕРХФРАЗОВЫЕ ЕДИНСТВА ПО ТИПУ КОРРЕЛЯТОВ И ДЕНОТАТИВНОМУ СТАТУСУ КВАНТОРОВ

(на материале немецкого языка)

С.А. Агапова

Ивановская государственная сельскохозяйственная академия

Иваново, Россия

ivgsha@tpi.ru

В основу проведенного исследования легло философское положение о том, что в мире не существует отрицательных явлений. Отрицание – это свойство человеческого мышления, а значит, любому отрицательному суждению должны предшествовать положительные суждения собеседника или положительные явления объективной реальности, т.е. отрицание всегда соотносится в контексте со своим положительным коррелятом. Исследование сверхфразовых единств (СФЕ), содержащих отрицательные кванторы *nie*, *niemand*, *nichts* и т.д., также подтвердило данное положение. Были выявлены различные способы представления положительного коррелята, а также прослежена референциальная семантика отрицательных кванторов и положительных коррелятов, т.е. виды их соотнесенности с внеязыковой действительностью, которые и составляют основу различных типов СФЕ по денотативному статусу отрицательного квантора и положительного коррелята.

Способы представления положительного коррелята определяют следующие типы СФЕ:

1. СФЕ с эксплицитным положительным коррелятом;
2. СФЕ с имплицитным коррелятом, сферой функционирования которого является логический антилогизм;
3. СФЕ с имплицитным положительным коррелятом, включенным в содержание отрицательного суждения, которое не передает непосредственно отрицательных отношений и может быть заменено на положительное с синонимичным значением;
4. СФЕ со множественным коррелятом, при этом один коррелят противопоставляется квантору, а другой отрицается;
5. СФЕ с коррелятом, представленным в ситуации.

Выявление положительного коррелята в контексте позволило проследить, как соотносится отрицательный квантор с внеязыковой действительностью. Оказалось, что в большинстве случаев он упот-

ребляется референтно (симулятивный тип), т.е. указывает на конкретные явления или ситуацию. Отрицательные кванторы с чисто денотативным значением (родовой тип) встречаются редко. При этом положительный коррелят и отрицательный квантор называют класс объектов или ситуаций действительности, т.е. имеют сигнификативное значение.

Чаще квантор, или его коррелят с денотативным значением, бывают привязаны к конкретной ситуации, при этом они утрачивают сигнификативное значение, становясь условными референтами (условно – сингулятивный тип).

CROSS ЯЗЫКОВЫЕ РЕСУРСЫ КОМИЧЕСКОГО (английский язык в шутках программистов и "интернетчиков")

Н. Адамс

**Институт Дипломатической Службы
Арлингтон, США**

Программиста спрашивают:

- Как вам удалось так быстро выучить английский язык?
- Да ерунда какая! Они там почти все слова из C+ взяли.

Вынесенный в качестве эпиграфа анекдот однозначно указывает на то, что английский язык стал неотъемлемой частью профессиональных компьютерщиков. В этом нет ничего удивительного. Факт экспансии английского языка, особенно в сфере высоких технологий, стал уже общепризнанным. Однако применительно к сфере компьютерной деятельности можно говорить не только о заимствованиях, в разной степени грамматически освоенных русским языком, но и об английских словах и фразах в их, так сказать, первоизданном виде, сохраняющих не только свое значение и звучание, но и написание. Как пишет Л. Вострякова, "с появлением на отечественном рынке в середине 80-х годов персональных компьютеров и выходом в 1988 г. поначалу на 100 % переводного журнала "PC World", ставшего очень популярным, произошел "обвал": англоязычные термины и аббревиатуры, зачастую в английском же написании заполнили страницы журналов и засорили речь специалистов" (2). Именно переосмысленные англоязычные термины стали основой "компьютерного жаргона", который привлекает в последнее время все большее внимание иссле-

дователей: "... технические термины постепенно преобразуются в жаргонизмы, имеющие определенную эмоционально-экспрессивную окраску, чаще всего иронического характера" (3).

Однако исследование компьютерного жаргона не является целью исследования данной статьи. Предметом нашего исследования будет функционирование английских слов и фраз в профессиональных шутках компьютерщиков с тем, чтобы попытаться определить, какие лингвистические механизмы задействованы в создании комического эффекта при пересечении двух языков.

Язык "программеров", как они сами себя называют, представляет обширный материал для подобного исследования. Именно здесь, как отмечает Г.Н. Трофимова, "смеховая культура, так подробно исследованная известным литературоведом М.М. Бахтиным, проявилась теперь на языковом уровне, когда понадобилось в кратчайшие сроки пройти интернет-ликбез, тем более что речь шла не об "обязаловке", а о добровольном погружении в сеть, которая стала для десятков тысяч молодых людей милей родного дома. Им просто необходимо было чувствовать себя здесь комфортно, в том числе и в используемом языке... Смеясь, иронизируя, они становились смелее в своих виртуальных странствиях" (3).

Проанализировав около 1500 образцов компьютерного юмора, мы должны отметить, прежде всего, что далеко не всегда англоязычные термины предстают здесь в переосмысленном, преобразованном виде. Наоборот, очень часто для создания комического эффекта используются английские слова и фразы "в оригинале".

Наиболее распространенным вариантом является включение стандартной фразы компьютерного обихода в текст, содержание которого не имеет ничего общего с профессиональной деятельностью программистов. Это, как правило, нарочито приземленные, бытовые ситуации. Английская фраза-термин является либо своего рода парфразом русского текста, либо оценкой описываемой ситуации и вводится в текст, как правило, словами "подумал (сказал) программист (интернетчик)". Социально-психологическая "юморообразующая составляющая" в таких текстах это доведенная до абсурда "заиклинность" на компьютерах, неспособность мыслить иначе кроме как в терминах виртуальной реальности. Лингвистическая составляющая – это контраст обиходной, нейтральной, иногда грубо-просторечной лексики и технических иноязычных терминов, используемых для описания одной и той же ситуации. Несколько примеров:

1. Интернетчик проснулся ночью. Вокруг темно, фонари не горят, ничего не видно.
"Network is unreachable", - подумал интернетчик.
2. Выходит интернетчик из туалета и, довольный, говорит: "Unload completed."
3. Повесился как-то программист. Его друг вздохнул и сказал: "Critical error. System halted".
4. Интернетчик звонит домой любимой девушке:
 - Позовите, пожалуйста, Лену.
 - Такой здесь нет.
 - User unknown,- подумал интернетчик.

Тенденцию к употреблению терминологической лексики в различных ситуациях, не имеющих отношения к профессиональной деятельности специалистов компьютерной техники, отмечает и П.В. Лихолетов, анализируя компьютерный жаргон: "Например, когда программист не хочет выполнять чью-либо просьбу, он может сказать "Can't open" (или "Invalid request") – "Не могу открыть" (или "Необоснованный запрос"). Именно такой текст высвечивается на экране компьютера, когда машина не может выполнить поставленную задачу".

В исследуемом нами материале эта тенденция проявилась в отборе или специальном конструировании ситуаций, которые можно было бы "подвести" под ту или иную стандартную компьютерную команду или ответ. Причем, кроме упомянутой выше серии "Подумал программист" встречаются и построенные по тому же принципу анекдоты, героями которых являются различные фольклорные персонажи, точно так же смотрящие на мир сквозь паутину интернета. Придание такого мировоззрения героям с богатым фольклорным прошлым создает дополнительный комический эффект. Сравните:

1. Идет Иванушка-дурачок по лесу, видит: избушка на курьих ножках.
 - Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом.
 - Denied of service, - отвечает избушка.
2. Штирлиц считает зарплату в рейхс марках: 1022, 1023, 1024.
 - "KB Memory OK", - подумал Штирлиц.
3. Учительница говорит Вовочке: "Ты в словосочетании "дубовая роща" слово "роща" через "Я" написал. А ну-ка, напиши на доске 20 раз правильно, чтобы на всю жизнь запомнил.
 - @ Repeat ("роща", 20),- пишет Вовочка.

Такой ситуативно-лингвистический контраст не является единственным вариантом использования английского языка в целях создания комического эффекта.

О. Аксенова в работе "Языковая игра как лингвистический эксперимент поэта" обратила внимание на "не отмеченную, кажется, никем из исследователей тенденцию к прочтению английских слов (например, в нерусифицированном компьютере) на немецкий манер, т.е. как пишется, так и читается". "Получаются,- пишет она,- очень интересные и смешные слова-гибриды типа *офис манагер* (вместо [офис менеджер] *office manager*), *эскепе* (вместо [эскейп] *escape*), *дигитайзер* (вместо [диджитайзер] *digitizer*) и др. Конечно, в основном, эти слова-мутанты характерны для отдельных носителей языка с достаточно низким уровнем языковой компетенции, но они есть" (1).

Наши материалы показывают, что такой способ прочтения сознательно используется для создания комического эффекта в тех случаях, когда при подобном прочтении возникает фонетическое совпадение с русским словом, т.е. появляется своего рода ложно-ассоциативный перевод. Остальные слова фразы переводятся на русский язык обычным образом. Так, предложение "Device not ready" интерпретируется как "Девица не готова", "Abort, retry, ignore"- как "Попытку аборта игнорировать", "Microsoft Internet Explorer"- как "Майкрософт интернет испортил".

Степень звукового совпадения, как показывают приведенные примеры, может быть различна (в последнем случае "explorer" лишь отдаленно напоминает русское "испортил"), но принцип очевиден и свидетельствует, на наш взгляд, о достаточно высокой языковой компетенции авторов подобных переводов.

Звуковое совпадение с русским словом может возникать и при правильном прочтении английского текста. Такая "фонетическая параллельность" является весьма продуктивным источником компьютерного юмора и может работать по-разному.

А) Прежде всего, она служит основой для ложно-ассоциативного перевода, аналогичного описанному выше. Фонетическая параллель, как правило, является неполной (часть английского слова совпадает по звучанию с полнозначным русским словом) и, соответственно, "переводится" только эта часть.

Пытливый ум интернетчиков выискивает среди компьютерных терминов и стандартных фраз такие, которые после подобного "перевода" имели бы грамматическую структуру русского предложения и

сохраняли бы при этом семантическую связь с миром высоких технологий, выполняя, как правило, определенную оценочную функцию, выражая отношение программистов к тем или иным программам или технологиям, например:

Penti-ум, а Inter-net.

К этой же группе относятся шутки, основанные на фонетическом параллелизме названий доменов (домен – вторая часть компьютерного адреса) и русских слов. Конечно же, прежде всего, привлекает внимание то, что базисное слово "net" (сеть, паутина) звучит как русское отрицание "нет". Вероятно, поэтому, как замечает Г.Н. Трофимова, "слово *нет* в значении "Интернет" действительно почти не употребляется в русском языке"(3). Но зато, как показывают наши материалы, такое совпадение дает богатые возможности для создания комического эффекта, так же, как и фонетический параллелизм домена *edu* (учебные заведения) и русского глагола *еду* (1л. ед.ч. от ехать) и т.д. На основе этих совпадений конструируются искусственные электронные адреса или названия сайтов, являющихся, по сути, социально-психологическими характеристиками общественной жизни или отдельных лиц. Например:

1. Письма по вопросам электроснабжения направляйте по адресу:

Chubais@sveta.net

2. Жена нового русского говорит подруге:

- Наконец-то мой муж разрешил мне завести свой электронный адрес, теперь я могу пообщаться с тобой вволю, рассказать, как мне туго приходится. Пиши мне по адресу:

Natasha@juzni.net

3. – Слышь, это ... www.zarplaty.net?

- www.kakvsegda.net

- www.kak.zhe.ya.domoy.no.edu?

- www.pesh.com.

Юмор здесь создается противоречием между формой (внешне правдоподобный электронный адрес или имя сайта) и содержанием (неожиданным наличием острой социально-психологической информации).

Б) Встречаются также случаи "обратного ложно-ассоциативного перевода", когда полнозначное английское слово совпадает по звучанию с частью русского слова. Например:

Существует два уровня защиты: High и nehigh (нехай).

Комический эффект в этом примере усиливается коннотативными значениями просторечного слова "нехай", ассоциированными с наплевательским, несерьезным отношением к делу.

Этот же пример работает и тогда, когда фонетическая параллель с английским словом обнаруживается в составе русского устойчивого словосочетания. Результатом поиска таких параллелей стала серия "компьютерных ругательств". Английский алфавит в этом случае обычно сохраняется, что придает данным выражениям некоторую изысканность по сравнению с их лингвистическими "вдохновителями":

Web твою мать

Edit твою мать

Format тебя за ногу

Твою формать...

В) На основе этого же принципа частичного фонетического параллелизма возникли и некоторые компьютерные неологизмы, как, например:

- Обувь для программистов – microsoftки (майкрософки)

- Windowat – исправлюсь.

Г) Полный фонетический параллелизм (более или менее одинаковое звучание целого английского и целого русского слов) приводит к появлению своеобразной межъязыковой омонимии, что позволяет, как и в случае с русскими омонимами, обыгрывать сходство звучаний и разность значений, конструировать ситуации, комизм которых обусловлен тем, что разные персонажи по-разному понимают какое-либо слово. Например:

Попал программист в братву. Получил задание: сходить за данью. Когда пришел, продавщица пожаловалась, что компьютер у них работает плохо. Программист посмотрел: "Конечно, плохо работает. Памяти добавить нужно". Звонит бригадиру: "Шеф, тут у нас в торговой точке с памятью проблемы. Нужны DIMMы". Бригадир: "На фигу тебе Димы. Позови Артурчика, и они сразу всё вспомнят".

Кроме приема, основанного на разности толкования слова персонажами анекдота, используется и прием наложения контекстов. Слово - межъязыковой омоним оказывается на пересечении двух контекстов, один из которых является "родным" для русского значения слова, другой – для английского. Таким образом "проявляются" одновременно оба значения. Нестандартность такого совмещения является лингвистической основой комизма в следующей, например, шутке:

Новая игра. Казахский DOOM. Никаких тебе лабиринтов. Голая степь.

Здесь, как видим, значение "дом" (жилище) коррелирует с контекстом "казахский, голая степь", а DOOM (компьютерная игра) с "новая игра", "никаких лабиринтов".

То же плюс ироническая отсылка к широко известному рекламному тексту в другом анекдоте с тем же словом:

Приехал программист в деревню. Через день - деревня в руинах. Программист с автоматом в руках ходит по развалинам и приговаривает "Хорошо иметь DOOMик в деревне".

Другим активным приемом создания комического эффекта с использованием английского языка является прием словарной статьи в двуязычном словаре, когда либо компьютерным терминам подыскиваются толкования из реальной жизни, либо наоборот: факты реальной жизни объясняются, называются компьютерными терминами. И в том, и в другом случае комический эффект является результатом гиперболизации тенденции воспринимать мир только через экран монитора, воплощенной в форме словарной статьи. Тот факт, что реальный мир значим только тогда, когда обнаруживает связь с миром виртуальным, порой даже подчеркивается:

1. Девушки, как веб-сервера:

Bad Request – свидание без букета

Payment Required – руки прочь

Not Found – сегодня гуляю с подругами

Document Removed – хочу развода ... и тд.

Или

2. Приказ министра обороны по русификации сообщений Windows:

Yes – Есть!

No – Никак нет.

Retry – Кругом!

Ignore – Выполнять любой ценой!

Password – Предъявите пропуск!

Shut down – Отбой!

Access denied – Не положено ...

А вместо слова Windows приказываю использовать Амбразура.

Собственно, весь жизненный цикл осмысливается и вербализуется как более или менее стандартная последовательность операций на РС:

Зачатие программера:

1. Connect
2. Download
3. Disconnect
4. Un RAR (ETA - 9 мес.)

Жизнь программера:

1. Connect - рождение
2. Kick – инфаркт
3. Ban – кома
4. Disconnect – смерть

Встречается и другой вариант "словаря", когда английское слово получает ироническое толкование, имитирующее форму энциклопедической статьи:

1. www – уникальное явление из мира насекомых. Пауки, чтобы завлечь муху в сеть, рисуют красивые картинки и пишут тексты на HTML
2. Windows – это слово из языка апачей. В переводе означает: "Белый человек, глядящий через стеклянный экран на песочные часы.

Имеет также место толкование русских или английских слов на основе ложной этимологизации с "компьютерным уклоном".

1. Тугодум – это игра DOOM2, запущенная на 386-м компьютере.
2. Batman – человек - почтовый ящик
3. Бармаглоты – обожатели Borland' a

Та же ирония по поводу сверхкомпьютеризации мышления лежит в основе "шуток-перепевов", когда в широко известной цитате (из стихотворения, сказки или даже молитвы) какой-то фрагмент заменяется компьютерной лексикой, используемой либо в её "чисто английском" виде, либо включенной в русскую морфологическую систему. Например:

1. Крошка-сын к отцу пришел,
И сказала кроха:
Navigator – хорошо
А Explorer – плохо
2. Нет повести печальнее на свете,
Чем повесть о заклинившем "Reset"е.
3. Новая сказка про трех медведей.
Мишутка, глядя на нулевой баланс на счету провайдера:
- Кто юзал мой аккаунт и весь его выюзал?

Примечательно, что для таких перепевов многократно используются тексты молитв, что недвусмысленно указывает на экзальтиро-

ванно-восторженное отношение "интернетчиков" к своему божеству, диктующему им, по сути, законы и нормы жизни:

1. Во имя альта, шифта и пресвятого эскейпа – Delete.
2. Да спасет тебя F1, да сохранит тебя F2. Во имя контрола, альта и пресвятого делита ... Enter!

Отметим также, что в ряде случаев английский язык используется практически без русского контекста. Такие шутки представляют собой пародию на стандартные английские надписи на экране монитора, появляющиеся в ответ на неумелое оперирование им и являются, по сути дела, проявлением некоего корпоративного высокомерия по отношению к тем, кто ещё недостаточно уверенно чувствует себя в виртуальном пространстве:

1. Unvalid user. Replace and strike any key to continue.
2. The user performed an illegal action and therefore will be closed.
3. Keyboard not found. Press F1 to continue...
4. CPU not found. Press any key to continue...

Более того, встречаются шутки, откровенно высмеивающие незнание или недостаточное знание английского языка отдельными "юзерами". Например:

1. Это уже не смешно, но многие не могут найти на клавиатуре клавишу "any key".
2. Приходит ICQ сообщение:
 - Do you wanna chat?
 - I'm busy.
 - Hello, Busy. I am Abraham.
3. Вопросы ламмера:
 - Почему какой-то Disconnect мешает мне сидеть в интернете и пробовал ли кто-нибудь подать на него в суд.
 - Кто такой "General Failure" и почему этот генерал считывает с моего винчестера?

Настоящий программмер, конечно же, осознает себя стоящим гораздо выше этого уровня и даже способен играть английскими словами, находя в английском языке омофоны или антонимы компьютерных терминов. Например:

1. Не кажется ли вам символичным, что праздник мелких пакостей и легких ужасов в Штатах называется "Hello, Win" (ср. "Hollowin")
2. - Чем отличается человек от Windows?
 - Когда нам надоедает человек, мы говорим ему "Shut up", а когда "Windows" – "Shut down".

Подводя итоги, можно сказать, что в шутках "программеров" английский язык стал одним из активных средств создания комического эффекта. Смеховое осмысление потока английских техницизмов происходит не только путем "пристраивания" заимствованных слов к своим, созвучным им словам, как при возникновении "компьютерного жаргона", но и на уровне осмысления частей слов или аффиксов, ложной этимологизации, учета коннотативных возможностей и ассоциативного ареала слов.

Использование английского языка в известной мере расширяет лингвистическую базу комического, использование некоторых из описанных примеров невозможно в условиях многоязычия.

Библиографический список:

1. Аксенова О. Языковая игра как лингвистический эксперимент поэта. <http://levin.rinet.ru/about/aksenova2.html>
2. Вострякова Л. Язык рынка.// Капитал. 1996, 16 апр.
3. Трофимова Г.Н. От писюка слышу. <http://www.gramota.ru>

РОЛЬ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ СЛОВ С ПЕРЕНОСНЫМИ МЕТОНИМИЧЕСКИМИ ЗНАЧЕНИЯМИ

Л.В. Бабина

**Тамбовский государственный университет им. Г.Р.Державина
Тамбов, Россия**

Изучение слова как единицы вторичной номинации предполагает обращение к проблеме многозначности. Рассматривая семантику многозначного слова, исследователи пытаются ответить на два вопроса. Во-первых, их интересует, что позволяет удерживать столь далекие значения многозначного слова в «единой связке». Во-вторых, они пытаются выявить механизмы образования одних значений от других. На уровне семантики механизм перехода от одного значения к другому определяется как следствие семантической перестройки значения слова в результате таких процессов, как «сужение», «расширение», метонимизация и метафоризация. Однако, как показывают исследования в области когнитивной лингвистики (G. Lakoff, G. Fauconnier, M. Turner), языковое значение возникает на концептуальном уровне, а языковые выражения лишь указывают на то, как оно создается.

Одним из когнитивных процессов, обеспечивающих создание нового значения, является концептуальная деривация. Концептуальная деривация подразумевает наличие двух и более исходных концептов (опосредованных языковой формой), в результате влияния которых друг на друга, а также за счет действия тех или иных механизмов, происходит возникновение нового концепта.

В качестве факторов, ведущих к концептуальной деривации, предлагается рассматривать, во-первых, взаимодействие концептов, во-вторых, способность концепта формировать ментальные пространства и ментальные области.

Способность концепта формировать ментальное пространство (в терминах теории концептуальной интеграции) и ментальную область является следствием фундаментального свойства человеческого сознания осуществлять деление на часть/целое. Благодаря этому свойству человек способен переключать сознание с концепта, репрезентируемого той или иной языковой единицей, на концептуальную структуру (ментальную область), на фоне которой понимается данная языковая единица. Концепт, репрезентируемый языковой единицей, тесно связан с концептом более высокого уровня абстракции, выступающим в качестве ментальной области. Последний и обеспечивает порождение нового концепта. Он выступает в качестве источника дополнительной информации, необходимой для появления нового концепта (концептуальной структуры), поскольку новый концепт не всегда возникает за счет заимствуемых в явном виде характеристик исходных концептов.

Существенным моментом, способствующим взаимодействию концептов, является то, что концепт может быть единицей структурированного знания. В качестве метода анализа порождаемой и исходных структур знания предлагается скетч-фрейм, который представляет собой структурированный концепт, содержащий элементы и их значения, активизированные для понимания конкретной ситуации. В отличие от собственно фрейма, включающего весь «пакет» знания о той или иной ситуации, он содержит информацию, релевантную на момент речи. Возникая вследствие сужения, фокусировки отдельных элементов и значений фреймов, скетч-фрейм позволяет передать изменение концептуальных структур.

В качестве элементов скетч-фреймов, репрезентируемых глаголом и синтаксической конструкцией, используются валентности гла-

гола, поскольку исследователи отмечают значительное сходство между структурой концепта и структурой предложения, конструируемого глаголом определенной семантики.

Основным принципом осуществления концептуальной деривации является интеграция. Концептуальная интеграция предполагает создание новой концептуальной структуры не только за счет компоновки элементов и их значений исходных скетч-фреймов, но и за счет развития значений элементов исходных скетч-фреймов. Механизм развития позволяет на основе значений элементов исходных скетч-фреймов создавать новые значения, используя экстралингвистические и инферентные знания. Концептуальная интеграция может осуществляться по метафорической и метонимической моделям.

При концептуальной интеграции по метонимической модели помимо механизма развития могут использоваться механизмы соположения, достраивания, сравнения и перспективизации. Соположение позволяет осуществлять слияние и компоновку элементов исходных скетч-фреймов. Достраивание подразумевает переключение от скетч-фрейма к фрейму, благодаря чему осуществляется активизация латентных элементов. Механизм сравнения позволяет выявить в концептуальной структуре, репрезентируемой исходным глаголом, элементы, релевантные для конструирования новой концептуальной структуры и заимствовать их. Возникающая концептуальная структура может или полностью состоять из элементов исходных структур, или включать их как часть. Перспективизация предполагает подтверждение или изменение выделенности элементов порожденного скетч-фрейма по сравнению с выделенностью элементов исходных скетч-фреймов.

Представляется, что можно выделить два способа осуществления концептуальной интеграции по метонимической модели: простой и усложненный. Основное отличие концептуальной интеграции по метонимической модели усложненного типа заключается в использовании механизма достраивания.

Проиллюстрируем, каким образом осуществляется действие концептуальной интеграции на конкретных примерах. Начнем анализ с действия концептуальной интеграции по метонимической модели простого типа, при помощи которой объясняется создание концепта, репрезентируемого глаголом *stalk* с переносным метонимическим значением.

Перед схемами и подробным их описанием приведем словарные дефиниции, информация которых используется для определения значений элементов исходных и порождаемого скетч-фреймов. Отметим также, что скетч-фрейм 1 репрезентируется глаголом, скетч-фрейм 2 – синтаксической конструкцией, а скетч-фрейм 3 – глаголом с переносным значением. Подчеркиванием в схемах обозначаются перспективизируемые элементы. При помощи скобок указываются выводные значения.

Stalk

Stalk – If you stalk a person or a wild animal, you move gradually and quietly as close as possible to them, so that you can kill them, capture them, or observe them carefully;

If you stalk somewhere, you walk there in a stiff, proud or angry way.

Florrie stalked out, her head high /CCELD 1418/.

Stalk – to hunt by following closely and quietly and staying hidden; to walk stiffly, proudly, or with long steps.

When his request was refused, he stalked out /LDELС 1290/.

СХЕМА 1

1 способ - gradually, quietly
as close as possible
сопутст. субъект – after smb
цель - so that you can kill them...
субъект - (smb.)
предикат – move

2 источник - out of smth.
субъект – Florrie
предикат – the process of moving

3 способ – (stiffly, with long steps)
субъект – Florrie
предикат – move
источник - out of smth.

Взаимодействие исходных скетч-фреймов 1 и 2 приводит к появлению концепта, репрезентируемого глаголом stalk, для которого исходный скетч-фрейм 1, передаваемый исходным глаголом, является фреймом. Образование концепта происходит за счет механизмов сравнения, соположения, развития и перспективизации. Механизм сравнения выявляет элементы, имеющие отношение к передаче ситуации передвижения определенным образом. Выявленные элементы заимствуются в порождаемый скетч-фрейм. При помощи механизма соположения элемент «субъект» приобретает значение «Florrie». Механизмы соположения и развития позволяют создать новое значение

элемента «способ». Элемент «способ» получает значение «stiffly, with long steps». Движение за объектом осуществляется быстро, поэтому передвигающийся делает большие шаги, но, стараясь держаться как можно ближе к добыче, передвигающийся человек не хочет быть обнаруженным, следовательно, он скован в своих действиях. Механизм перспективизации придает элементу «способ» выделенность.

Далее покажем, как действие концептуальной интеграции по метонимической модели усложненного типа позволяет создать концепт, репрезентируемый глаголом smile.

Smile

Smile – When you smile, you have a smile (an expression on your face in which the corners of your mouth curve upwards and sometimes show your teeth) on your face;

If you smile smth., you say it with a smile or express it by a smile.

She smiled her approval /CCELD 1374/.

СХЕМА 2

1 содержание – feeling
способ – by parting lips
 субъект – (smb.)
 предикат – express

2 содержание – her approval
 субъект – she
 предикат – the act of expressing

3 цель – (to show her approval)
 субъект – she
 предикат – express
 содержание - feeling
 способ – by parting lips

Концепт, репрезентируемый глаголом smile, создается за счет концептуальной интеграции по метонимической модели усложненного типа. Скетч-фрейм 2 при этом выступает в качестве фрейма для скетч-фрейма 1. Механизм сравнения позволяет выделить элементы, релевантные для передачи новой ситуации. Устанавливаются сходные элементы. Эти элементы и элемент «содержание» исходного скетч-фрейма 2 заимствуются в порождаемый скетч-фрейм. Помимо механизма соположения, определяющего значение элемента «субъект», используется механизм достраивания. В результате его действия возникает элемент «цель». Механизмы соположения и развития определяют значения элементов «предикат» и «цель». Выделенность этим элементам придает механизм перспективизации.

Таким образом, анализ механизмов концептуальной деривации позволяет показать, что создание новых, сложных значений и слов начинается на концептуальном уровне.

Библиографический список:

1. Fauconnier G., Turner M. Polysemy and Conceptual Blending. 2001.
2. <http://www.wam.umd.edu/~mturn/WWW/blending.html>.
3. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1990.
4. Turner M., Fauconnier G. Mechanism of Creativity // Poetics Today. 1999, V, 20, #3, – P. 345-369.

Список использованных словарей

- CCELD – Collins Cobuild English Language Dictionary. Harper Collins Publishers, 1993.
- LDELС – Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman Group U.K. Limited, 1992.

РОМАН Э.М. РЕМАРКА "ВОЗЛЮБИ БЛИЖНЕГО СВОЕГО". НЕМЕЦКАЯ ЭМИГРАЦИЯ И ПРОБЛЕМА ВЗАИМОПОНИ- МАНИЯ МЕЖДУ ЕВРОПЕЙСКИМИ НАРОДАМИ В XX ВЕКЕ

М. Ю. Бабков

**Ивановский государственный университет
Иваново, Россия**

Тема эмиграции является магистральной для творчества Э.М. Ремарка. Она будет волновать писателя на протяжении почти четырёх десятилетий его творческой деятельности. Произведения, посвящённые эпохе «второго Великого переселения народов», которая, по мнению Ремарка, наступила в Европе с приходом к власти нацизма, составят основной костяк его романного творчества зрелого и позднего периодов. Общая судьба людей, изгнанных из Германии или покинувших её из-за невозможности оставаться там в обстановке диктатуры, останется для писателя одним из самых значительных и самых трагических эпизодов в истории XX века наряду с мировыми войнами и преступлениями фашизма. Очень показателен тот факт, что два последних романа Ремарка – «Тени в раю» и «Земля обетованная», вышедшие уже после его смерти, в 1970 году, посвящены событиям 1944 года и рассказывают о жизни эмигрантов в Америке, которая стала последним оазисом спасения для беженцев из Европы после Второй мировой войны.

Впервые к вопросам трагической судьбы изгнанников из Германии Ремарк обращается в романе «Возлюби ближнего своего» (1941).

Это произведение открывает так называемый «эмигрантский цикл» в творчестве писателя, в который, наряду с уже упомянутыми романами, входят также «Триумфальная арка» и «Ночь в Лиссабоне».

В романе «Возлюби ближнего своего», как, впрочем, и в других произведениях этой серии, эмиграция предстаёт как понятие глобальное и интернациональное. И, хотя, в основном, Ремарк пишет о беженцах из Германии, не все персонажи, фигурирующие в романе, – немцы. Перед читателем выстраивается обширная галерея образов и характеров: Ремарк изображает людей разных социальных и возрастных групп, разных национальностей, политических убеждений и вероисповеданий. Роднит их всех только одно: общая судьба скитальцев. Выброшенные за борт, эти «плавающие обломки» (Flotsam (англ.) – "Плавающие обломки", – английский перевод названия сокращённого варианта романа, вышедшего в США в 1939 году - Прим. авт.) в одночасье лишились всего, что имели: Родины, судьбы, своих близких, даже имён. Лишились по воле таких же людей. Акцентирование внимания на этом обстоятельстве помогает Ремарку проиллюстрировать тезис о разобщённости людей XX века. Он постоянно подчёркивает мысль о нежелании одного человека понять другого, а без понимания не может быть помощи и сострадания; да и сострадание без понимания почти никогда не бывает искренним:

«Если рядом с тобой кто-то умирает, - говорит один из главных героев романа Йозеф Штайнер, - ты этого не чувствуешь. В этом несчастье мира. Сострадание – это не боль. Сострадание – это скрытое злорадство. Вздох облегчения, что это не ты и не тот, кого ты любишь»(1, 85).

Разобщённость людей в XX веке, неспособность и нежелание понимать друг друга, по мысли Ремарка, во многом обусловлена социальными барьерами. Стоит только одному человеку получить возможность распоряжаться жизнями и судьбами других, и все гуманистические идеи в одночасье сходят на нет. Двое людей, говорящих на одном языке и разделённые лишь письменным столом или конторским окошком, оказываются не в состоянии понять друг друга.

Противопоставление чиновников – людей, наделённых властью и беженцев и людей «гонимых и затравленных», лишённых всяких прав, каждый из которых не больше, чем «мертвец в гражданском отношении», лейтмотивом проходит через весь роман. Произведение изобилует сценами, подчёркивающими это противопоставление. Так, на допросе у инспектора после ареста в Австрии перед Людвигом

Керном – главным героем романа – отчётливо вырисовывается его будущая судьба: высылка, граница, неизвестность, страх, и он в этой неизвестности, словно «тоскующая по людям и боящаяся людей крошечная искорка жизни» (1, 20). И тут же автор, используя приём кинематографического повествования, переводит угол изображения на инспектора, сидящего напротив. Перед читателем возникает картина уютного, спокойного мирка с размеренной, устроенной жизнью. Вслед за этим аукториальный автор, разрывая повествование, подчёркивает абсурдность подобного положения вещей:

«И это всё из-за того, что его (Керна – М. Б.) и скучающего чиновника за письменным столом разделяла бумага, называемая паспортом. У них одна и та же температура тела, их глаза имели одно и то же строение. Их нервы одинаково реагировали на одно и то же раздражение, их мысли текли по одним и тем же руслам, и всё-таки их разделяла пропасть – ничего не было у них одинакового: удовольствие одного было мучением другого. Один обладал всем, другой ничем; и пропастью, которая разделяла их являлась эта бумага, на которой ничего не было, кроме ничего не значащих данных». (1, 20)

Абсурд ситуаций подобного рода становится ещё ярче по мере того, как изображённые в романе события складываются в широкую и многообразную картину обстановки и настроений, царящих в Европе конца 30-х годов. Эмигранты, вынужденные покинуть свою Родину только потому, что они не желали потворствовать становлению преступного режима (и здесь Ремарк не делает особых различий между гитлеровской Германией и сталинской Россией), оказались изгоями. Ни одно европейское государство, декларировавшее идеи гуманизма и человеколюбия, не выразило желания предоставить им хотя бы разрешение на пребывание на своей территории.

Понимая невозможность высылки пойманных эмигрантов назад в Германию, поскольку для большинства из них это означало бы верную смерть, власти ограничиваются их высылкой на территорию любого сопредельного государства. Трагический абсурд положения заключается в том, что и там беженцы оказываются никому не нужны. «Чётко сформулированные параграфы» закона не допускают «двоякого толкования». Беженцы вынуждены идти против закона, скрываться, поскольку закон в их отношении оказывается лишь сводом абсурдных нормативов, не предполагающим никакого решения проблемы. Обращение эмигрантов в полицию грозит им немедленной высылкой. И так до бесконечности: «А там, на той стороне я снова

должен был бы заявить в полицию, чтобы не идти против закона», - констатирует Керн, в очередной раз представ перед окружным судом за нелегальный переход границы, - «И оттуда на следующую ночь я бы вернулся обратно... Так бы и умер от голода, шатаюсь по границе. В лучшем случае я бы шагал от одной полиции к другой...» (1,221).

Судья, так же как и Керн, прекрасно понимает абсурдность предъявляемых к беженцам обвинений, понимает, что у этих людей нет иного выхода. И, несмотря на это, выносит Керну приговор, как и многим другим. Социальный статус человека, его общественная функция здесь, как правило, оказываются определяющими и перевешивают доводы разума и добрые побуждения человеческой души.

И тут же, как бы в опровержение этому тезису, Ремарк показывает, что положительное начало в человеке всё же существует и не все поступки человека диктуются социальной функцией, и что искра любви к ближнему всё же присутствует в человеке. На этой антитезе, собственно, и построено всё произведение. Противоречивость человеческой природы и, в более широком плане, противоречивость всей истории человечества в XX веке, как в зеркале, отразилась в творчестве Ремарка.

В романе «Возлюби ближнего своего» жестокость и безразличие чиновников, граничащие зачастую с бездушием, соседствуют с искренними и бескорыстными попытками помочь человеку, оказавшемуся в беде. Судья, вынесший Керну приговор, даёт ему денег, благодаря которым Керну и его подруге Рут впоследствии удаётся добраться до Парижа. В одной из деревень крестьянин предоставляет им ночлег и еду и не отказывает в помощи, когда Рут неожиданно заболевает; полицейский из участка, куда Керн попадает по доносу агента гестапо, даёт ему возможность бежать, чтобы спасти оставшуюся в одиночестве больную Рут, а доктор Беер, к которому обращается за помощью Керн, бесплатно помещает её в свою клинику, в течение долгого времени укрывает у себя, а затем не единожды ещё помогает Керну и его друзьям. Причём, помощь эта вызвана не национальной или религиозной общностью. О том обстоятельстве, что доктор Беер – еврей; Ремарк упоминает походя, давая понять, что оно ни коим образом не повлияло на развитие событий. В романе, напротив, подчёркивается мысль о примитивности и безумии оценивать людей по их национальной принадлежности или религиозным убеждениям.

Скептицизм писателя в вопросах религии и веры в Бога достаточно отчётливо проявляется во многих произведениях разных пе-

риодов творчества. Взаимоотношения Ремарка с Богом и религией – это предмет отдельного рассмотрения, поскольку его позиция в этом вопросе очень неоднозначна и противоречива. Она по-разному проявляется в его художественном творчестве, претерпевает с течением времени эволюцию и движение в разных направлениях от атеизма до богоборчества, и наоборот.

В «Возлюби ближнего своего» упор сделан на отсутствии практической значимости и пользы религии для человека. На этом основании Ремарк резко критикует ханжество и лицемерие церковников. Собственно, корни скепсиса Ремарка в вопросах религии лежат не на уровне атеизма как априорного отрицания существования Бога-Творца и Создателя, а на уровне неприятия существующих религиозных канонов. Отрицание возможности существования Бога библейского не переходит в отрицание божественной сущности вообще: «Я не атеист, я просто маловерующий» (2,174), - эти слова доктора Равика из «Триумфальной арки» можно с полным правом отнести и к самому Ремарку. Подобную свою позицию он неоднократно подчёркивал в своих произведениях.

Церковь, какую бы конфессию она не представляла, проповедует любовь к ближнему, принципы взаимопомощи. Но необходимость соблюдения заповедей в любой религии сочетается с принципом религиозной чистоты, зафиксированном в любом Священном писании, будь то Библия, Коран или Сфарим.

Полуеврей Керн, обратившийся в трудную минуту сначала к христианской, а потом к иудейской церкви, не находит поддержки ни там, ни там. Христиане отказывают ему на том основании, что он – еврей, а евреи – потому что он – иноверец. Это ещё одна иллюстрация абсурдности мира и человеческой природы. Человечество в XX веке дошло до небывалого уровня технического развития, но не смогло на пути к единению преодолеть средневековую косность, религиозные предрассудки и социальные барьеры, а вся техническая мощь цивилизации пущена на производство более совершенных орудий убийства.

Но не только социальная сфера, религиозная разобщённость или национальные критерии привели к катастрофе в масштабах нескольких континентов и гибели миллионов людей. Причины этого, считает Ремарк, в самой природе человека, внутри каждого из нас. Как иначе объяснить тот факт, что даже люди, оказавшиеся в беде, вместо взаимопомощи готовы перегрызть друг другу горло? И тут уже никто не вспоминает о любви к ближнему.

Оказываясь, говоря языком экзистенциалистской философии в «пограничной ситуации», человек являет себя в своей истинной сущности. Наружу выступают и лучшие человеческие качества, и всё то тёмное, животное, все низменные побуждения, что скрыты в глубине. «Когда тебя хватают за горло, от снобизма не остаётся и следа» (2, 250), - скажет Ремарк позднее устами Равика в «Триумфальной арке». В романе «Возлюби ближнего своего» эта мысль эксплицируется конкретными ситуациями: женщина, вместе с Керном переходившая чешскую границу, не задумываясь выдаёт его, как только её самую схватили. Или Рихард Биндинг, беженец из немецкого концлагеря, которого Керн, пожалев, пустил на ночлег, и который ограбил его затем, лишив тем самым и Керна, и Рут последних средств к существованию.

Цинизм людей, подобных Биндингу, очень красочно показан Ремарком в сцене встречи Керна и Биндинга в кафе несколько дней спустя:

«- Вы часто проделываете такие штучки? – спросил он.

- Живу этим... И как видите, ничего...

- Керн чуть не задохнулся от гнева и беспомощности.

- Отдайте мне хотя бы половину, - хрипло сказал он, - не для себя, для того человека, которому они принадлежали... Биндинг покачал головой.

- Деньги мне и самому нужны. Вы ещё дёшево отделались. За сорок франков вы получили отличный урок. Лучшего урока никто вам дать не сможет – нельзя быть доверчивым».

Но тем не менее, несмотря на все ужасы и бедствия, выпавшие на долю эмигрантов, общий тон произведения остаётся оптимистическим. Роман «Возлюби ближнего своего», открывающий «эмигрантский цикл в творчестве Ремарка, рассказывает лишь о первом этапе Великого Исхода, который начался для многих с наступлением XX века и продлился не одно десятилетие. Множеству людей не удалось пройти этот путь до конца. Некоторые погибли в самом начале. Но кто-то смог пройти через все круги европейского ада XX столетия. Эти люди не сломались, потому что, подобно Людвигу Керну, верили не только в «священный эгоизм, в бессердечье, ложь» и в «косность души», но и в «товарищество, в любовь, в готовность прийти на помощь ближнему» (1, 222). Таков сам Керн, таковы герои и других книг Ремарка: Равик из «Триумфальной арки», Иосиф Шварц из романа «Ночь в Лиссабоне». Готовность прийти на помощь ближнему и

сделать для другого человека всё возможное роднит этих героев не только между собой, но и с их автором. Ремарк на протяжении всей жизни оставался оптимистом и на своём месте старался сделать всё, чтобы облегчить жизнь оказавшимся в беде. Свою гражданскую позицию он предельно ясно выразил в интервью 1963 года:

«...Что же остаётся, если мы перестанем верить в то, что прогресс возможен? Иногда очень трудно верить в это, признаюсь, а в это нужно верить, а именно для этого нужно работать. Ради этого я мог бы даже частично отказаться от художественности, если бы это помогло достигнуть лучших результатов. Но таких вещей наверняка никогда не знаешь. Можно только сесть за письменный стол и самому сделать хоть самую малость, внести свою лепту в эту работу. Может быть она тоже чем-то поможет». (4, 467).

Библиографический список:

1. Ремарк, Э. М. Возлюби ближнего своего. // Собрание сочинений в 11 т. М., 1992. Т. 4. 352с.
2. Ремарк, Э. М. Триумфальная арка. // Собрание сочинений в 11 т. М., 1992. Т. 5. 446с.
3. Библия. Изд. Миккели, 1996, 780с.
4. Люфт, Фридрих. Телеинтервью с Э. М. Ремарком // Ремарк, Э. М. Избранное. М. 1999. с.458-468.
5. Яблоков И. Н. Религиоведение. М., 2001. 536с.
6. Remarque, E. M. Liebe deinen Naechsten. Koeln, 1991. 380 S.
7. Remarque, E. M. Arc de Triomphe. Frankfurt. M., 1983. 490 S.
8. <http://www.remarque.uos.de/Schriften.lbn.html>
9. <http://www.remarque.uos.de/Schriften.arc.html>

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФОРМ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ И ПРО- БЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ (на материале немецкого и русского языков)

И.Ю. Безукладова

**Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
Тамбов, Россия**

Повышенный интерес к проблемам межкультурной коммуникации связан, в первую очередь, с тем, что процесс международной интеграции выдвигает на первый план изучение этнокультурного своеобразия различных языковых сообществ. В последнее время изучение

особенностей межкультурного общения перестало быть прерогативой зарубежной лингвистики, и в работах отечественных авторов вопросы, связанные с общением представителей различных языковых сообществ, получили довольно широкое освещение.

Исследование феномена межкультурной коммуникации самым непосредственным образом связано с изучением особенностей межъязыкового общения, так как именно в языке, как в зеркале, отражается своеобразие национального менталитета того или иного народа.

Уже в самих понятиях *межкультурная (межъязыковая) коммуникация* заложена необходимость исследования особенностей общения, с одной стороны, и вопросов, связанных с языком и национальными культурными традициями, с другой. Многие лингвисты указывают на то, что именно в дискурсе обнаруживаются наибольшие расхождения и специфика различных языков (2, 5).

В силу того, что процесс коммуникации основан на интерперсональном взаимодействии отдельных индивидов с их биологическими, психологическими, индивидуальными, социальными, общечеловеческими, этнокультурными и другими характеристиками, функционирование единиц языка, вообще, и форм персонализации адресанта, адресата и третьих лиц, в частности, идиозтноически и социально обусловлено. Под формами персонализации активных и пассивных участников процесса общения понимаются единицы номинативного и дейктического типа, при помощи которых говорящий может обозначить себя (автономинация, самоименование), своего собеседника (обращение и местоименное обозначение адресата) и присутствующих / отсутствующих пассивных коммуникантов.

Выбор тех или иных форм персонализации адресанта, адресата и третьих лиц определяется спецификой коммуникативного поведения носителей немецкого и русского языков, самым непосредственным образом связанной с особенностями менталитета и экстралингвистическими основами языковых сообществ. Данные языковые единицы, актуализованные в национально-культурном и социальном контекстах, несут в себе информацию, релевантную в двух измерениях: с одной стороны, в формах персонализации отражаются этнокультурное своеобразие использования данных единиц, структура и степень социальной градации языкового сообщества, с другой стороны, различные формы персонализации информируют о характере взаимоотношений коммуникантов, о соотношении их социальных, позиционных и возрастных статусов.

Выбор форм персонализации активных и пассивных коммуникантов как носителей немецких / русских культурных и языковых традиций тесно связан с таким понятием, как речевой этикет, в формах которого наглядно проявляется предписываемое обществом деление на социальные роли, ролевые позиции, степень социальной градации и интеграции участников общения. Данные языковые единицы, как и другие единицы речевого этикета, актуализированные в непосредственном общении, могут служить маркером определённых отношений, доминирующих в обществе. Как показывает практика межкультурного общения, незнание или игнорирование этикетных норм того или иного языкового сообщества часто приводит к тому, что в диалоге культур отсутствует культура диалога.

В силу того, что отправной точкой подобного исследования является языковая личность с её обращённостью к ментальным процессам, с одной стороны, и изучение прагматического воздействия, оказываемого на собеседника определёнными формами персонализации, с другой, особое внимание необходимо уделить роли человеческого фактора, языковой личности, “персоны” говорящего и слушающего. Под языковой личностью понимается “личность, выраженная в языке (текстах) и через язык” (2, 38), а также любой носитель языка, охарактеризованный на основе анализа произведённых им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определённых целей в этом мире (3, 671).

Хотя приоритет разработки и использования данного термина принадлежит русской лингвистике, идея о связи человеческого фактора и функционирования языка нашла своё отражение и в ряде работ зарубежных авторов (см., например, Maas, Wunderlich 1972; Geissner 1981; Nowak 1983). Как в русском, так и в зарубежном языкознании феномен человеческого фактора (языковой личности) рассматривается непосредственно в процессе общения, так как её коммуникативно-деятельностные характеристики могут актуализироваться только в диалоге. Кроме того, понятие *языковая личность* предполагает рассмотрение каждого носителя языка в качестве уникального объекта изучения.

Если любое вербальное общение является когнитивно-коммуникативным взаимодействием языковых личностей говорящего и слушающего в определённом социуме, шире, в определённой язы-

ковой общности, то языковая личность включает в себя индивидуальные, социальные и психологические характеристики носителей языка как типовых, «усреднённых» представителей данного социума или языкового сообщества.

Ю.Н. Караулов отмечает, что наличие общерусского языкового типа, базовой части общей для русских картины мира, или мировидения, и устойчивого комплекса коммуникативных черт, определяющих национально-культурную мотивированность речевого поведения, позволяет говорить о русской языковой личности (2, 42). Анализ теоретического и фактического материала позволяет говорить о феномене немецкой языковой личности.

Коммуникативно-прагматический анализ функционирования языковых средств персонализации активных и пассивных участников акта общения позволяет увидеть общечеловеческие языковые универсалии и в то же время выявить национальную специфику немецкой и русской языковых личностей и национально-специфические особенности отношения говорящего к *себе* и *другому*, проявляющиеся в данной сфере языка.

Работа с фактическим материалом показала, что в силу национально обусловленных различий, проявляющихся в коммуникативно-прагматических особенностях функционирования единиц персонализации, при межкультурном общении представителей немецкого и русского языковых сообществ могут возникать трудности понимания. Чаще всего трудности подобного рода связаны с потерей при переводе ряда прагматических оттенков, а, следовательно, с утратой прагматического эффекта, создаваемого той или иной формой персонализации. Однако учет данных типологических расхождений в практике межкультурного общения будет способствовать успешности межкультурной коммуникации представителей немецкого и русского языковых сообществ.

Библиографический список:

1. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
2. Караулов Ю.С. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
3. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.-Л., 1965.
4. Русский язык. Энциклопедия. М., 1998.
5. Geissner H. Sprachwissenschaft: Theorie der mündlichen Kommunikation. Königstein, 1981.

6. Nowak E. Sprache und Individualität // Die Bedeutung individueller Rede für die Sprachwissenschaft. München: Tübingen, 1983.
7. Maas U., Wunderlich D. Pragmatik und sprachliches Handeln. Fr. a. M., 1972.

**ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ СПОСОБНОСТИ
К МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
(по материалам французских учебных пособий)**

Т.А. Белякова

**Ивановский государственный химико-технологический
университет
Иваново, Россия**

Одной из первоочередных задач при обучении иностранным языкам на современном этапе является, как известно, задача формирования у обучаемых способности к межкультурной коммуникации, которая наряду с межлингвистической компетенцией подразумевает знание психологических, культурных и социальных правил, определяющих использование речи в определенном контексте. Интерес, проявляемый к социально-культурному аспекту языка, не случаен и, как всегда, обусловлен потребностями нашей постоянно меняющейся действительности.

Сейчас для мирового сообщества все более характерным становится стремление к дальнейшей интеграции, тесному взаимодействию между странами в различных областях. Эффективность деловых контактов с представителями иного культурного социума зависит от ряда факторов, среди которых основными признаются: создание атмосферы психологического комфорта, благожелательности и открытости, а также умение устанавливать и развивать хорошие личные взаимоотношения с зарубежными партнерами. Игнорирование указанных факторов приводит к тому, что международные программы оказываются под угрозой срыва и очень сложно бывает вызвать новую волну потенциального сотрудничества. Более того, на следующем витке пересечения культур новое поколение расплачивается за грехи предшественников, принимая на себя груз устоявшихся стереотипов. В свою очередь, учет этих факторов возможен лишь на социально-культурной основе (1).

Всеобщее внимание к вопросам межкультурной коммуникации вызвано еще и тем фактом, что смешение народов, языков, культур достигло невиданного размаха, и поэтому еще острее встала пробле-

ма воспитания терпимости к чужим культурам и пробуждения интереса и уважения к ним, преодоления в себе чувства раздражения от избыточности, недостаточности или просто непохожести других культур. Поэтому в начале нового века целью обучения иностранным языкам уже не может являться только передача лингвистических знаний, умений и навыков, и даже не энциклопедическое освоение страноведческой информации, ограничивающейся, в первую очередь, суммой географических и исторических понятий и явлений.

Развитие у учащегося способности к межкультурной коммуникации, т.е. адекватному взаимопониманию двух и более участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам, делает актуальным обращение к целому ряду личностных параметров обучаемого, которые до последнего времени не были предметом пристального внимания ни со стороны методистов, ни со стороны преподавателей. В первую очередь, речь идет о формировании таких качеств личности, как открытость, терпимость и готовность к общению. Открытость есть свобода от предубеждений по отношению к представителям другой культуры. Данное качество позволяет увидеть в культуре страны изучаемого языка непривычное, чужое. С открытостью связаны способность человека терпимо относиться к проявлениям чуждого, непривычного в других культурах, готовность к межкультурному общению, которые являются существенной составляющей коммуникативной компетенции и обеспечивают активное общение с представителями иных социокультурных общностей (2).

Известно, что коммуникативная компетенция, являясь сложным феноменом, включает несколько составляющих. Прежде всего, это социокультурная компетенция, которая складывается из знания социокультурной специфики страны изучаемого языка и умения строить свое поведение в соответствии с этой спецификой, а также социолингвистическая компетенция, определяемая как умение использовать языковые средства в соответствии с социальными условиями общения, и, наконец, дискурсивная компетенция, которая представляет собой знание различных типов дискурсов и правил их использования, а также умение их создавать и понимать с учетом ситуации общения (3).

Таким образом, чтобы овладеть указанными компетенциями, обучаемый должен овладеть знаниями о стране изучаемого языка: ее истории, географии, культуре, политическом строе, экономике, науке

и пр.; и о народе, ее населяющем: его образе жизни, традициях, обычаях, взглядах и убеждениях, о его менталитете и системе моральных ценностей. Эти знания дадут возможность участвовать в диалоге культур, обеспечить формирование вторичной языковой личности.

Приобретение данных свойств обучаемым рассматривается в свете современных потребностей общества как глобальный результат обучения, в процессе которого преодолевается собственный национальный культуросентризм.

Одним из важнейших принципов обучения становится девиз: "Понимать, а не оценивать". Это означает, что при обучении иностранным языкам следует исходить не из собственных морально-оценочных категорий обучаемого, а из попытки взглянуть на отличия в другой культуре, насколько это возможно в рамках учебного процесса, с позиций жителя другой страны. Важно понять сходство и различие культур, не создавая стереотипов, т.е. не бездумно критикуя, но и не создавая образа идеальной страны, живущей без проблем (4).

Проблема межкультурной коммуникации, безусловно, актуальна для всех стран и народов, поэтому задача формирования у учащихся способностей к межкультурной коммуникации носит интернациональный характер, находящий, так или иначе, свое отражение в методике преподавания иностранных языков. В частности, во французских методиках преподавания французского языка как иностранного межкультурный аспект представлен очень широко. И это неслучайно. Франция, как и многие другие развитые страны мира, является перекрестком культур, как с точки зрения внутренних отношений, так и в международном масштабе. Народ, ее населяющий, также стремится к сотрудничеству и совместному устройству мира. И здесь прекрасно осознают, что отсутствие взаимопонимания обусловлено в меньшей степени наличием ошибок лингвистического плана и в гораздо большей - стратегическими ошибками в коммуникации.

Каким же образом решают проблему межкультурной коммуникации авторы французских учебников?

Составитель учебного пособия "Francais-com" (methode de francais professionnel et des affaires) Jean-Luc Penfornis (6) не разделяет точку зрения большинства теоретиков, которые классифицируют культуру по категориям, раскладывая ее как бы по разным "ящикам". Культуру, утверждает он, чрезвычайно трудно разложить по ящикам. Во-первых, потому что этих ящиков бесконечное множество, во-

вторых, и это главное, существует бесконечное множество способов классификации. Всем известно, что каждый человек классифицирует по-своему. Культурные различия всегда оцениваются с точки зрения наблюдателя, несущего свою собственную культуру. Поэтому тщетны все попытки дифференцировать и объективно оценить различные культуры. Зато будет весьма интересно выявить относительный и субъективный характер выраженных точек зрения и на основании этого сделать вывод, что твои собственные ценности не носят абсолютного характера. Осознание этого фактора помогает понять и принять ценности других людей, облегчает общение и взаимопонимание. Эта мысль проходит красной нитью через весь материал учебного пособия, состоящего из десяти тем, дающих четкое представление о том, как ведут себя французы в профессиональной среде.

В процессе прохождения каждой темы студент в коммуникативной форме, участвуя в различных ролевых играх, не только овладевает необходимым лингвистическим материалом, но и приобретает определенные прагматические (как правильно вести себя в конкретной ситуации делового общения) и этические навыки поведения, находясь в чужой для него культурной среде. Межкультурное обучение проходит не всегда легко, часто с ошибками языкового, еще чаще с ошибками поведенческого характера, но обычно с запланированным результатом, т.е. с осознанием того, что все мы очень разные в силу нашей принадлежности к разным культурам, разным социальным слоям, в силу особенностей национального менталитета и образа жизни и поэтому ведем себя по-разному в абсолютно одинаковых ситуациях. Особенно часто всевозможные недоразумения, забавные или нелепые, возникают, когда учащемуся предлагается поставить себя на место учебного персонажа и рассказать, как он поведет себя в том или ином случае. Студент, не имея опыта поведения в рамках французской культуры, будучи не в состоянии абстрагироваться от привычного ему менталитета, ведет себя в игровой ситуации не как заданный ему французский персонаж, а как стопроцентный российский гражданин. Таким образом, совершая ошибки в ходе учебного процесса, обучаемый формирует навыки адекватного межкультурного общения с носителями другой культуры. Подобная организация учебного коммуникативного процесса способствует биполярному сравнению языков и культур, обогащает социальный опыт учащегося, активизирует его лингвистический опыт и, бесспорно, стимулирует интерес к изучению языка и новой культуры.

Но автор считает недостаточным активное включение учащегося в сферу одной французской культуры. Все десять тем заканчиваются разделом, посвященным другим культурам. Этот раздел так и называется: "На перекрестке культур".

Анализируемый учебник французского языка "Francais com." касается межкультурных вопросов, используя сложившиеся стереотипы или "критические происшествия". Такой выбор автор сделал для того, чтобы студент мог лучше понять важность межкультурного аспекта, не забывая при этом о расширении лингвистических знаний. "Критическое происшествие" представляет собой чаще всего маленькую историю о встрече представителей разных культур. При этой встрече возникает конфликт, который является результатом непонимания поведения людей разных национальностей. В истории излагаются факты, описываются отношения, чувства и цели собеседников и определяется место действия. Ситуация всегда представляется в момент "кризиса". Возникшая проблема требует срочного действия и принятия какого-либо решения. Чтобы облегчить студентам эту задачу, сориентировать их поиск, автор предлагает ответить на ряд вопросов, касающихся этой истории, и прилагает некоторые документы, в которых можно найти элементы ответа.

Каждое "критическое происшествие" имеет прямое отношение к теме урока. Работа над ним носит игровой, стимулирующий характер. Сложные вопросы межкультурных взаимоотношений трактуются с определенной долей юмора, поскольку сложные интеллектуальные теории в этой тонкой сфере малоэффективны. Стараясь найти выход из "критической ситуации", студент учится находить компромиссы, которые могут примирить недовольных друг другом собеседников, что, в свою очередь, способствует развитию у студента терпимости по отношению к особенностям иного культурного социума. Автор в неназойливой форме дает ощутить, что представитель каждой нации имеет свои языковые особенности, свои интересы, привычки, вкусы, свой стиль поведения и методы работы, которые необходимо учитывать, если ты хочешь быть понятым и принятым в чужую культуру, если ты хочешь достичь успеха в своих делах.

Насыщенность пособия "Francais com." материалами, развивающими навыки би- и поликультурного общения, вполне понятна: в среде делового общения ошибки в поведении, вызванные незнанием другой культуры, чреватые отрицательными, далеко идущими последствиями.

Но понимание друг друга важно не только в деловых переговорах. В нашей повседневной жизни, когда мы общаемся с иностранцами, мы также заинтересованы в том, чтобы это общение было взаимоприятным и оставляло чувство удовлетворенности. Достичь такого эффекта можно только тогда, когда собеседники имеют определенные навыки межкультурной коммуникации.

Группа авторов другого французского пособия "Studio" (5) в полной мере отдает себе отчет в значимости межкультурного аспекта при обучении французскому языку. Пособие предназначено для людей, начинающих учить язык с нуля. Оно открывается серией фотографий, которые дают четкое представление о том, что французская культура является составной частью мировой культуры, что она ничем не хуже и не лучше других культур, она просто занимает отведенную ей историческую нишу. Материалы, обращающие внимание на культурные особенности других народов, представлены в пособии довольно широко. Но, и это вполне естественно, большая часть культурологической информации посвящена Франции. В пособии можно найти огромное множество фотографий, рисунков, иллюстраций, которые уже сами по себе создают соответствующую аутентичную культурную атмосферу. Комментарии, которые их сопровождают, дают рекомендации по поводу особенностей речевого этикета, различных стилей языка, умения формировать и поддерживать дружеские отношения и содержат массу полезных сведений из повседневной жизни французов. Кроме того, почти каждый урок пособия завершается темой "Culture", работа над которой еще больше расширяет межкультурные горизонты.

Опыт работы и по тому и по другому пособию показывает, что студенты с удовольствием, интересом и даже любопытством открывают эти книги и не утрачивают ни того, ни другого, и ни третьего в процессе изучения всего материала. Порой даже создается впечатление, что изобразительная информация им более интересна, чем лингвистическая, поскольку среда общения очень часто бывает важнее самого процесса общения. С другой стороны, соответствующая культурная среда требует адекватного языкового оформления, что пробуждает желание овладения необходимым для этого лингвистическим материалом.

Таким образом, актуальная на современном этапе задача формирования у обучаемых способности к межкультурной коммуникации оказывается вполне решаемой при условии наличия учебных пособий, построенных с учетом требований современной методики и современной жизни.

Библиографический список:

1. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. Пособие для учителя. М., 2000.
2. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
3. Халеева И.И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста. Язык-система. Язык-текст. Язык-способность. М., 1995.
4. Яковлева Л.Н. Межкультурная коммуникация как основа обучения второму иностранному языку // ИЯШ, 2001, №6, с. 4-7
5. Cristian Lavenne "Studio". Methode de francais. France, Didier, 2003.
6. Jean-Luc Penfornis "Francais. com " Methode de francais professionnel et des affaires. France, CLE international, 2002.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МЕЖДОМЕТИЙ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Н.А. Болтнева

**Тамбовский государственный университет им. Г.Р.Державина
Тамбов, Россия**

Как известно, одной из главнейших, базовых функций языка как средства общения людей является коммуникативная. Так, Ж.Вандриес отмечал, что "...человек говорит не только для того, чтобы выразить мысль. Человек говорит также, чтобы подействовать на других и выразить свои собственные чувства" (1, 134).

В организации коммуникативного процесса не последнюю роль играет междометие. Обладая минимальным смысловым потенциалом в изолированном виде, междометия максимально реализуют его в речи, способствуя достижению определенного коммуникативного эффекта. Находясь в возбужденном, взволнованном состоянии, человек пытается выразить максимум содержания с минимумом усилий, активно используя междометия наряду с другими средствами языка. В.Д.Девкин говорит о существовании "междометного стиля обще-

ния”, когда вместо спокойного, делового сообщения дается взволнованное аффективное описание, передающее непосредственность переживания, “неотстоявшиеся впечатления экспансивной природы” (3, 27).

Поскольку значение междометия как языкового знака проявляется в определенной коммуникативной ситуации, с учетом отношений между участниками коммуникации, намерений говорящего и ожиданий слушающего, то их описание следует осуществлять в рамках прагматики, которая “ставит в центр исследований фактор человека как участника коммуникации” (4, 4). Представляется интересным взглянуть на междометия с прагматической точки зрения, определить роль междометия в организации коммуникативного процесса, так как междометие – это та часть речи, которая употребляется преимущественно в диалоге, в одной “из самых существенных форм реализации языка” (2, 22).

Анализ показывает, что в диалоге как в универсальной, естественной форме человеческого общения междометие имеет широкие возможности для реализации. Как отмечает Л.М.Михайлов, “...диалог как речевая деятельность тесно связан с общей прагматической деятельностью человека и должен рассматриваться не только как применение языковых средств, а как его деятельный акт” (5, 133).

Междометия в немецком языке являются пополняющимся классом слов. Так, наряду с истинными междометиями существуют и производные (Gott! Teufel! Mensch! Donnerwetter! Verdammt! Los! usw.), которые сохраняют генетическую связь со знаменательными словами, но приобретают особый смысл в результате длительного употребления.

В диалоге активно употребляются как истинные, так и производные междометия. В грамматиках отмечается, что большинство междометий обладает многозначностью. Анализ фактического материала показывает, что истинные междометия стремятся к многозначности в большей степени, чем производные. Более того, особенностью функционирования истинных междометий в диалогическом дискурсе является то, что некоторые из них могут выражать противоположные значения. Так, междометие Oh может выражать как радость, восхищение, так и раздражение, негодование. Рассмотрим следующий пример:

“Jäger, was willst du schiessen?” Er antwortete: “Zwei Meilen von hier sitzt eine Fliege auf dem Ast eines Eichbaums, der will ich das linke Auge herausschiessen”. “Oh, geh mit mir”, sprach der Mann, “wenn wir

drei zusammen sind, sollten wir wohl durch die ganze Welt kommen” (Grimm, Märchen 168).

Главный герой, встретив опытного охотника, удивлен и восхищен его способностями, что и находит выражение в употреблении междометия Oh.

Совсем другой прагматический эффект видим в отрывке из романа Х.Фаллады “Kleiner Mann – was nun?”.

“Anders denken”, sagt Mörschel, “anders denken, Sie denken genauso wie ein Prolet...”

“Das glaub ich nicht”, sagt Pinneberg, “ich zum Beispiel...”

“Sie zum Beispiel”, sagt Mörschel und kneift die Augen ganz gemein ein und feixt. “Sie zum Beispiel haben sich doch Vorschuss genommen?”

“Wieso?” fragt Pinneberg verwirrt. “Vorschuss..?”

“Na ja, Vorschuss”, grinst der andere noch mehr. “Vorschuss, da, bei der Emma. Nicht sehr fein, Herr. Mächtig proletarische Angewohnheit...”

“Ich...”, fängt Pinneberg an und ist sehr rot und hat Lust die Türen zu donnern und zu brüllen: “Oh, so rutscht mir doch alle..!”

Пиннеберг впервые попадает в семью своей невесты Лемхен. Разговор заходит о политике. Ее отцу, старому рабочему, служащий Пиннеберг не по душе, и тому приходится выслушивать всякие колкости в свой адрес. Все это выводит Пиннеберга из себя. В данном контексте ярко проявляется негативная эмоция - раздражение, негодование.

Библиографический список:

1. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937.
2. Девкин В.Д. Диалог: немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской. М., 1981.
3. Девкин В.Д. Прагматика слова. М., 1985.
4. Милосердова Е.В. Некоторые семантико-прагматические аспекты модальности как грамматической категории (на материале немецкого языка). М., 1988.
5. Михайлов Л.М. Коммуникативная грамматика немецкого языка. М., 1994.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА МНОГОУРОВНЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Т.Г. Бортникова

**Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
Тамбов, Россия**

Тезис о взаимосвязи духа народа и его языка стал общепринятым. Язык как продукт мыслительной деятельности определенного этноса и процесс, созидающий и развивающий эту деятельность, есть, прежде всего, код миропонимания. Еще Р. Белл (1), разработавший теорию ролей применительно к коммуникативному поведению, не отделял их от норм общения, которые зависят от ролевого поведения и во многом определяются менталитетом, присущим носителю данного языка.

Все вышесказанное в полной мере относится и к бизнес-коммуникации. Бизнес коммуникация представляет собой сложное многостороннее явление. Она может являться предметом анализа с различных точек зрения, поэтому изучением проблем, касающихся деловых межкультурных отношений, занимаются многие отрасли знания – культурология, политология, социология, экономика, история, психология и, конечно, лингвистика.

Наиболее простой схемой коммуникативного процесса считается процесс преобразования кодирования и декодирования отсылаемой информации. Но проблема заключается в том, что декодирование определяется личным восприятием получателя, его способностью распознавать и интерпретировать коды для передачи идеи. Поэтому декодирование носит в определенной степени субъективный характер. Адекватность восприятия может, естественно, варьироваться. Создание или расширение сферы взаимопонимания – один из путей увеличения эффективности коммуникации.

Восприятие значения языковых единиц представляет собой сложный процесс взаимодействия результатов категоризации окружающего мира и языковых форм, языковых и неязыковых факторов. Как справедливо отмечает С.Г. Тер-Минасова, "... язык – это зеркало, показывающее не мир вообще, а мир в восприятии человека.... Одновременно в зеркале языка отражается и сам человек, его образ жизни, его поведение, взаимоотношения с другими людьми, система ценностей, культура – мир в человеке. Язык как зеркало отражает оба мира: вне человека, то есть тот который его окружает, и внутри человека, то есть тот, который создан им самим" (3, 259). Реальная картина мира

воспринимается нами через призму культурной и языковой картины мира. Язык, мышление и культура взаимосвязаны так тесно, что практически составляют единое целое.

В этой связи важна также и коммуникативная природа взаимодействующих культур, ибо она определяет понимание смысла в рамках семантического поля языка другой культуры. Успех взаимодействия зависит от умения понимать мотивации поступков представителей других этносов: (почему, как и зачем), осознавать их (этих поступков) психологические импульсы. Кроме того, необходим психологический подход к анализу культурных феноменов, который особенно важен при процессе декодировки символических структур другой культуры. Этапы декодировки все те же, что происходят в процессе кодирования, но происходит этот процесс в обратном порядке, следуя от знаково-символического обозначения к осмыслению ее вербальных и невербальных элементов, и далее – к видению (сопровождающемуся структурированием семантического поля).

Этот когнитивный процесс есть всегда отражение этнического социально-культурного процесса. Вот почему так важно учитывать специфику ментальности другого этноса. Иначе языки разных культур не смогут быть соотнесены друг с другом. Конечно, культурная коммуникация никогда не протекает гладко. Она похожа на перевод текста с одного языка культуры на другой и потому никогда не достигнет уровня полного перемещения смысла сообщений. Как верно подметил Ю. Лотман, при переводе часть сообщения теряется, часть подвергается трансформации, и своеобразие его оказывается утраченным. Эта ситуация была бы безысходной, так как «...если бы в воспринятой части сообщения не содержалось указания на то, каким образом адресат должен трансформировать свою личность, чтобы постигнуть утраченную часть сообщения. Таким образом, неадекватность агентов коммуникации превращает сам этот акт из пассивной передачи в конфликтную игру, в ходе которой каждая сторона стремится перестроить семиотический мир» (2, 141-142).

Поэтому, говоря о процессе бизнес-коммуникации, нам не хотелось бы искусственно отрывать ее от всего процесса общения, который включает в себя не только коммуникативно-речевую, но и коммуникативно-поведенческую и поведенческую составляющие. Проблема состоит в том, что эти всем понятные истины встречают массу препятствий, связанных с реальной практикой общения, где «новое» коммуникативное поведение, учитывающее реалии культуры носите-

лей изучаемого языка, сталкивается с тем, что далеко не все коммуниканты являются типичными представителями своей культуры, ибо в реальности не существует «типичного» англичанина, немца или француза.

Но для того, чтобы не допустить новый ряд коммуникативных ошибок, важно определить прежде всего, в какой мере ориентация на этническую культуру и на культуру общецивилизационную присуща партнерам по коммуникации. Хотя общецивилизационная культура, в свою очередь, может быть интерпретирована и как проявление современной массовой культуры, и как освоение культурных «территорий» Запада и Востока.

Общечеловеческие, этнические, конфессиональные и социальные нормы и ценности определяют общую стратегию поведения человека. Влияние глобализации и демократизации частично нивелировало этническое, конфессиональное или социальное проявление внешних стереотипов поведения. Человечество ушло от традиционных для этносов форм одежды, строгих поведенческих канонов и т. д. Знание и использование международных языков общения также может быть отнесено к влиянию глобализации. Таким образом, внешние этнодифференцирующие признаки ушли скорее в область когнитивную и духовную. Поэтому этические идеалы и ценностные ориентации, вся мировоззренческая структура проявляются только тогда, когда мы что-то говорим или делаем. Ибо и наши поступки, и языковое выражение оценочной категоризации мира также носят этно- или конфессионально специфический характер, отражающий результаты ценностно-классифицирующей деятельности нашего сознания. Анализируя наши слова и действия, окружающие могут глубже понять, чем мы живем. Следовательно, освоение структуры и динамики межкультурной бизнес-коммуникации должно строиться в тесной взаимосвязи обучения языку и двум важным аспектам межкультурного взаимодействия – социокультурному (на этническом, национальном и цивилизационном уровнях) и психологическому.

Библиографический список:

1. Белл Р. Социолингвистика. М., 1980.
2. Лотман Ю. Место киноискусства в механизме культуры // Труды по знаковым системам. Т.8. Тарту, 1977. С.141-142.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.

К ПРОБЛЕМЕ ТВОРЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА

О.В. Винтенкова

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
Тамбов, Россия
vintenkova@mail.ru

В последнее время в лингвистике заметно усилился интерес к проявлениям творческой функции языка. Важность изучения вышеуказанного феномена определяет интерпретация его сути, механизмов, философской, психологической и собственно лингвистической природы. Креативность человека проявляется в различных аспектах его деятельности. Во-первых, это повседневная речевая деятельность, в которой как говорящий на данном языке, так и слушающий создает свою языковую картину мира. «Все это можно понять, исследуя речь человека, те обороты и выражения, которые он наиболее часто употребляет, к которым у него проявляется наивысший уровень эмпатии» (3, 7). В процессе повседневного производства и восприятия речевого акта возможно изменение как языковой, так и концептуальной картин мира, которые являются результатом креативной деятельности человека.

В работе «Человеческий фактор в языке» утверждается, что концептуальная и языковая картины мира соотносятся друг с другом, как целое с частью. Однако языковая картина беднее концептуальной, поскольку в создании последней участвуют, наряду с языковым, и другие виды мыслительной деятельности, а также в связи с тем, что знак всегда неточен и основывается на каком-либо одном признаке (8, 107).

«Проблема исследования языковой картины мира неотъемлема от изучения концептуальной картины мира, которая отражает существование человека, его взаимоотношения с миром, языковая же картина мира объясняет различные картины мира и отображает общую картину мира» (3, 72).

Проблеме описания языковой картины мира и процессов ее становления посвящены исследования многих зарубежных и отечественных лингвистов (А. Вежбицкая, Дж. Лакофф, Л. Талми, Р. Лангакер, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов и др.). В рамках исследования лингвокреативности нам представляется необходимым продолжить исследования в данной области с точки зрения творческой функции языка.

Вторым аспектом изучения креативности человека в рамках лингвокультурологии является, на наш взгляд, мыслительная деятельность. «Лингвистика изучает не только язык, но и сознание человека» (4, 3). Сложность исследования явления лингвокреативности определяет неоднозначность взаимодействия языка и сознания. *Язык как способ выражения и передачи мысли от говорящего к слушающему очень тесно связан с мышлением. Соотношение языка и мышления — извечный сложнейший вопрос и языкознания, и философии. С точки зрения А.И. Фефилова, «отношение сознания к языку проявляется в виде лингвокреативной (языкотворческой) деятельности сознания. Это не что иное, как процесс транспозиции концептуальной картины мира в языковую картину мира» (7, 6).*

На существование «лингвокреативного мышления» указывает Б.А.Серебрянников. С его точки зрения лингвокреативное мышление проявляется в двух направлениях: во-первых, оно «отражает окружающую человека действительность», во-вторых, оно «связано с личными ресурсами языка» (5, 198). Одной из особенностей лингвокреативного мышления является то, что для создания новых слов человек не придумывает новые средства выражения, а пользуется уже существующими в языке понятиями. Таким образом, каждое новое проявление словотворчества обнаруживает связь с каким-либо уже существующим понятием в языке. Эту точку зрения можно наглядно проиллюстрировать, опираясь на исследования этимологии слов в разных языках.

Язык, выполняя творческую функцию, выступает в двух ипостасях: он является основой для создания новых языковых явлений, а также ограничивает лингвокреативную деятельность, т.к. имеющиеся явления в языке не всегда дают возможность создания новых лексических единиц и грамматических категорий.

Следующей особенностью лингвокреативного мышления является то, что при создании новых слов оно по-новому концептуализирует мир. *«Путь от реального мира к понятию и далее к словесному выражению различен у разных народов, что обусловлено различиями истории, географии, особенностями жизни этих народов и, соответственно, различиями развития их общественного сознания» (6, 40).* Этот тезис подтверждается такими примерами, в которых наблюдается несоответствие семантического наполнения лексических единиц в разных языках. Во французском языке для обозначения некоторых понятий используется несколько слов: «рука» - la main – кисть руки, le bras – рука от плеча до кисти; «нога» - le pied - ступня, la jambe –

нога от колена до ступни. Обратную зависимость можно обнаружить, рассматривая другой пример: французскому слову bleu в русском языке соответствуют два слова «голубой» и «синий». Таким образом, можно сделать вывод о том, что один язык в каком-то конкретном случае прибегает к использованию более общего понятия, а другой при этом членит мир на более мелкие компоненты и наоборот. Эту точку зрения можно объяснить разницей деривации слов в разных языках.

Лингвокреативная деятельность человека проявляется на всех этапах речевой деятельности, однако, важную роль при этом играет фактор благоприятной среды для творческих изменений. «Логико-мыслительные понятия могут "оязыковляться" как на уровне лексики, так и на уровне грамматики» (7, 7). Изучению этого вопроса посвящены работы многих лингвистических направлений. Наиболее приспособленной для креативных изменений отечественная ономазиология (а также неология) считает лексику. С точки зрения многих лингвистов, в частности Е.С. Кубряковой, в процессе словотворчества, где происходит переход от реальной действительности к мышлению и от мышления к языку, проявляется особая форма языковой картины мира (2). Генеративисты, в частности, Н. Хомский выражают противоположное мнение и утверждают, что творческой средой является синтаксис. Но это мнение считается парадоксальным, т.к. «генеративисты фактически подгоняли синтаксические конструкции под заполняющую их лексику» (1, 10). Таким образом, лексика является наиболее подходящей средой для креативных изменений.

Библиографический список:

1. Ирисханова О.К. Лингвокреативный аспект деятельности человека // Филология и культура. Материалы IV Межд. научн. конференции 16 -18 апреля. Тамбов, 2003. 1 часть, с.8-10.
2. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2001.
4. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: от сочетаемости к семантике: Автореферат дис. д. филол. наук. М., 1999.
5. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М., 1988.
6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация М., 2000.
7. Фефилов А.И. Морфотемный анализ единиц языка и речи // <http://edu.ulsu.ru/films/morphothema/>
8. Человеческий фактор в языке. Отв. ред. Е. С. Кубрякова. М., 1988.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

А.А. Гвоздева

Тамбовский государственный технический университет

Тамбов, Россия

annagvozdeva@yandex.ru

Гендерные исследования, без сомнения, лингвистически релевантны, осталось только очертить те области, в которых действие гендерного фактора наиболее значимо и заметно.

Наиболее традиционным углом зрения следует считать исследование речевого поведения мужчин и женщин, которое различается по выбору единиц лексикона, преференции тех или иных частей речи, синтаксических структур и стилистических приемов.

Далее будет предпринята попытка выявить и проанализировать основные отличительные особенности женских языковых картин мира.

Для этого была произведена сплошная выборка примеров женской речи с десяти тысяч страниц текста на русском и английском языках из тридцати произведений художественной литературы, отличающихся друг от друга по времени и стилю написания, жанру, а также по половой принадлежности автора того или иного произведения. Наиболее иллюстративными и аргументированно подтверждающими наше исследование мы сочли пятьсот примеров, которые и были проанализированы.

Частотность появления каждого дифференциального признака была вычислена как отношение к общему количеству примеров и выражена в процентах. Типичными дифференциальными признаками считались те, частотность появления которых превышала пять процентов.

Анализ выявленных особенностей производился на лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях. Для удобства восприятия примеры, иллюстрирующие тот или иной дифференциальный признак, приводятся на каждом уровне в порядке убывания частотности появления последнего.

На **лексическом уровне** были обнаружены следующие особенности женских языковых картин мира.

1. Употребление конкретных имен существительных.

Я, богатого купца дочь, солдаткой хотела быть, в казармах с ним жить, а он (6, 304)!

*I fancy, sir, that the **account** of your adventures would be amusing; the first part of them I have often heard from my **niece**; but could the **company** prevail for the rest, it would be an additional obligation (18, 127).*

Частотность появления данного дифференциального признака - 152,6 %.

2. Употребление подлежащих, выраженных местоимением.

*Я, Василий Андреевич, надеялась, что **вы** постучите, прежде чем входить сюда (9, 313).*

*But here is a gentleman who has been my companion in the task for the day, and **it** is fit **he** should share in its amusements (18, 62).*

Частотность появления - 119,7 %.

3. Употребление дополнений, выраженных местоимением.

*Этот берег всегда **мне** напоминает **тебя**, и оттого **мне** еще тоскливее бывает (7, 309).*

*He is only taken up on suspicion, and many have no doubt of his innocence - those who know **him**, sir (17, 327).*

Частотность появления - 61,5 %.

4. Употребление вводных слов и выражений.

***Конечно**, Личка, вы молодая, вам необходимо общество, **возможно**, еще жениха найдете (8; 15).*

*Well, **I shall tell Mr. Carson tomorrow how you are fretting for him; it is no more nor he is doing for you, I can tell you (17, 118).***

Частотность появления - 20 %.

5. Употребление конструкции “наречие + наречие”.

*Поэтому излагайте вашу проблему, **желательно детально**, стесняться не надо, сейчас я исполняю для вас роль врача или исповедника (3, 45).*

*Surely, my dear, you jest, we can walk it **perfectly well**, we want no coach to carry us now (18; 40).*

Частотность появления - 11,8 %.

6. Употребление двойного отрицания.

*Не сердись на меня, я твоя верная, покорная жена; я сорок лет знала твою тайну и **никогда** даже тебе **не говорила** об этом (5, 252).*

I do not respect a man who does not claim his son, or take the mother of that son to be his own (19, 129).

Частотность появления - 9,1 %.

7. Употребление сложных прилагательных.

*Игра девчужке вскоре наскучила, но возвращаться на веранду мне ужасно не хотелось, и я стала придумывать себе какое-нибудь **сверхважное** занятие (8, 234).*

*Jane, you will wonder at us and our mysteries, and think us **hard-hearted** beings not to be more moved at the death of so near a relation as an uncle; but we have never seen him or known him (14, 451).*

Частотность появления - 8,5 %.

На **грамматическом уровне** были обнаружены следующие особенности женских языковых картин мира.

1. Употребление определений.

*Что плохого, если ты возьмешь сейчас **эти** макароны и сваршишь себе сегодня **хороший** обед (1, 270).*

*As a result of his talking so much, burglars broke in one night and actually cut a hole in the safe with a **chemical** device (15, 136).*

Частотность появления - 105,9 %.

2. Употребление обстоятельств.

*Нюрка - девка работающая и собой не глупая, **только** живем мы **бедно**, не отдаст ее за тебя отец (11, 124).*

*She does not forget appointment **as a rule**, and she wants the dress to wear **the day after tomorrow** (15, 108).*

Частотность появления - 102,4 %.

4. Употребление простых предложений.

*По этой комнате любила ходить **покойная мать** (10, 92).*

*But I know something of the **psychology of crowds** (15, 238).*

Частотность появления - 42,1 %.

4. Употребление сложносочиненных предложений.

По опухшему ее лицу текли слезы, а вместе с ними текла и краска с ресниц (4, 104).

Some women will not tolerate their husbands` concubines in their homes, but I am not such a one (19, 55).

Частотность появления - 33,8 %.

На **стилистическом уровне** были обнаружены следующие особенности женских языковых картин мира.

1. Употребление эпитетов.

Будешь вспоминать в далеком Израиле задушевные мелодии самой петербургской певицы в мире (2, 157).

I am quite well, I am only distressed by some dreadful news which I have just received from Longbourn (12, 273).

Частотность появления - 31,5 %.

2. Употребление устаревших слов и оборотов.

А часы легче продать, они, тот человек сказывал, особенные, иностранные, их шибко ценят (9, 115).

And what is Mary Barton to thee, that thou shouldst be running after her in that-a-way (17, 407).

Частотность появления - 17,9 %.

3. Употребление метафор.

Я всегда сорила деньгами без удержу, как сумасшедшая, и вышла замуж за человека, который делал одни только долги (10, 53).

Sir, it is not so much for the value of the liquor I am angry, but one cannot help it when the house is going out of the windows (18, 145).

Частотность появления - 15,6 %.

4. Употребление клише и выражений книжной лексики.

Жизнь ее текла без забот и хлопот, но потом вдруг, в один прекрасный момент, Ксения убежала от супруга (3, 154).

I am sure he will be vastly happy to oblige you, and will save all the best of the covies for you (12, 329).

Частотность появления - 14,4 %.

5. Употребление слов и словосочетаний, выражающих неуверенность.

Может быть, я не знаю, а может быть, и не больна, а так, от большого веселья (5, 318).

Maybe, but I'm fed up with being wholesome (13, 57).

Частотность появления - 10,9 %.

6. Употребление сравнений.

Мы насадим новый сад, роскошнее этого, ты увидишь его, поймешь, и радость, тихая, глубокая радость опустится на твою душу, как солнце в вечерний час, и ты улыбнешься, мама (10, 80)!

You dress like a lampshade if you want to, and if it is suitable to your job, and we shall dress suitably for ours (16, 61).

Частотность появления - 9,7 %.

Для наглядности представим все полученные данные в виде таблицы.

Также была предпринята попытка выявить особенности употребления частей речи женщинами в русском и английском языках.

Таблица 1.**Дифференциальные признаки женских языковых картин мира**

Дифференциальный признак	Уровень языка	Частотность появления
1. Употребление конкретных имен существительных	Лексический	152,6 %
2. Употребление подлежащих, выраженных местоимением	Лексический	119,7 %
3. Употребление дополнений, выраженных местоимением	Лексический	61,5 %
4. Употребление вводных слов и выражений	Лексический	20 %
5. Употребление конструкций «наречие + наречие»	Лексический	11,8 %
6. Употребление двойного отрицания	Лексический	9,1 %
7. Употребление сложных прилагательных	Лексический	8,5 %
8. Употребление определений	Грамматический	105,9 %
9. Употребление обстоятельств	Грамматический	102,4 %
10. Употребление простых предложений	Грамматический	42,1 %
11. Употребление сложносочиненных предложений	Грамматический	33,8 %
12. Употребление эпитетов	Стилистический	31,5 %
13. Употребление устаревших слов и оборотов	Стилистический	17,9 %
14. Употребление метафор	Стилистический	15,6 %
15. Употребление клише и выражений книжной лексики	Стилистический	14,4 %
16. Употребление слов и словосочетаний, выражающих неуверенность	Стилистический	10,9 %
17. Употребление сравнений	Стилистический	9,7 %

Для этого в имеющейся выборке примеров были подсчитаны все случаи употребления женщинами той или иной части речи русского или английского языка соответственно. Частотность употребления каждой части речи была определена как отношение к общему количеству предложений и выражена в процентах.

Для удобства восприятия представим полученные данные в виде таблицы.

Таблица 2.

Количественная характеристика употребления частей речи в русской и английской женской языковой картине мира

Русский язык		Английский язык	
Часть речи	Частотность употребления	Часть речи	Частотность употребления
Глагол	210,6 %	Местоимение	341,2 %
Местоимение	204,1 %	Глагол	338,8 %
Имя существительное	198,8 %	Имя существительное	238,8 %
Наречие	91,8 %	Предлог	138,8 %
Союз	88,8 %	Наречие	109,4 %
Предлог	86,5 %	Союз	106,5 %
Имя прилагательное	63,5 %	Имя прилагательное	100 %
Частица	48,8 %	Артикль	95,3 %
Числительное	8,8 %	Частица	57,6 %
Междометие	1,8 %	Числительное	10 %
Причастие	-	Герундий	10 %
-	-	Причастие I	10 %
-	-	Причастие II	5,3 %
-	-	Междометие	1,8 %

Сложность проведения сравнительного анализа особенностей употребления частей речи в русской и английской женской языковой картине мира заключается в наличии в английском языке частей речи, отсутствующих в русском языке. Однако существует возможность сравнить частотность употребления тех частей речи, которые присутствуют в обоих языках. Так как их - большинство, подобный сравнительный анализ позволит сделать некоторые выводы о сходстве или различии в употреблении частей речи женщинами в русском и английском языках.

Для удобства проведения сравнительного анализа, преобразуем **Таблицу 2**, исключив из нее части речи английского языка, отсутствующие в русском (Табл. 3).

Анализируя полученные данные, получаем, что в пятидесяти процентах случаев частотность употребления частей речи женщинами в русском и английском языке полностью идентична (имя существ-

вительное, имя прилагательное, частица, числительное, междометие). В остальных случаях разница в частотности употребления тех или иных частей речи также невелика (местоимение и глагол; наречие, союз и предлог).

Таблица 3.

Русский язык		Английский язык	
Часть речи	Частотность употребления	Часть речи	Частотность употребления
Глагол	210,6 %	Местоимение	341,2 %
Местоимение	204,1 %	Глагол	338,8 %
Имя существительное	198,8 %	Имя существительное	238,8 %
Наречие	91,8 %	Предлог	138,8 %
Союз	88,8 %	Наречие	109,4 %
Предлог	86,5 %	Союз	106,5 %
Имя прилагательное	63,5 %	Имя прилагательное	100 %
Частица	48,8 %	Частица	57,6 %
Числительное	8,8 %	Числительное	10 %
Междометие	1,8 %	Междометие	1,8 %

Таким образом, можно сделать вывод, что в особенностях употребления женщинами частей речи в русском и английском языке прослеживается некоторая аналогия.

Библиографический список:

1. Абрамов Ф. Повести, рассказы. М., 1981.
2. Врублевская Г.В. Половина любви: Роман. М., 2002.
3. Донцова Д.А. Покер с акулой: Роман. М., 2001.
4. Евдокимов Н.С. Необходимый человек. М., 1990.
5. Одоевский В.Ф. Повести и рассказы. М., 1989.
6. Островский А.Н. Избранные пьесы. М., 1969.
7. Платонов А.П. Цветок на земле: Повести, рассказы, сказки, статьи. М., 1983.
8. Полякова Т.В. Чумовая дамочка. На дело со своим ментом: Повести. М., 2000.
9. Распутин В. Живи и помни: Повести и рассказы. Таллин, 1986.
10. Чехов А.П. Вишневый сад: Пьеса. М., 1982.
11. Шолохов М. Рассказы. Л., 1975.
12. Austen Jane. Pride and Prejudice. М., 1961.

13. Braine John. Room at the Top. M., 1961.
14. Brontë Charlotte. Jane Eyre. M., 1952.
15. Christie Agatha. Selected Stories. M., 1967.
16. Ferguson Ruby. Challenges for Jill. London, 1989.
17. Gaskell Elizabeth. Mary Barton. M., 1956.
18. Goldsmith Oliver. The Vicar of Wakefield. M., 1961.
19. Lindsey Johanna. Fires of Winter. New York, 1980.

КОНТЕКСТНО-СИТУАТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Г.В. Дружинина
Ивановский государственный университет
Иваново, Россия

Идея обучения иностранному языку как средству коммуникации наиболее полно реализована в коммуникативном подходе к обучению чтению (2, 4, 6 и др.). Что касается обучения устной речи в неязыковой среде, то, как правило, оно сводится к устной интерпретации текста, которая предполагает переработку текста, его пересказ, составление резюме, сообщения, имитацию беседы специалистов. Речь, воссоздающая стиль научной коммуникации, опирающаяся на текст, предполагает использование монолога или диалога, представляющего собой обмен монологическими высказываниями. Такая форма коммуникации, с нашей точки зрения, ближе по своей природе к письменной "квазибеседе", а не к разговорной речи, деловому научному высказыванию, устной публичной речи и не дает студенту ответа на вопросы что, где, когда и как сказать, не вооружает так называемыми правилами профессионально ориентированных вопросов. В этой связи наиболее перспективным с позиций контекстно-функционального подхода представляется обучение в виде ситуативного моделирования реальной профессиональной деятельности на основе контекстной синхронизации профессионального ролевого экстралингвистического и лингвистического поведения. Поскольку речевая деятельность выступает объектом и средством иноязычной коммуникации, в процессе которой решаются будущие профессиональные задачи обучаемых, то в качестве дидактической модели обучения используются типичные ситуации и виды социальных контекстов, имитирующих способы и формы иноязычного речевого коммуникативного поведения.

Учитывая это обстоятельство, прежде всего, следует, с нашей точки зрения, определить коммуникативно-тематическую номенкла-

туру контекстуальных ситуационных моделей в соответствии с будущей профессионально-трудовой деятельностью студентов и на этом основании строить процесс обучения.

В качестве основы учебного моделирования иноязычной речевой коммуникации нами выбрана речевая деятельность будущего юриста, психолога, социолога. Эти специальности представляют собой интегрированный образ социального типа, который отражает в своей профессиональной деятельности совокупность общечеловеческих проблем и затрагивает профессионально- трудовую, социально-культурную, административно-правовую сферы. При этом в реальной действительности непременно происходит их пересечение.

Специфика профессионально ориентированного общения такова, что чем выше профессионализм, тем шире их тематическая зона пересечения. Поэтому в процессе обучения иноязычной речевой коммуникации выделяется ситуативно-тематический комплекс, отражающий различные проблемы жизнедеятельности личности и ее профессиональную ориентацию: Внешность, Характер, Образование, Учеба, Увлечения, Путешествия; Профессия социолога, психолога, Зарубежные связи.

Следует заметить, что при этом включаются проблемы, возникающие в реальных условиях профессиональной речевой коммуникации. Разыгрываются такие микро- и макроситуации, как "Судебный процесс по бракоразводному делу", "Убийство при отягчающих обстоятельствах", "Допрос следователя", "Общение психолога с пациентом", "Социальная помощь на дому", "В гостях у выпускников, работающих в различных отраслях юриспруденции", "Встреча выпускников социально-психологического факультета".

Основу учебного моделирования иноязычных речевых ситуаций, вовлекающих студентов в потенциально профессиональное общение, составляют дидактические приемы воссоздания реальной речевой коммуникации посредством "примеривания" профессиональных ролей участников иноязычной речевой деятельности, в которой произносимые слова наполняют реальные образы будущей профессии юриста, социолога, психолога с учетом выполняемых ими функций судьи, адвоката, прокурора, подсудимого, свидетеля, следователя, социального работника, психолога. Иными словами, владение фондом поведенческих алгоритмов в процессе решения профессионально значимых задач происходит в определенных коммуникативных намерениях, которые выражаются в поступках и действиях участников ролевой речевой коммуникации.

Коммуникация, общение является процессом ролевого речевого взаимодействия, в котором возникают и развиваются как рефлексивные умения, так и навыки и умения ситуативного иноязычного речевого владения репликой, фразой, значимым отрезком тематической информации, среди которых И.А. Зимняя выделяет выбор слов, удержание в оперативной памяти определенного количества тематических иноязычных лексических единиц, реакцию на иноязычный вопрос, умение выбрать по ситуации реплику, фразу, стереотипные выражения, механически воспроизводящиеся в данной ролевой тематической ситуации, так называемые контекстуальные речевые клише (2, 207). Автоматизм, сознательность, гибкость в употреблении лексических единиц и быстрота реакции на реплику обеспечивают, на наш взгляд, формирование лингвистической и коммуникативной компетенции, необходимой для осуществления ролевой речевой контекстно-ситуативной деятельности. А для этого, безусловно, необходимы педагогические усилия, направленные на формирование аудитивных навыков восприятия речевого потока и прогнозирования ситуации, а также умений использования лексико-грамматических средств.

В этой связи студентам предлагаются функционально-коммуникативные упражнения, ориентированные на:

- снятие лексико-грамматических трудностей, а также адекватного лексико-грамматического оформления высказывания (Прослушайте прилагательные, отметьте в своем списке те, которые характеризуют внешность человека. Составьте описание внешности; В предстоящем допросе вам придется убеждать собеседника. Просмотрите список синонимов и сформулируйте не повторяясь свою точку зрения несколько раз);
- владение диалогической речью вопросительно-уточняющего характера (Вы не уверены, что ваша информация достоверна, выразите удивление по поводу данного поступка, выясните его причину);
- расширение инициативного и ответного высказывания (Ответьте на вопрос. Выясните, как ваш подзащитный познакомился с мисс N. Прежде чем задать вопрос, объясните ему, что ситуация очень серьезная);
- развитие монологического высказывания (Прочитайте протокол следователя. Отметьте, какие сведения вам необходимы. Распределите предложения в том порядке, в котором вы будете совершать действия по расследованию преступления).

Специфика иноязычной речевой коммуникации юриста, социолога, психолога предполагает в качестве основного вида взаимодействия как беседу–диалог–расспрос, так и монолог, включенный в диалогическое общение.

В ролевом взаимодействии функциями партнёров могут выступать как инициативная реплика, так и инициативный диалог, развернутые реплики монологического характера, передача информации в виде доказательства, рассуждения, сообщения (например, в ситуациях "Следователь – допрашиваемый", "Психолог – пациент").

Таким образом, продуктом ролевого речевого поступка, действия является монолог, включенный в диалогическую речь, так называемый монодиалог. Следовательно, в структуру обучения речевой иноязычной коммуникации должен входить как "разговорный текст" монологического характера, входящий в ситуацию языкового речевого общения, так и диалог-образец, развивающий коммуникативно-речевое поведение (6, 125).

Отсюда становится очевидным, что разговорный текст монологического характера в методическом плане обеспечит мотивационную готовность обучаемых решать определенные коммуникативно-речевые задачи, поскольку он обладает целостной логической смысловой структурой, информативным объёмом знаковых речевых лексических единиц, а также функцией контекстной трансформации. Кстати сказать, что контекстная трансформация разговорного текста монологического характера дает широкие возможности самостоятельного определения и использования речевого языкового репертуара в соответствии с коммуникативно заданной ролевой ситуацией.

Что касается разговорного текста-диалога, то он характеризуется яркой эмоциональной окрашенностью и позволяет студентам принять на себя роль будущих профессионалов-юристов, социологов, психологов в процессе разыгрывания профессиональных ситуаций.

Исходя из сказанного следует, что ролевая речевая деятельность обучаемых предполагает формирование коммуникативных функциональных навыков и умений как экстралингвистического (ролевого), так и лингвистического (речевого) взаимодействия.

Последнее обусловлено характером выполняемых функций, таких как установление ролевого речевого контакта и разного рода речевых действий, которые реализуются в контекстуальных речевых клише. Степень владения ролевыми и речевыми действиями находит своё отражение в речевом поведении как в диалоге (отдельных репликах), так и в монодиалоге (диалоге с развернутыми высказываниями).

А поскольку любая продуктивная ролевая речевая деятельность является элементом репродукции, то задача преподавателя состоит в том, чтобы заложить в долговременную память обучающихся функциональные профессионально-речевые контекстуальные клише, языковые речевые стереотипы, а также готовые предложения, представляющие собой логически завершенные ролевые речевые действия.

Обучение пониманию и использованию речевых реплик, фраз в ролевом речевом общении, а также их структурно-семантических взаимосвязей в монологическом и диалогическом единстве обеспечивается функциональным отбором и организацией языковых лексических средств, а также формированием различного рода умений:

- реагировать на предложенные утверждения;
- употреблять клишированные фразы;
- составлять потенциально профессиональные микро- и макродиалоги в рамках предложенной тематики;
- вести микро- и макродиалоги с использованием ключевых слов, контекстуальных речевых клише.

Итак, речевая коммуникация представляет собой процесс ролевого речевого взаимодействия партнёров, в котором каждая предыдущая и последующая реплика структурно и логически связана с восприятием речи на уровне контекстуальных стереотипов: инициативная реплика – ответная реакция, инициативное высказывание – ответное высказывание.

Причем специфичностью инициативно-ответного высказывания является то, что оно возникает спонтанно, в результате мыслительной деятельности в процессе поиска и использования лингвистических и экстралингвистических средств в нужном контексте и требует обучения навыкам и умениям владения смысловым языковым ролевым "процессуальным" взаимодействием, речевой коммуникацией.

В заключение следует подчеркнуть, что контекстно-ситуативное обучение иноязычной речевой коммуникации способствует реальной интеграции иностранного языка в систему профессиональной подготовки специалиста в той или иной области знания, что способствует общей гуманистической тенденции и социальным требованиям, предъявляемым к системе вузовского образования, направленного на формирование иноязычной личности с высокоразвитой культурой общения и способностью вступать в межличностные деловые контакты.

Библиографический список:

1. Зимняя И.А. Педагогическая психология. Ростов-на-Дону, 1997.
2. Клычникова З.И. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке. М., 1973.
3. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М., 1989.
4. Серова Т.С. Психологические и лингводидактические аспекты обучения профессионально ориентированному иноязычному чтению в вузе. Свердловск, 1989.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАЗРАБОТКИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ НА КАФЕДРЕ ИНТЕНСИВНОГО ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Н.А. Дударева

**Ивановский государственный энергетический университет
Иваново, Россия**

Идеи тотального управления качеством (TQM) помогли кафедре интенсивного изучения английского языка решить задачу качественной подготовки по английскому языку студентов технического университета. В ходе решения этой задачи разработаны организационные, управленческие и методические принципы подготовки студентов, создана принципиально новая учебно-методическая база и сформирован коллектив преподавателей - энтузиастов, ориентированный на новейшие технологии обучения и постоянное улучшение качества своей работы.

Сила этого подхода в его системности. Качество персонала, качество материально-технической и учебно-методической базы, качество рабочих процессов, качество информации и качество управления – только все это в совокупности обеспечивает качество образования, отвечающее современным требованиям.

Что касается управления кафедрой в целом, разработаны миссия и видение кафедры, определена стратегия развития, поставлены цели и задачи. В коллективе сформировалась культура, ориентированная на постоянное улучшение всех сфер деятельности кафедры и максимальное удовлетворение запросов наших клиентов. Разработаны механизмы управления качеством: и качеством человека, и качеством содержания образования, и качеством образовательных технологий.

Кафедра расширяет сферы своей деятельности, ищет новых клиентов, выходит на новые рынки. Так, уже несколько лет мы разраба-

тываем курсы для сторонних заказчиков – предприятий и компаний города и ведем подготовку по английскому языку их сотрудников. В этом направлении мы делаем только первые шаги, но уже сейчас ясно, что это перспективная работа.

Главный итог нашего эксперимента – мы создали образовательную программу нового поколения, с современным дизайном, методическим и технологическим обеспечением. И мы сформировали коллектив преподавателей, мыслящих стратегически, вооруженных международным опытом, методами поиска и освоения новых эффективных методов преподавания.

Для нас секрет успеха связан, прежде всего, с той частью концепции, которая касается управления персоналом. Мы сумели создать такие условия работы и такую среду обучения, которые способствуют раскрытию потенциала преподавателей и студентов, когда преподаватели испытывают радость и удовлетворение от работы, а студенты – от учебы.

Мы не претендуем на полноту реализации концепции – это невозможно в рамках отдельной кафедры и даже в масштабах целого университета. Главное – понимание стратегической важности качества для завоевания и сохранения прочных позиций на современном рынке образовательных услуг. Поэтому мы не даем никаких рекомендаций. Философия тотального управления качеством настолько широка и всеобъемлюща, что каждый видит в ней что-то свое. Нам эта концепция помогла доказать, что качественная подготовка по английскому языку в рамках технического вуза возможна.

ВЗАИМОСВЯЗЬ АУДИРОВАНИЯ И ЧТЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Г.В. Елохова

Российская правовая академия

Москва, Россия

Существующая сетка часов (4ч. в неделю) иностранного языка в вузе, разный исходный уровень знаний студентов требуют установления оптимального соотношения видов речевой деятельности на разных этапах обучения. При изучении всего комплекса проблем взаимодействия видов речевой деятельности необходимо учитывать как их положительное, так и отрицательное влияние.

Как известно, вопрос соотношения письменной и устной форм языка – это координация двух систем, одинаковых по содержанию и

разных по форме выражения. Их оптимальное сочетание и дает наилучшие результаты. До сих пор чтение остается одним из основных видов речевой деятельности. Поскольку аудирование тоже рецептивный вид, то оно больше, чем другие виды связано с чтением и является основным видом по влиянию на улучшение техники чтения и скорости извлечения информации при различных видах чтения.

Однако менее развитыми навыками у студентов являются навыки аудирования, умение воспринимать текст на слух, недостаточно развитая кратковременная вербальная память, неустойчивая способность сконцентрироваться.

При аудировании, как известно, различают два уровня понимания: уровень узнавания и уровень выбора принятия решений. В соответствии с этим обучение аудированию должно проводиться последовательно как по трудности языкового материала, так и по степени трудности заданий: на 1 этапе – это отдельные слова, синтагмы, предложения параграфы и небольшие тексты; понимание отдельных слов, фраз, общего содержания, извлечение нужной информации и т.п. Уровень владения аудированием – глубина понимания устного сообщения текста.

При составлении заданий на проверку глубины понимания необходимо помнить о том, что на слух человек воспринимает 20% информации, по зрительному каналу – 30%, что видел и слышал – 50%. Отсюда вытекает – в процессе обучения необходимо параллельно использовать все виды памяти – зрительную, слуховую, моторную, эмоциональную и логическую (например, сочетание аудио-видео материалов к учебнику "Headway").

Нами применяются задания, представляющие собой:

1. ответы на вопросы, включающие слова типа "почему", "зачем", "с какой целью";
2. ответы на вопросы проблемного и обобщенного типов;
3. краткое изложение основного содержания услышанной информации;
4. прослушивание и устное воспроизведение текста, построенного на лексико-грамматическом материале проработанных текстов (например, из учебника "Just English").

Вопросы по содержанию услышанной информации для фронтальной работы должны охватывать основное содержание текстов, а также характеристики и оценку отдельных явлений или предметов.

Кроме того, развивать навыки аудирования можно лишь на базе уже готовых навыков чтения и говорения.

Поскольку у многих студентов слабо развита языковая восприимчивость, слуховое восприятие и сильно развита зрительная память, то перечисленные факторы предопределили систему упражнений для обучения аудированию на базе чтения.

На 1 этапе предлагаются следующие упражнения:

1. фонетическая обработка текста для создания слухового образа, чтение вслух;
2. устный перевод текста или отдельных его параграфов, прочитанных преподавателем;
3. работа над активизацией лексики;
4. работа над активизацией грамматического материала;
5. упражнения речевого характера;
6. пересказ текста.

На 2-м этапе студентам предлагаются тексты для ознакомительного чтения, на базе которых можно построить беседу в форме диалога, при этом можно вводить роли: журналиста, берущего интервью; комментатора, переводчика и т.д.

Все это делает более эффективным обучение говорению и аудированию на основе чтения, ибо, как известно, студенты, активно читающие на иностранном языке, дольше сохраняют умение говорить, чем те, кто пренебрегает интенсивным чтением и, как показывает практика, студенты, владеющие навыками чтения, быстрее овладевают навыками говорения и аудирования.

Таким образом, взаимосвязанное обучение чтению и аудированию положительно влияет на становление этих навыков, что открывает большие возможности использовать аудирование для достижения одной из главных целей обучения иностранному языку: чтению оригинальных текстов. Аудирование необходимо на всех этапах обучения, поскольку чтение, объем которого возрастает по этапам, лучше всего подкрепляется аудированием.

NOTE-TAKING AS ONE OF THE MAJOR TECHNIQUES IN TEACHING EFL LEARNERS ACTIVE LISTENING

I.V.Ermakova
Ivanovo State Power University
Ivanovo, Russia
erm@dsn.ru

One of the problems of teaching EFL learners is the development of listening comprehension skills. To teach students to listen effectively is very important, since listening occupies from 45 % to 53 % of our communication activity (1). Then how can we ‘transform’ our students from passive listeners into active ones and make them participants of effective communication? To answer this question we should mention the following types of listening: listening for enjoyment, listening to help, and listening for information (2). The latter one is often referred to as *focused listening*: when we listen for a particular purpose, to find out information we need to know. Examples of this kind of listening may be listening to news or a university lecture. In these situations we listen much more closely, but we don’t listen to everything we hear with equal concentration – we listen for the most important points or for particular information. So, in class we are usually concerned with *focused or active listening*: we expect the students to listen closely and remember afterwards what they heard.

Speaking on **Where and for whom active listening may be important**, we should identify different educational situations and groups of learners.

As for Intensive English Language Department, we teach *translators in professional communication* and the importance of active listening skills for them is quite obvious.

We also deliver Business English course for the students of the above-mentioned specialization and Office Management students. The following business situations, such as telephone talks, meetings, interviews, negotiations are effective when their participants are active listeners.

Active listening is a must for the students, who get an opportunity to continue their education in American or European colleges and universities, and who are to take the TOEFL . Listening comprehension is a part of this test format. And since college students are generally tested on the material presented by professors during class lectures or discussions, good listening and note-taking skills become really a question of survival for them.

One of the major techniques for developing active listening is *note-taking*. Although some authors use the terms *note-taking* and *note-making* interchangeably, F.Grellet makes a clear distinction between them in connection with summary writing.

In summary writing, minor details must be deleted. Nevertheless, the summary must be an accurate and objective account of the text without reader's reaction to it. So, if we record the information as we perceive it – we *take* notes; and we *make* notes when we write our reactions to what we perceive. Hence, note-taking quite often can be supplemented by note-making (6).

Note-taking involves putting onto paper the data received through any of our senses. These data can range from simple figures, letters, symbols, words or phrases. And the decision on whether the notes are to be taken at the moment of perception or shortly afterwards depends on the complexity of the task and the ability of the note-taker. Consequently, if we are to take notes with figures, letters or single words to fill in a pre-designed skeleton, we can do it at the same time we receive the information; whereas notes which require selection, summarizing and organization ought to be taken later.

So, the question arises **How to take better notes?**

First, we should have our own set of meaningful abbreviations and symbols.

Second, when listening to a lecture or recorded material, we need to have a clear purpose and a definite sense of organization for the notes to be taken.

Third, we need to anticipate the information we are going to receive and be ready to write what is really important.

The fourth requirement is that students must have a reason for taking notes.

The fifth requirement is to be alert to those cues that precede the information that should be noted down. You should pay attention to such signals as pauses, raising of the voice to make an important point, or using words describing a process or sequence of events (*first, next, subsequently, etc.*), describing the causal relationship between events (*due to the fact that, because of, if, etc.*).

Finally, you must try and predict what will be heard (5).

In our article we shall concentrate on listening to lectures, as much has already been written about listening to a sound track on TV. The

teachers of Intensive English Language Department apply this activity in training translators in professional communication. We use this kind of focused listening, because we are absolutely sure that aside from developing note-taking ability, several other skills necessary for academic success are worked in a tandem:

- *processing information received orally;*
- *making inferences and drawing conclusions therefrom;*
- *becoming familiar with the various styles and accents of lectures;*
- *handling objective test-taking formats (we are trying to familiarize the students with the objective test-taking formats often used in tests of listening comprehension);*
- *preparing for classroom discussions and debates.*

When choosing the material for listening comprehension, we try and follow some criteria.

Firstly, this kind of listening must include listening preparation. The examples of pre-listening activities may be preview of content, vocabulary and sentences.

Secondly, good listening exercises must encourage both whole message listening and listening for details. The lecture may be presented in different ways. For example, at an early stage of this skill development, students may be given a note-taking model of the lecture in a skeleton form. The student listens to the lecture while looking at the model. During the second listening the student is advised to develop an individual style of note-taking that will best suit his or her individual needs.

Thirdly, the lecture must provide interesting content and communicate real meaning to require listener's response. For these reasons, post-listening activities are usually familiar multiple-choice questions or true-false statements. As for follow-up activities, we offer topics for discussions and writing which require the student to reorganize, synthesize or amplify the data given. Though some require that outside reference sources be consulted in preparing answers to the questions.

By way of conclusion, I would like to stress that as teachers we must decide what sort of help our students need for every task of listening activity we assign. Guidance provided will depend on the degree of difficulty of the task involved, but it must build up the students' confidence in their ability to listen and take notes in English simultaneously.

References

1. Barker Larry et al. An Investigation of Proportional Time Spent in Various Communication Activities by College Students // Journal of Applied Communication Research, 1980, №8.
2. De Vito Joseph A. Human Communication. New York: Harper and Row Publishers, 1988, pp.63-64.
3. Dunkel P. and Pialorsi F. Advanced Listening Comprehension. Developing Aural and Note-Taking Skills. Cambridge: Newbury House Publishers, 1982.
4. Dyuzhikova Ekaterina A. Listening Comprehension: In Search of Effective Methods of Teaching // ESP/ BESIG RUSSIA, 2000, June, pp. 54-57.
5. Fajardo Clara P. Note-taking. A Useful Device // Forum, 1996, Vol. 34, No. 2, pp. 22-25.
6. Grellet, F. Developing Reading Skills: A Practical Guide to Reading Comprehension Exercises. Cambridge: Newbury House Publishers, 1982.
7. Minaeva Ludmila. "I'm All Ears": Development of Listening Comprehension Skills in the EFL Class // ESP/BESIG RUSSIA, 2000, №12, pp.3-4.

НЕМЕЦКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В ЗЕРКАЛЕ РЕЦЕПТИВНО- ЭСТЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (к проблеме литературной коммуникации)

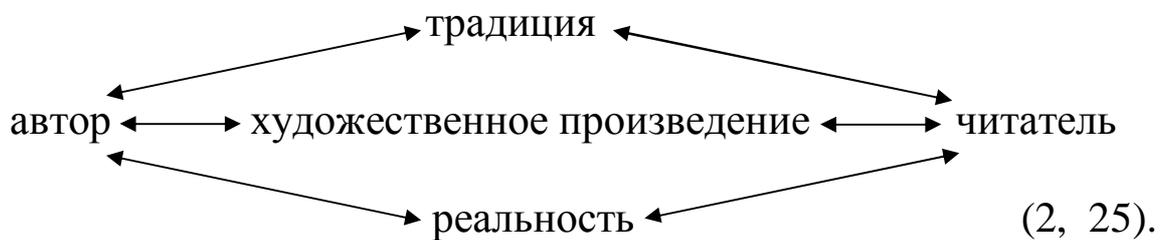
Е.Н. Золина

**Ивановский государственный химико-технологический
университет**

Иваново, Россия

Термин «литературная коммуникация» пришел в филологию из теории информации. По аналогии с общей схемой процесса коммуникации, принятой в информатике, где этот процесс означает передачу информации от одной системы к другой (отправитель — сообщение — получатель), литературную коммуникацию представляют в виде следующей коммуникативной цепи: автор — текст — читатель; по отношению к художественной литературе: автор — художественное произведение — читатель. Подобная схема предложена, в частности, в книге сторонников системного подхода к исследованию худо-

жественной литературы В. Г. Зинченко, В. Г. Зусмана, З. И. Кирнозе «Методы изучения литературы. Системный подход» (2002). Авторы справедливо полагают, что использование понятия «литературная коммуникация» применительно к художественной литературе предполагает представление о ней как о системе, в которой реализуются многомерные и разнонаправленные отношения между автором и читателем, связанными между собой через центральный элемент системы — произведение. В качестве опосредующих звеньев в систему «художественная литература» входят, по их определению, отношения «автор — реальность», «реальность — читатель», «автор — традиция» и «традиция — читатель», в результате чего структурная схема коммуникации в системе «художественная литература» приобретает следующий вид:

При этом под «традицией» в процессе коммуникации в системе «художественная литература» понимается «сознательно избираемый художником опыт предшественников либо влияние культуры, постигаемое независимо от воли авторов» (2, 26). Кроме того, художник создает свое произведение, не только «опираясь на традицию», но и «учитывая знание этой традиции читателем» (2, 24). Соответственно под «реальностью» подразумеваются «события, в русле которых он (автор — Е. З.) живет и «зеркалом» которых одухотворяется либо костенеет <...> Одновременно — она и та реальность, которая воссоздана в произведении и с которой читатель соотносит произведение, читательское представление о реальности, не остающееся неизменным в разные времена» (2, 26). Обратная связь между элементами системы, идущая соответственно от читателя к произведению, находится, по мысли авторов, за пределами передачи информации и поэтому литературная коммуникация ее не фиксирует (2, 25). Действительно, акт восприятия произведения сознанием рядового читателя, который знакомится с ним вовсе не с целью последующего специального критического разбора художественного текста, зафиксировать напрямую не представляется возможным. Однако это обстоятельство не отменяет наличие обратных связей в системе «художественная литература». Финалом процесса литературной коммуникации для фило-

лога-специалиста, по мысли упомянутого выше авторского коллектива, является интерпретация текста (2, 23). С этим трудно не согласиться. Однако, памятуя о том, что литература пишется не для филологов, а для «просточитателей», закономерно задаться вопросом: а как же работает эта неизбежная обратная связь, если литературный текст читает «просточитатель»? Ответ на этот вопрос попытались дать представители рецептивной эстетики — самого влиятельного направления в зарубежном литературоведении 70-х годов XX века, продолжающего развиваться и в настоящее время.

Сегодня уже нет необходимости подробно пояснять методологические установки и исследовательские конструкты рецептивно-эстетического подхода к разработке теории и истории литературы. Особенно с учетом того, что программные труды главных теоретиков и практиков рецептивной эстетики, немецких ученых Х. Р. Яусса «История литературы как провокация» («*Literaturgeschichte als Provokation*»), 1970 (в русском переводе опубликована глава из этой книги «История литературы как провокация литературоведения», изданная впервые в 1967 году отдельным изданием [5]), «Читатель как инстанция новой истории литературы» («*Leser als Instanz neuer Literaturgeschichte*»), 1977, «Эстетический опыт и литературная герменевтика» («*Ästhetische Erfahrung und literarische Hermeneutik*»), 1977 и В. Изера «Апеллятивная структура текста: неопределенность как условие воздействия художественной прозы» («*Apellstruktur der Texte: Unbestimmtheit als Wirkungsbedingung literarischer Prosa*»), 1970, «Имплицитный читатель: коммуникационные формы романа от Беньяна до Беккета» («*Der implizite Leser: Kommunikationsformen des Romans von Bunyan bis Beckett*»), 1972, «Акт чтения: теория эстетического воздействия» («*Der Akt des Lesens: Theorie der ästhetischen Wirkung*»), 1976 уже снискали заслуженное признание мировой гуманитарной мысли, в том числе и в России (1, 3, 4) как «наиболее законченное на сегодняшний день выражение принципов рецептивной эстетики» (1, 131), а сама она — «статус самостоятельного исследовательского направления» (5, 38), имеющего в настоящее время несколько основных линий развития (1, 138).

Наша цель — попытаться осмыслить, как на практике «работает» рецептивно-эстетическая теория, что нового она привнесла в конкретную исследовательскую работу литературоведа и что дало ей возможность не затеряться в сложной панораме зарубежных литературно-критических школ и направлений. В связи с этим представляет

интерес работа немецкого литературоведа Хартмута Эггерта «Очерки по истории общественного воздействия немецкого исторического романа 1850—1875 годов» («*Studien zur Wirkungsgeschichte des deutschen historischen Romans 1850—1875*»), 1971, написанная в период активного становления рецептивной эстетики, европейским форпостом которой в конце 60-х—70-е годы XX века стало научно-исследовательское сообщество ученых-гуманитариев во главе с Хансом Робертом Яуссом, организованное при Констанцском университете в ФРГ (так называемая констанцская школа рецептивной эстетики). Входившие в состав этой исследовательской группы ученые (не только литературоведы, но и лингвисты, историки, философы, социологи, теологи и пр.) регулярно проводили научные коллоквиумы и активно публиковали результаты своих научных изысканий. К 1971 году, году выхода в свет книги Х. Эггерта, уже были изданы многие принципиально важные труды констанцской группы, в том числе и сборники «Имманентная эстетика — эстетическая рефлексия: лирика как парадигма модерна» («*Immanente Ästhetik — ästhetische Reflexion: Lyrik als Paradigma der Moderne. Hrsg. v. W. Iser*»), 1964, «Более изящные искусства: пограничные феномены эстетического» («*Die nicht mehr schönen Künste. Grenzphänomene des Ästhetischen. Hrsg. v. H. R. Jauss*»), 1968, а также упомянутые выше работы Х. Р. Яусса и В. Изера до 1971 года. В этих трудах уже были обозначены отправные философско-эстетические ориентиры, основные идеи, аналитические средства и понятийные категории рецептивной эстетики, в числе которых следует выделить, во-первых, значительное расширение спектра исследований за счет включения в поле зрения литературоведения неканонических жанров, «пограничных феноменов эстетического» (Х. Р. Яусс), ранее заведомо исключавшихся из специального изучения теоретиков и историков литературы, и установка на синхронное рассмотрение «гетерогенного множества одновременных произведений», «синхронный срез потока литературной продукции» (Х. Р. Яусс); во-вторых, оригинальное усвоение и преломление идеи интенциональности человеческой психики, позволившее рецептивным эстетикам обосновать коммуникативную сущность литературы и объяснить активный характер читательского восприятия, отсюда вытекала краеугольная идея новой школы о превращении текста в художественное произведение именно вследствие контакта текста с читателем и о конкретно-историческом характере восприятия и бытования текста, а также об апеллятивности его структуры и о необходи-

мости разработки «репертуара неопределенности» (В. Изер) литературного произведения, позволяющей выявлять и моделировать возможности читательского восприятия; в-третьих, историчное использование герменевтических категорий «предпонимания» и «ожидания» и вывод о «прогнозирующе-предвосхищающей логике» (Х. Р. Яусс) современных и авангардных литературных форм, о связи интерпретации художественного произведения с «литературным или эстетическим опытом» и «горизонтом ожидания читателя» (Х. Р. Яусс), о возможности «этической предориентации жизненного опыта читателя» в процессе рецепции литературы и шире — о «формирующей общество функции литературы» (Х. Р. Яусс); наконец, общегуманитарный системный подход к исследованию литературы с целью поиска выхода из дилеммы догматизм — релятивизм и преодоления изолированно эстетического и акцентированно социологического рассмотрения «литературной эволюции».

Влияние констанцской школы на работу Х. Эггерта очевидно. Это явствует уже из его обращения к проблеме немецкого исторического романа 1850—1900 годов, ранее не становившегося предметом систематического исследования академической науки, и четкой установки на изучение «всего спектра произведений в области исторического романа (определенного временного промежутка — Е. З.), а не только его литературных вершин» (6, 15). В процессе работы исследовательский материал оказался таким огромным — Х. Эггерту удалось выявить более 800, как правило, многотомных произведений, — что он, по его собственному признанию, вынужден был ограничить временные рамки своей работы 1850—1875 годами, хотя по первоначальному замыслу предполагалось охватить всю вторую половину XIX века (6, 23). По сути дела, книга Х. Эггерта — это попытка, в духе теории Х. Р. Яусса, сделать «синхронный срез» немецкого исторического романа в определенный момент его эволюции и вычлениить «в этом гетерогенном множестве одновременных произведений равноправные, противоположные и иерархические элементы, объединяющиеся в соответствующие структуры, и тем самым выстроить для литературы данного исторического периода более общие рамки рассмотрения» (5, 74—75). О дефиците такого рода работ на материале немецкой литературы второй половины XIX века Х. Эггерт пишет во ввводной главе книги (6, 21) и формулирует для себя вопросы, поиск ответа на которые и был целью его исследования: «каково действительное количество исторических романов без оглядки на их литера-

турный ранг, кем они читались, какие причины были существенными для возникновения и рецепции исторических романов в данное время» (6, 22). Ограничивая временные рамки работы, Х. Эггерт задает себе еще два вопроса: «почему именно в этой фазе политического и общественного развития Германии исторический роман пережил такой бум и какое значение следует этому придавать» (6, 23).

Вводная глава книги «О проблеме и о теории истории общественного воздействия литературы» фактически построена на авторской интерпретации основных положений манифеста рецептивной эстетики — книги Х. Р. Яусса «История литературы как провокация литературоведения», отталкиваясь от которой Х. Эггерт пытается дать собственную версию процесса литературной коммуникации и выработать методологические подходы к анализу взаимоотношений произведения и читателя. В частности, он пишет о важности введенной Х. Р. Яуссом категории — «горизонт ожидания читателя», подчеркивающей коммуникативный характер взаимоотношений между литературой и читателем, а также наличие у художественной литературы не только изобразительно-эстетической, но и общественной функции. Именно благодаря этой категории возникает иной масштаб определения ценности литературы, который «более не нуждается в телеологии» (6, 14). Х. Эггерт полностью разделяет вывод Х. Р. Яусса о возможном несовпадении «горизонта ожидания литературы» и «горизонта ожидания читателя», из которого вытекает «предвосхищающая» функция литературы в формировании духовного опыта человека, необходимого в его жизненной практике (6, 14). Вместе с тем, Х. Эггерт считает, что яуссовский «горизонт ожидания читателя» имеет «идеально-типический», «надивидуальный» характер и что он говорит о «горизонте ожидания читателя вообще (*des Lesers* — курсив Х. Эггерта)» (6, 17). По мнению Х. Эггерта, этот потенциальный горизонт ожидания читателя полезен историку литературы до тех пор, пока с его помощью исследуются литературные инновации, тогда как для выявления общественной функции литературы абстрактного описания этой категории недостаточно и здесь нельзя обойтись без кооперации с социологией литературы, без материалов, почерпнутых вне литературы (6, 18). Это заключение Х. Эггерта требует уточнения. Х. Р. Яусс и его коллеги выступали за объединение усилий всех гуманитарных наук и не отказывались от наработок социологии литературы. Они призывали не сводить проблему взаимоотношений между литературой и читателем к кругу чисто социологи-

ческих проблем. «Призыв» Х. Эггерта сделать изучение читательской публики обязательной составной частью рецептивной эстетики реализовался в так называемой эмпирико-социологической линии современных рецептивных исследований (1, 138). Более того, сам Х. Эггерт вынужден вернуться к категории абстрактного, как он сам говорит, «среднеарифметического» читателя (6, 117), когда он приступает к анализу художественной структуры исторического романа в четвертой главе книги.

В подтверждение правильности своих выводов Х. Эггерт приводит далее наблюдения немецкого социолога Ю. Хабермаса о существенном сдвиге в общественной жизни Германии середины XIX века, отмеченном им в книге «Структурные изменения общественности» («Strukturwandel der Öffentlichkeit»), 1968. Ю. Хабермас, по Х. Эггерту, полагает, что в середине XIX века в Германии «культурно-резонирующую публику» (т. е. рассуждающую, рефлектирующую) потеснила «культурно-конзумирующая публика» (т. е. потребляющая), в результате чего развились «две различных литературы» для двух разных типов читательской публики (6, 19—21). На основании этих рассуждений Ю. Хабермаса Х. Эггерт делает следующее предположение: «Видимо, исследование «литературной эволюции» на базе рецептивной эстетики ограничивается и будет ограничиваться в дальнейшем, главным образом, сферой такой литературы, которая читалась и читается «культурно-резонирующей публикой», отсюда же берется, как правило, и исследовательский материал» (6, 21). С таким поспешным заключением, хотя оно и сделано некатегорично, в форме предположения, вынесенного в скобки, трудно согласиться, если иметь в виду работы Х. Р. Яусса и его ближайшего окружения, возможно, не все они были знакомы Х. Эггерту, кроме того, ряд показательных в этом отношении исследований, например, «Читатель как инстанция новой истории литературы» Х. Р. Яусса и «Имплицитный читатель» В. Изера, еще не были опубликованы.

Выводом вводной главы становится намерение автора исследовать материалы, взятые из сферы литературной продукции не только для «резонирующей», но и для «конзумирующей» публики, т. е. для массового читателя. Этим объясняется кропотливая предварительная работа Х. Эггерта в архивах и библиотечных запасниках по разысканию и идентификации немецких исторических романов 1850—1900 годов, поистине грандиозный список которых включен в качестве приложения к пяти основным главам книги.

Первая глава книги «Исторический роман 1850—1875 годов и его публика» отражает большую работу Х. Эггерта как социолога культуры. Он пытается выяснить рыночные механизмы предложения и читательский спрос исторических романов. В эту главу вошли сведения о путях, по которым исторический роман попадал к различным слоям читательской публики, о работе книгоиздателей и книготорговцев, публичных библиотек и абонементов художественной литературы, газет и журналов, публиковавших исторические романы, а также о деятельности историков литературы и литературных критиков по популяризации романной продукции. На основании этих социологических разысканий делается вывод о том, что основным потребителем исторических романов в 1850—1875 годах была публика с весьма скромным литературно-эстетическим опытом и средним уровнем образования. В круг чтения публики с более существенным эстетическим опытом, в терминах Ю. Хабермаса — «резонирующей публики» — входила лишь незначительная часть исторических романов того времени, в том числе, например, «Эккехард» Шеффеля, «Предки» Фрейтага, «романы об отечестве» Алексиса.

Во второй главе «Функция исторического романа по оценке некоторых репрезентативных авторов» исследуются ориентиры в выборе литературы для чтения, которые могли дать читателям сами авторы исторических романов. В особенности Х. Эггерта интересует дискуссия о жанре исторического романа, которая велась в то время. В этой главе собраны отрывки из авторских предисловий, послесловий, комментариев к романам, писем и т. п., в которых известные авторы исторических романов того времени (В. Алексис, Г. Курц, В. фон Шеффель, Л. Мюльбах, Г. Фрейтаг и некоторые др.) рассуждают о целях и задачах, стоявших перед ними в процессе работы над романами, а также о функциях, которые исторические романы должны были, по их мысли, выполнять в читательской аудитории.

В третьей главе «Исторический материал и критерии его отбора» Х. Эггерт обобщает результаты количественного анализа тематики исторических романов 1850—1875 годов и выделяет три самые популярные темы: Тридцатилетняя война начала XVII века, эпоха Фридриха II и связанная с ним борьба между Пруссией и Австрией за господство в германских землях, а также эпоха наполеоновских войн и национально-освободительного движения в Германии в 1813 году. Этим темам, по подсчетам Х. Эггерта, посвящена примерно половина всех исторических романов данного периода времени. Тематический

анализ исторических романов помогает автору прояснить целевые установки романистов и ожидания читателей, обусловленные их общественно-политическим опытом в период подготовки объединения германских земель.

Особый интерес представляет четвертая глава книги «Структурные особенности основных типов исторического романа в аспекте его социальной действенности». В ней Х. Эггерт сделал попытку вскрыть внутрилитературные механизмы возникновения «момента близости» между произведением и читателем, следствием чего и является, по его мнению, широкое воздействие литературных произведений (6, 115). Не упуская из вида окололитературные факторы бытования исторического романа, которые он исследовал в предыдущих главах работы, Х. Эггерт стремится объяснить факт необычайной популярности исторического жанра в Германии 1850—1875 годов изнутри, т. е. исходя из его текстовой структуры, литературной формы, тем самым, придавая, в духе рецептивно-эстетической теории Х.Р.Яусса, социальный характер не только рецепции, но и производству литературной продукции.

По Х. Эггерту, основным структурным элементом, облегчающим путь исторического романа к читателю, является фигура главного героя. Именно она положена в основу его типологии немецкого исторического романа 1850—1875 годов. Соответственно Х. Эггерт выделяет две основные разновидности романа: исторический роман вальтерскоттовского типа (с некоторыми изменениями) и историко-биографический роман. В центре романов первого типа по образцу В. Скотта размещается фигура вымышленного рядового (или среднего) персонажа, но, в отличие от вальтерскоттовского героя, основная функция которого — связать воедино все события и сюжетные линии романа, «немецкий Уэверли» не зауряден, самостоятелен, деятельно принимает участие во всех событиях, всегда находится рядом с какой-либо исторически реальной личностью, направляющей ход событий, он по убеждению предан ей, обладает чувством собственного достоинства, но при этом знает свое место. Таким образом, это не формальная фигура, а полноценный психологически разработанный образ. Наличие такого персонажа, продолжает Х. Эггерт, влекло за собой, как правило, появление еще одного вымышленного героя, находящегося в противоположном лагере. Большая история и реально исторические личности также были необходимым структурным элементом романа, однако они изображались, как правило, дистанциро-

ванно, опосредованно, через восприятие главного персонажа, но их роль как основной движущей силы истории от этого не становилась менее очевидной.

В историко-биографическом романе на первом плане естественно оказывалась исторически реальная личность. Особенностью, «новшеством в области исторического романа со времен Вальтера Скотта» (6, 129) такого типа романов, по Х. Эггерту, становится изображение «приватной сферы», личной жизни исторической персоны. Через посредство этой сферы изображаются все остальные события: государственные реформы, дипломатические, политические, военные конфликты и т. д. При этом автор исторического романа максимально «драматизует» изображение личной жизни героев: он ее описывает не отстраненно, а заставляет самих персонажей говорить от первого лица, дает им возможность излагать непосредственно свои взгляды, принципы, ход мыслей и т. п., благодаря чему читатель приобретает способность оценить исторические события, понять их внутренние пружины. Однако введение «приватной сферы» в роман, уточняет Х. Эггерт, не означает, что историческое действие объясняется личными конфликтами исторического персонажа, его любовью или ревностью, честолюбием или жадностью, стремлением к славе и т. п. Среди второстепенных персонажей этого типа романа могли быть и вымышленные герои, обычные люди, судьбы которых пересекались с судьбами великих людей.

В обоих типах романа Х. Эггерт усматривает действие двух противоположных тенденций: модернизации истории, т. е. приближения образа мыслей и чувств предыдущих поколений к мировоззрению и психологии современников автора (фактически это означало «обуржуазивание» исторического опыта, сведения его к неким общечеловеческим составляющим) и стремления к историчности, т. е. объективному и достоверному воссозданию прошлого. Успех обоих типов романа, по мысли Х. Эггерта, обусловлен, главным образом, фактом модернизации истории их авторами. Он рассматривает это явление как «важную предпосылку широкого воздействия произведений и усвоения содержащихся в романах сведений и оценок (истории — Е. З.)» (6, 115). И в том, и в другом типе романа Х. Эггерт связывает модернизацию с изображением образа мыслей и психологии прежде всего главных персонажей романов (как вымышленных, так и исторически реальных). Свобода автора объясняется в первом случае тем, что персонаж вымышлен, а во втором тем, что о личной сфере жизни

исторически реальной личности практически ничего не известно широкому читателю. Историчность необходима авторам, по Х. Эггерту, для придания действию правдоподобия и достоверности и достигается за счет активного использования внешней исторической детали, соблюдения исторической хронологии, введения большого числа реальных деятелей истории. С этой целью авторы биографических романов эксплуатируют также прием отсылки прямой речи персонажей к мемуарам, дневникам, письмам и прочим своеобразным запискам исторических лиц.

Оба типа романа воспринимаются Х. Эггертом как неотъемлемая часть процесса формирования буржуазного сознания и буржуазной идеологии в Германии в период национального объединения. Этот процесс охватывал жизненную практику широких слоев немецкого общества и активно входил в их опыт. Этим Х. Эггерт объясняет успех немецкого массового исторического романа, совпавшего с горизонтом ожидания, литературным и жизненным опытом широкой читательской публики.

Предложенная Х. Эггертом схема совершенно правильно указывает на два основных типа исторического романа. Однако критерий, положенный в основу классификации, представляется чисто формальным, основанным, по существу, на выборе в качестве главного героя вымышленного или реального персонажа. Система персонажей, как и другие структурные элементы исторического романа, не может быть определяющей в типологической характеристике. В ее основу должен быть положен более существенный признак, разграничивающий эти два типа романа. В качестве такого критерия, с нашей точки зрения, следует избрать философскую концепцию истории, взгляд на историю, который лежит в основе произведения. Именно этим определяется выбор и способ воссоздания исторической эпохи, система персонажей, сюжетно-композиционная структура и другие поэтологические особенности исторического романа.

Последняя глава «Рецепция некоторых исторических романов 1850—1875 годов» представляет собой историю публичной жизни отдельных исторических романов, а именно «романов об отечестве» В. Алексиса, «Эккехарда» В. фон Шеффеля, «Немецкой войны» Г. Лаубе, «Предков» Г. Фрейтага и «Витико» А. Штифтера. Здесь автор книги пытается наложить выработанную им в предыдущей главе модель сопоставления художественной структуры романа с горизонтом ожидания, литературным и жизненным опытом немецких читате-

лей 1850—1875 годов на конкретные произведения, объясняя совпадением или несовпадением горизонтов ожидания литературы и читательской публики успех или неуспех, неоправданно запоздалое признание и т. п. того или иного исторического романа.

Книга Х. Эггерта «Очерки по истории общественного воздействия немецкого исторического романа 1850—1875 годов» достаточно последовательно продемонстрировала результативность рецептивно-эстетического подхода к изучению литературного процесса. Она является примером продуктивного исследования проблемы многорядности литературы, рассмотренной с точки зрения общественной действительности не только литературных вершин, но и массовой литературной продукции, одним из самых популярных жанров которой до сих пор остается исторический роман.

В заключение хотелось бы отметить, что в процессе разработки идей и в практике рецептивной эстетики крайне мало учитывается опыт отечественного, в том числе и советского, литературоведения, в научном багаже которого имеется немало плодотворных исследований в этой области.

Библиографический список:

1. Дранов А. В. Рецептивная эстетика // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. М., 1996.
2. Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Методы изучения литературы. Системный подход. М., 2002.
3. Зоркая Н. А. Рецептивная эстетика в ФРГ // История эстетической мысли. Т. 5. М., 1985.
4. Стафецкая М. П. Герменевтика и рецептивная эстетика в ФРГ // Зарубежное литературоведение 70-х годов: направления, тенденции, проблемы. М., 1984.
5. Яусс Х. Р. История литературы как провокация литературоведения // НЛЮ, 1995. № 12.
6. Eggert H. Studien zur Wirkungsgeschichte des deutschen historischen Romans 1850—1875. Frankfurt a/M., 1971.

МУЖСКИЕ БРАЧНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ: ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ И ВЕРБАЛИЗАЦИИ

Н.К. Иванова, О.И. Моисеева

Ивановский государственный химико-технологический
университет
Иваново, Россия

Данная статья представляет собой обобщение исследования текстов американских брачных объявлений (1), написанных мужчинами и женщинами и опубликованных в американской периодической печати.

С целью придания исследованию завершенности и для получения объективной информации о специфике национально-культурного речевого поведения американцев, кроме 85 женских объявлений, были также изучены тексты 82 объявлений, написанных мужчинами, и проанализирована их соотнесенность с логосом, пафосом и этосом.

Изучение мужских объявлений проводилось по ранее установленной схеме: анализ заголовков; выявление наиболее популярных увлечений мужчин; речевых стереотипов, применяемых ими для описания как своих качеств, так и качеств предполагаемой подруги; анализ принципов построения текста с точки зрения апелляции к логосу, этосу и пафосу; поиск нестандартных решений вербального оформления текста.

Анализ **заголовков** объявлений, поданных мужчинами, показал, что около половины из них (45%) включают описание собственных качеств: из них физические качества (*Sexy Black Gentleman; Nice Guy, Handsome Cowboy, etc.*) – в 15 объявлениях (40,5%), а нравственные (*True Gentleman; Semi-intellectual; Shy and Lonely; Sincere but honest; etc.*) в – 22-х (59,5%).

Только в 6 мужских объявлениях (7,3%) присутствует прямое указание на желательные женские качества (*Dry Wit a Plus; Independent Lady Wanted; You Are Sensuous and Smart, etc.*).

На втором месте по частотности (после эксплицитного указания на собственные исключительные качества) заголовки, содержащие намеки на ожидаемые отношения (21%). Это почти в три раза больше, чем в женских заголовках, в которых только в 7,6% случаев указывается род отношений, которые они хотели бы иметь в результате состоявшегося знакомства. Например: *Marriage First; SWM Wants...; No Excuses! No Games!, etc.*

Из этого можно сделать вывод, что мужчины в целом более прагматичны при помещении объявления о знакомстве, они заранее настроены на определенный тип отношений. Однако при этом редко кто прямолинейно указывает на ожидаемые интимные отношения. Особо следует отметить выражения в двух случаях: молодой рокер ищет “*a unique user of my panty-hose*”, применяя эвфемизм (“брючный шланг”), а автор объявления- немец ищет женщину “*Achtung-sexy*”.

На третьем месте по частотности (после имплицитного указания на собственные исключительные качества) заголовки, имеющие явную коммуникативную направленность (19,5%), создающие иллюзию непосредственного обращения: *Are You the One?; Look Here; Dance – Wanna Dance?; Hello; Let's Feel Good, etc.*

Интересно, что для мужского дискурса не чужды и романтические метафорические заголовки (5 %): *Are You My Sugar Mamma?; Passport to Adventure; ...Like a Bridge over Troubled Water...; The Power of Love.*

Чуть больше мужчин, чем женщин (8,5% против 7,3%), или авторы лишь 7 мужских объявлений и 5 женских, вынесли в заголовок указание на свои увлечения и стиль жизни, подчеркивая тем самым, что хотели бы иметь союз на основе общности интересов: *Free Golf Lessons; Dance – Wanna Dance?; I Cook; I Dance and I'm Funny, etc.* Увлечения мужчин, представленные в текстах их объявлений, отражены в табл. 1.

Таблица 1

Наиболее популярные увлечения мужчин

Увлечение	Число мужчин (из 82)	Число мужчин, %
travelling	19	23
dining	17	21
movies	17	21
dancing	13	16
sports	13	16
music	11	13
outdoor activities	7	8,5
art	7	8,5
reading	5	6
theater	4	5
clubbing	4	5
walking	4	5

Следует отметить, что мужчины меньше, чем женщины, любят танцы и музыку, зато среди них больше желающих отправиться в путешествие. Читают мужчины меньше, чем женщины, а такие женские увлечения, как посещение магазинов и кулинария, у мужчин отсутствуют совсем.

Как и в объявлениях, составленных женщинами, для выражения логоса, этоса и пафоса в текстах мужских брачных объявлений применяется развернутая система изобразительно-выразительных средств. Применяются различные эпитеты с положительной коннотацией, тропы, аттракционные языковые единицы и даже, в единичном случае, сентиментально-романтическое и лингвистически экспрессивное стихотворение-приглашение:

Let's get crazy, go to the park...
Let me give you a daisy,
Lay around all lazy...
Listen to some tunes
That just chase me...

Из общей массы объявлений выделяется еще одно, автор которого, сразу поражает читателей своим пессимизмом и усталостью от житейских реалий:

FRUSTRATED

With traffic, crooked politicians, too much work, greed and social life in drought. Need to slow down, change gears, meet some new people and improve my quality of life, and hopefully establish a solid relationship...

Среди эпитетов, описывающих самих себя, мужчины используют обычно такие, которые относятся не только к их профессионально-образовательным характеристикам (*degreed, successful*), но и внешним и внутренним (*attractive, handsome, humorous, fun-loving, etc*).

Нельзя не заметить, что спектр прилагательных, применяемый мужчинами, не такой широкий, как в женских объявлениях, где чаще используются необычные эпитеты, экспрессивные сленгизмы. Мужчины, однако, также пользуются сленгизмом: *gal*, модным выражением *A1* и др. Интересно, что даже в текстах анализируемых объявлений отразилось в определенной мере ранее описанное в гендерно-лингвистических исследованиях стремление мужчин чаще оперировать техническими терминами. Определенный "технизм" их речи проявился в выражениях из объявлений: *two sets of wheels, to change gears, parking lot* (как эталон огромного сердца).

Таблица 2 включает список и процентное распределение наиболее употребимых прилагательных, используемых мужчинами для собственного описания.

Таблица 2

Наиболее частотные слова, используемые мужчинами для описания себя

Прилагательное	Число мужчин (из 82)	Число мужчин, %
professional	20	24
handsome	17	21
fit	9	11
fun-looking, fun	9	11
degreed	9	11
nonsmoker	9	11
romantic	8	10
honest	8	10
athletic	7	8,5
successful	7	8,5
secure	6	7,3
humorous	6	7,3
tall	6	7,3

Из данных таблицы очевидно, что среди самых своих привлекательных качеств мужчины называют свой профессионализм и приятную внешность, намного реже отмечая такие стереотипные мужские характеристики, как надежность, спортивность, честность.

Это почти совпадает с выделением привлекательных личных характеристик, указанными женщинами. Напомним, что при описании себя американские женщины чаще всего использовали слово *attractive* (21,5%), затем сленгизм *classy* (10%); *romantic, pretty* (по 9%); *intelligent, educated* (по 8%) и, наконец, *honest* (6%). Таким образом, и мужчины, и женщины стремились в объявлениях подчеркнуть прежде всего свои внешние данные, однако, для мужчин важны и их карьерные достижения, профессионализм.

В целом можно сказать, что мужчины в своих объявлениях откровеннее, чем женщины, в том числе в перечислении своих привычек и не совсем положительных качеств. "Бытовая информация" нередко завершает их объявление: *Love to sleep late; Untidy but creative; Full head of hair.*

Большой интерес представляет, на наш взгляд, перечисление в мужских объявлениях тех положительных качеств женщин, которое

смогли бы привлечь их внимание. Список прилагательных, приведенный в табл. 3, наглядно демонстрирует, что мужчин, в первую очередь, интересует внешность женщин (*attractive, pretty, beautiful, etc*), а также их физические характеристики (*slim, slender, height/weight proportionate, etc*).

Таблица 3

**Наиболее частотные слова, используемые мужчинами
для описания женщин**

Прилагательное	Число мужчин (из 82)	Число мужчин, %
attractive	17	21
slim/slender	11	13
pretty	7	8,5
fit	6	7,3
height/weight proportionate	6	7,3
honest	5	6
open-minded	4	5
petite	4	5
fun	4	5

Примечательно, что такое нравственное качество, как честность (*honesty*) присутствует среди женских характеристик лишь в 6% объявлений, о собственной честности как потенциально привлекательном качестве сообщают авторы только 8 мужских объявлений (10%). Напомним, что анализ текстов женских брачных объявлений показал, при описании желательных качеств мужчин слово *honest* занимает первую позицию (18%).

Мужчины более безразличны к тому, курит ли потенциальная знакомая (16,5% против 5% в мужских и женских предпочтениях) и совсем не указывают, в отличие от женщин, на такие личностные требования, как искренность, заботливость, доброта.

Проведенный лексический анализ желательных качеств партнера, указанных мужчинами и женщинами, наглядно демонстрирует, что женщины ищут честных, добрых, надежных, профессионально успешных мужчин, а они, в свою очередь – лишь внешне привлекательных женщин, желательно стройных, лучше честных и откровенных.

Проанализированные выше характеристики, изложенные в текстах мужских и женских объявлений, мы рассматривали как эксплицитные – однозначно и прямо указывающие на требования к потен-

циальному партнеру. Однако среди мужских текстов были и имплицитные, иносказательные, метафорические, также отражающие мужские предпочтения. Например, заурядность мужчины и поиск обыкновенной женщины отражаются во фразе "*Boy next-door seeks girl next-door.*"

Одиночество и неудовлетворенность жизнью передаются через метафоры: *To put the sparkle into my life...; Seeker of light look among the shadows for the gateway of illumination.*

Добросердечность и доброжелательность передаются с помощью весьма необычного сравнения: *My heart is as big as a parking lot.*

Одно из мужских объявлений резко отличается от всех остальных не только своей особой метафоричностью, но и откровенностью:

DOGGIE STYLE?

Blonde shaggy dog seeks female to roam neighborhood with. Doesn't have to be a pedigree, but shouldn't look like she eats too many treats. Must have good temperament. You get a playful, 39 year old doggy who likes to be pet.

В такой "собачей стилистике" передано типично мужское желание: познакомиться со стройной женщиной и стать ее "домашним любимцем". Некоторые другие хотели бы видеть себя "*gentle cat*", "*handyman*".

При составлении брачного объявления, большинство мужчин, как и женщин, указали – точно или примерно – свой возраст (72% случаев), и только меньше половины из них (48%) – желательный возраст партнерши, в то время как для женщин этот критерий более важен. Как было установлено при анализе женских объявлений, требования к возрасту мужчин предъявили 68% женщин, к их росту – 14%. Мужчины более откровенны при указании своего роста и веса – они приводят конкретные цифры чаще, чем женщины – 56% авторов объявлений посчитали это важным для собственной характеристики. Это может быть связано с тем, что рост мужчины нередко является важным для женщины.

Чаще, чем женщины в объявлениях, мужчины дают информацию о своем семейном положении: 35% сообщили, что они холостяки, 9,7 % - разведенных (всего – 44% мужчин); остальные об этом не писали. Двое мужчин выразили требование, чтобы у женщины, с которой они познакомятся, не было детей.

Меньшее число мужчин, чем женщин, предъявляет требования к цвету кожи потенциальных знакомых: 18% мужчин отдают предпочтение женщинам с белой кожей, только 2,4% - с черной, и чуть более (5%) целенаправленно ищут женщину-мулатку.

При распределении текстов мужских объявлений по их обращенности к логосу, этосу или пафосу было установлено, что большинство текстов апеллируют к пафосу (36,5 %), затем следует этос (33%) и логос (30,5%).

Таким образом, на основе изучения вербализации и структурно-содержательных особенностей текстов мужских и женских объявлений было установлено, что мужчины чаще обращаются к пафосу, чем женщины (36,6% по сравнению с 28%), а обращение к этосу приблизительно одинаково часто и у мужчин, и женщин (33% и 30%, соответственно). Это позволяет сделать вывод о наличии в американском социуме четких представлений о нормах общественного и речевого поведения, стереотипах, идеалах, позволяющих создать привлекательный образ «рекламодателя», его приверженность универсальным ценностям и принятым в обществе установкам. При опоре на этос обычно используется перечисление увлечений, жизненных привычек, которые позволили бы сблизиться двум незнакомым людям. Примечательно, что нами установлен в мужских объявлениях лишь один случай референции к знаку зодиака (*Scorpio, 63, White*), в то время, как, например, в подобных отечественных текстах поиск партнера по знаку зодиака – обычное явление.

На языковом уровне это подтверждается определенной оценочной лексикой, эксплуатацией стиля "you-attitude" и опорой на широко известные в данном сообществе логоэпистемы.

При апелляции к пафосу в мужских объявлениях, на языковом уровне, больше развернутых метафор, сентиментальных клише: *broken heart, seeker of light, you mirror me, true gentlemen, to share joys and sorrows, etc.* В женских "пафосных" объявлениях, как было отмечено выше, прослеживается специфическое сочетание эмоционального и фактуального моментов. При этом женщины используют более нестандартные конструкции, оригинальные эпитеты и загадочные фразы.

В целом проведенный анализ показал правомерность рассмотрения текстов американских брачных объявлений как образцов национально-культурного речевого поведения и выявил в них активное

употребление особых лексических единиц, которые в настоящее время принято называть в лингвистике "функционально заряженными".

Сам же текст рекламного брачного объявления можно рассматривать в социо- и психолингвистическом ракурсе как речемыслительный продукт, который обладает содержательной завершенностью и информационной самодостаточностью; ему присуще тематическое, структурное и коммуникативное единство. Апелляция к этосу, пафосу и логосу определяет выбор и репертуар лингвистических средств вербализации индивидуального коммуникативного пространства автора объявления (мужчины или женщины) с целью достижения наибольшего коммуникативного эффекта. Полученные данные могут быть в дальнейшем сопоставлены с мужскими и женскими стратегиями устного бытового повествования и различными типами текстовых структур нарратива.

Кроме чисто лингвистических характеристик текстов брачных объявлений, в них можно выделить и социолингвистические, и социокультурные аспекты, которые достаточно информативны относительно общественных стереотипов, норм гендерного поведения, досуговых предпочтений и т.д. Такого рода информация, полученная на основе текстов брачных объявлений в американской печати, может быть сопоставлена по указанным параметрам с текстами брачных объявлений в отечественных изданиях – печатных и электронных, а также в американских русскоязычных публикациях. В последних, как показали наши предварительные наблюдения, весьма причудливым образом сочетаются интерферированный русский язык, национально-культурные американские модели гендерного поведения и русский менталитет одиноких мужчин и женщин.

Библиографический список:

1. Иванова Н.К., Моисеева О.И. Тексты американских брачных объявлений как отражение особенностей национального-культурного речевого поведения // Материалы 5-й ежегодной конференции преподавателей, аспирантов и студентов «Культура: тексты и контексты». Иваново, 2003 (в печати).
2. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. Москва, 2001.
3. Щербина И.В. Американский рекламный текст в аспекте взаимодействия языка и культуры. Автореферат дис. канд. филол. наук. Хабаровск, 2002.
4. Random House Webster's College Dictionary. New York, 2000.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В MED

Н.К.Иванова

Ивановский государственный химико-технологический
университет
Иваново,Россия

Появление на российском книжном рынке нового словаря **Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (MED, 2002)**, по истине, стало важным событием для изучения теории и практики английского языка в нашей стране. Не случайно, что в методической литературе этот одноязычный информатизированный комплекс, в состав которого входят собственно словарь, CD-ROM и рабочая тетрадь, получил высокую оценку (6, 124-124).

Несомненно, что данный лексикографический труд – особенности его макро- и микроструктуры, иллюстративные материалы, принципы отбора языковых единиц и т.д., будут подвергнуты в самое ближайшее время подробному лексикографическому анализу. В настоящей статье мы рассмотрим социолингвистическую парадигму этого словаря – те концепции, на которые опирались его авторы и ту социолингвистическую информацию, которая эксплицитно и имплицитно нашла отражение в словарных материалах.

В предисловии словаря подчеркивается, что его авторы (авторитетные лингвисты и лексикографы из Великобритании, США, Канады, Новой Зеландии) исходили из признания того факта, что с конца XX века, времени активной глобализации, английский язык стал *lingua franca*, и поэтому «первый основной словарь XXI века – это словарь всемирного английского» (9,xi). Два основных варианта английского языка – британский и американский - рассматриваются как равноправные, что нашло отражение и в сбалансированности приводимой лингвистической информации. Всем хорошо известна прежняя практика подготовки международными лексикографическими центрами так называемых «британских» или «американских» изданий одного и того же словаря. Активное проникновение в международный английский лексических единиц из австралийского варианта английского языка обусловило и более широкое, чем в ранее изданных словарях, включение их в MED. Кроме того, поскольку английский язык, точнее, его различные социальные варианты, открыты для проникновения иностранных слов - французских, немецких, испанских и т.д. (например, **pueblo** (a small town), **shadenfreude**, **angst**),

этот лексический слой также широко представлен в словаре. Особое внимание обращает на себя большое количество французских заимствований, которые приводятся в французском написании (с диакритиками) и с французским произношением (e.g. **son et lumière, gîtan, protégéé, protégé, joie de vivre, au nuturale**, etc.)

Несомненно, что данный словарь, являясь словарем регистрирующим, имеет, по замыслу его авторов, четко определенную цель: точно отразить состояние современного английского языка (“to reflect accurately the state of the contemporary language”), особенности его употребления в письменной и устной разновидностях, в различных жанрах (9, xi). Электронный корпус английского языка, положенный в основу MED, как и других современных лексикографических проектов, включает образцы словоупотребления из научно-популярной литературы, публицистики, письменной корреспонденции, пособий по деловому английскому и т.д.

Примечательно, что, согласно поставленной цели, составители этого словаря включили в него и такое типичное, часто порицаемое знатоками языка явление, как «журнализм». Эти газетные штампы, активно проникающие в язык через СМИ, стали его неотъемлемой частью. Они быстро подхватываются членами языкового сообщества, проникают в речь различных социальных групп, а, следовательно, имеют право на кодификацию. Например, существительное **clash** в трех первых значениях из семи, приводимых в MED, имеет помету о его принадлежности к газетным штампам.

Приведем в качестве примера два фрагмента словарной статьи **clash**:

1. *Mainly journalism* a fight or battle between two groups of people: +**between** *Yesterday saw violent clashes between police and protesters.*
2. *Mainly journalism* a very angry argument between two people or groups: + with *The Prime Minister faces the clash with business leaders tomorrow:* + **between** *a clash between the government and the media.*

Из этого примера, как и множества других, включенных в словарь и имеющих функционально-стилистические пометы, очевидно, что в MED зафиксированы изменения в значениях слов, словоупотреблении, характерные для английского языка последнего десятилетия. Проведенное нами сопоставление списка «модных слов» (*vogue words*) из современного издания известного ортологического словаря Э Партриджа (10) и материалов MED показало, что многие из них

(**facelift, palpable, logistics, profile, catalyst, scenario, blueprint, charisma, feedback, etc.**), отнесенные в разряд «модных», в последнем не имеют никаких помет и трактуются как общеупотребительные, прочно вошедшие в словарный состав и в своих нетерминологических (неосновных) значениях, и поэтому они рекомендуются для употребления иностранцами.

Современная лексикографическая практика делает возможным оперативно зафиксировать в словарях эволюционные процессы и преобразования в языке, обусловленные поступательным движением социума, отразить, как в зеркале, все своеобразие процессов номинации, словообразования, переименования и т.д. В этом отношении MED просто не заменим для иноязычных пользователей, поскольку включает много неологизмов, новых значений, появившихся в последнее время у старых слов, а также много новых слов-слитков, образовавшихся путем стяжения. Например:

Freeloader – informal someone who expects to get food, money, or a place to stay from someone else, without giving anything in return

Twofer / tu:f / – informal a special or arrangement by which you pay for one thing and get another one free ... From “two for the price of one”.

Docus soap *BeE* – a television programme series about the lives of real people

From the first part of **documentary**, combined with the first part of **soap opera**

Glitterati – people who are rich, famous, and attractive

A humorous combination of glitter and literati (= educated persons)

Широкий спектр стилистических особенностей лексики современного английского языка, коннотативные значения, придаваемые отдельным словарным единицам, обозначаются в MED с помощью 10 специальных помет, расшифровка которых приводится в конце словаря (стр. 1691). Пометы следующие: *formal, very formal, informal, very informal, spoken, old-fashioned, offensive, literary, impolite, humorous*. За каждой пометой, как можно легко заметить, находится определенная социолингвистическая реалия. Так, *impolite* (“likely to offend some people”) предупреждает о политически некорректном словоупотреблении (ageism, sexism, fattism, ableism, etc), *offensive* (“extremely rude and likely to cause offense”) – маркирует слово как стилистически сниженное, обидное для собеседника. Интересной является помета *very formal*, которая сопровождает категорию слов, называе-

мых в социолингвистике *overt prestige* - весьма старомодных, распространенных среди образованных слоев населения, представителей некоторых профессий. Обычно эти слова сознательно выбираются говорящим, чтобы показаться собеседнику более значительным и умным.

Ранее упомянутые слова с пометой *offensive* можно рассматривать как относящиеся к категории *covert prestige* – малопrestижные, не принятые в определенных ситуациях общения (при разговоре с человеком старшего возраста, более высокого социального статуса и т.д.).

Ситуативно-ограниченными являются слова с пометой *very informal*. К этому разряду относятся в MED в основном сленгизмы, но сам термин *slang* в словаре не употребляется. Каких-либо комментариев по этому поводу не приводится, однако, не трудно понять, что авторы хотели подчеркнуть, с одной стороны, маргинальность сленга, а с другой, его широкое распространение среди всех членов общества, заложенный в некоторых сленгизмах потенциал к переходу на более «prestижный» языковой уровень. Так, сопоставление словарных материалов MED и Random House Webster's College Dictionary (11), с одной стороны, и материалов классических пособий по лексикологии и стилистике (1;2), с другой стороны, закономерно указывает на наличие целого ряда несовпадений в оценке стилистической принадлежности слов: то, что лет 20 назад рассматривалось как сленгизм, в настоящее время включается в словарь без соответствующей пометы (см., например, слова *cute, corny, MYOB, smart, etc*).

Особое внимание следует обратить на помету *humorous (used in ironic or very friendly way)*. Проведенный нами методом сплошной выборки анализ словарных материалов показал, что данная помета встречается достаточно часто и обычно сопровождает слова, которые можно отнести к *прецедентным высказываниям* (ПВ). Их же, в различных отраслях лингвистики, называют логоэпистемами, языковыми афоризмами, экфоремами, текстовыми реминисценциями. Мы рассматриваем ПВ, вслед за В.Гудковым, как «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченную и самодостаточную единицу»,... «сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» (4, 107). К числу прецедентных высказываний относятся цитаты (как фрагмент текста), названия произведений, воспроизведение известного текста, представленное одним или несколькими высказываниями. Прецедентные высказывания

(ПВ), вместе с прецедентными текстами (ПТ), прецедентными именами (ПИ) и прецедентными ситуациями (ПС) составляют систему прецедентных феноменов (см. подробнее: 4, 104-110). В текстах современных СМИ, в том числе, в рекламном дискурсе, в дискурсивных практиках известных ораторов, просто в речи носителей английского языкового сообщества, эти явления встречаются очень часто. В речи они не творятся заново, а извлекаются из памяти – из прецедентных текстов (классических произведений, фольклорных, культовых фильмов, рекламных слоганов и т.д.). Подробный анализ функционирования и актуализации ПФ в речи носителей русского языка и содержится в указанной выше работе Д.Б.Гудкова. Обращение к речевым практикам носителей русского языка и сопоставление многочисленных примеров, приведенных в этой книге, с материалами MED, позволили нам установить, что как в русском, так и английском языках, одной из особенностей применения ПВ является стремление к «снижению текста», в который они включаются. Диапазон этого снижения может быть очень широк – от легкой иронии до сарказма. В Macmillan English Dictionary все подобные ПВ, хорошо известные в англоговорящем социуме, имеют помету *humorous*.

Рассмотрим несколько примеров:

Batman / b t m n/ good thinking, Batman *humorous* used for telling someone that their idea is good

From Batman and Robin, a US cartoon strip in which the characters fight against crime. Robin often says this when Batman suggests a clever plan.

Not tonight, Josephine *humorous* used by a man for saying a woman that he does not feel like having sex

From words that the French emperor Napoleon Bonaparte was supposed to have said to his wife Josephine

Houston, we have a problem *humorous* a way of telling someone that there is a problem

This expression is used by astronauts when they are speaking to NASA official in Houston during a space flight.

Проведенный нами анализ ПВ, включенных в словарь, позволил установить, что их источниками чаще всего являются крылатые фразы из произведений В.Шекспира и других известных писателей, культовых кинофильмов (обычно американских) и популярных мультфильмов, детских стихов и песен, а также национальный (британский, ирландский, шотландский и т.д.) фольклор и пословицы. В мас-

сиве словарного текста их легко заметить, поскольку они выделены (после основной словарной статьи) в специальный информационный блок, напечатанный на розовом фоне.

Нельзя не отметить, что часть включенных в словарь ПВ, несомненно, относится к универсальной языковой картине мира, в которой фиксируется совокупность знаний о мире, отраженных в лексике, фразеологии, грамматике. К ним мы относим такие словарные единицы, как **Liliputian, Hitchcockian, Big Brother, Good Samaritan, Gestapo tactics, the Tower of Babel, Genghis Khan** (n. *someone who is very cruel to his enemies*), **Mona Lisa** (for describing a mysterious smile on a woman's face), **quixotic**, etc. Универсальным, очевидно, является и известное высказывание *elementary, my dear Watson*, которое приводится в словаре со следующими комментариями:

elementary, my dear Watson *humorous* used for saying it is very easy to understand or to solve something.

This phrase is thought to have been said by the detective Sherlock Holmes to his friend Dr Watson in the stories of Sir Arthur Conan Doyle (1859-1930), but in fact the character never says this in any of the stories.

Однако, с другой стороны, как показал наш анализ, в словарь включен большой ряд национально-специфических ПВ и ПИ, которые неизвестны носителям других языков - из-за их принадлежности к другому социокультурному сообществу или такой возрастной группе, которая не потребляет американскую кинопродукцию, не смотрит популярные мультфильмы, британские шоу-программы и т.д. Например:

quisling – noun *old-fashioned* someone who secretly helps an enemy or opponent

From Vidkun Quisling, a Norwegian politician who helped the Nazis to take control of Norway during the second World War

D'oh /d / interjection *informal* used when you realize that you have been silly or made a stupid mistake

Made famous by Homer Simpson in the television cartoon series *The Simpsons*.

Однако даже те ПВ, которые не входят «в светлую точку лингвистического сознания» (Л.В.Щерба) носителей других языков, могут быть найдены ими в художественной литературе, газетных текстах и т.д., и значение их можно легко установить по MED.

Кроме того, прецедентные феномены, включенные в словарь MED, могут быть положены в основу специального словаря для иностранцев, который включал бы наиболее употребительные прецедентные высказывания, имена и отражал бы реальное бытование этих единиц в современном англоязычном дискурсе, в речи представителей различных слоев социума. На основе анализа ПВ можно провести исследование их места не только в британской или американской языковой картине мира, но и общенациональной.

Внимательное изучение словарных материалов, дефиниций, приводимых социолингвистических комментариев, позволяет сделать кросс-культурные выводы и освободиться от некоторых стереотипов. Так, например, в выступлении одного из известных российских юмористов звучит, что американцев, работающих в нашей стране, часто удивляет такое обращение незнакомых людей в общественных местах, как «дочка», «сынок». Однако в MED находим:

Son 3. *spoken* a friendly way of addressing a boy or a man who is younger than you.

Важность таких помет для пользователей словаря трудно переоценить. Даже помета *old-fashioned* полезна не только для исследователей языка, но и для всех, кто его преподает: при составлении комплексов лексических упражнений, тестов, разговорных тем, учебных пособий. Согласно материалам словаря, следует избегать таких старомодных слов и выражений, как **wireless, Mercy!, five-and-dime, good time girl, old fruit, bread (money sl.), hail-fellow-well-met, funk, harum-scarum, girl Friday, dishy** и т.д. Например, трактуемое в некоторых отечественных пособиях (7) как политически корректное прилагательное **handicapped**, имеет в MED помету *old-fashioned* и рассматривается в настоящее время как оскорбительное. Рекомендуемым вариантом является **disabled**.

Обратимся к анализу регистрации в словаре и других социальных диалектов, которые присущи тому или иному индивиду как члену определенного национально-лингво-культурного сообщества и обусловлены его принадлежностью к какой-либо возрастной, гендерной, профессиональной и т.п. группе. Так, современный молодежный жаргон отражен в MED довольно широко и представлен большим количеством единиц, имеющих специальные пометы о предпочтениях среди молодежи. Например: **piss artist** – *noun Br E impolite* 1. Someone who regularly drinks a lot of alcohol. This word is used especially by young people. 2. someone who does something very badly.

Закономерно, что широкое обсуждение в современном англоязычном обществе прав людей нетрадиционной сексуальной ориентации («сексуальных меньшинств») не могло не отразиться на количестве и способах подачи лингвистической информации по этому деликатному вопросу. Анализ словарной статьи **gay** в MED и в других словарях показывает, что значение этого старого слова (1275-1325 ; > OF >Gmc, cf OHG *gähi* fast, sudden) (11, 542) разительно изменилось к концу 20 века. С XVII века данное слово стало относиться к характеристике сексуального поведения человека: *a gay woman* = a prostitute, *a gay man* = a womanizer, *a gay house* = a brothel. Только в 30-е годы XX века прилагательное **gay** приобретает значение *homosexual* и применяется открыто в гомосексуальной среде: сначала как прилагательное, а затем как существительное. Позднее в данном значении слово **gay** стало применяться только по отношению к мужчинам; устойчивым в английском языке стало словосочетание *gays and lesbians*. Постепенно «гомосексуальное» значение слова потеряло свою принадлежность к сленгу и стало общеупотребительным - как и в других значениях, регистрируемых словарями: *having or showing a merry, lively mood (gay spirits)*; *bright or showy (gay colours)* (11, 542).

По-видимому, MED одним из первых указывает на сужение значения слова **gay**, помечая остальные значения как устаревшие и старомодные:

Gay / e / adj

1. sexually attractive to people of the same sex. This word is mainly used about men: HOMOSEXUAL: gay men and lesbians were represented in almost equal numbers.

U the gay community/ a gay bar/ club/disco.

2. *old-fashioned* brightly colored or attractive: The shops were gay with Christmas decorations.

3. *old-fashioned* happy and excited: She gave a gay laugh.

Наряду с этими общепринятыми стилистически-нейтральными наименованиями представителей нетрадиционной сексуальной ориентации словарь включает целый ряд стилистически сниженных синонимов: *fag*, *faggot* (*mainly Am., offensive*), *queer* (*offensive*), *queen* (*offensive*), *pouf* (*offensive*), etc. Примечательно, что и слово *queer* в значениях *strange* и *physically ill* имеет помету *old fashioned*.

Принадлежность определенных словарных единиц к терминологическим помечается с помощью следующих 8 помет: *business, computing, journalism, legal, linguistics, medical, science, technical*.

Достаточно полно отражено в материалах словаря и такое социолингвистическое явление, как появление в нашем компьютеризированном обществе особого «нетского языка» - с новыми значениями хорошо известных слов, высокой метафоричностью, принятыми сокращениями, стяжениями, характерным графическим и орфографическим оформлением электронной корреспонденции. Эта лингвистическая проблема находится в настоящее время в центре внимания многих лингвистов (3; 5), однако, впервые на ней сфокусировано внимание в общем одноязычном учебном словаре – даны необходимые лингвистические и экстралингвистические комментарии, проанализирована их прагматика. Лексикографическая обработка в MED этого лексического слоя, в том числе, по сравнению с другими лексикографическими изданиями, еще ждет своего исследователя. Однако очевидно, что и при ее регистрации составители словаря шли от узального, неформального применения этой лексики среди определенных групп населения, поэтому и включили в словарь такие словарные единицы, как **mouse potato, snail mail, netizen, netspeak, spam, spamming, spammers, blog, wysiwyg, sysop, screenagers, World Wide Wait, bandwidth, etc.**

Как известно, социолингвистические особенности речи могут манифестироваться не только на лексико-грамматическом, но и на фонетическом уровне. Рассмотрим кратко некоторые особенности регистрации в MED фонетических характеристик современного английского языка. Естественно, что объем фонетической информации предопределен самим типом словаря, который не предполагает дублирование сведений об орфоэпических характеристиках, обычно содержащихся в специальных произносительных словарях.

Согласно давно установившейся в британской учебной лексикографии традиции произношение слов, входящих в словарь, приводится с помощью знаков фонематической транскрипции на основе Международного фонетического алфавита. В ее современной версии, известной по последним изданиям орфоэпических словарей - EPD Д.Джоунза (8) и LPD Дж.Уэллса (12), для передачи звучания элементов вокалической системы (в RP) применяются 22 символа, т.е. кроме 20 основных - два дополнительных для обозначения безударных гласных /i/ и /u/, которые всегда слабые, в отличие от / / и / /, которые не всегда безударны. Например: / h pi/, / s t ue t/.

Однако раздел Pronunciation Guide (9,1692) в MED никаких разъяснений по поводу применения знаков не приводит, а это может вызвать трудности в интерпретации звучания некоторых слов у не-

подготовленных в фонетическом отношении пользователей. Так, может возникнуть вопрос, чем различается произношение безударных гласных в словах / d l f n/ и / d ki/,
или / mi:ti ra t/ и / h r /.

Для указания на произносительные особенности американского варианта английского языка никакая специальная система знаков в MED не применяется. Как разъясняется в Pronunciation Guide, американский вариант произношения приводится только в тех случаях, когда «различия между основным британским произносительным вариантом и американским разительны». Однако, как показал наш анализ, этот принцип регистрации произношения осуществляется не всегда последовательно. Например, в словах **neither, nephew, missile** и др. обозначаются два варианта произношения, а в словах **tomato, either, schedule, ballet, secretary** и др. – только один. Выборочный анализ регистрации ряда слов показал, что в MED, несмотря на наличие известных различий в произношении некоторых классов слов, приводится только британский вариант произношения. При этом, системные различия /ju:/ -/u:/, / :-/ /, / :-/ /, / / - / / и в акцентуации обобщаются, наряду с лексическими, орфографическими и грамматическими особенностями американского варианта английского языка, в специальном справочном разделе “British and American English”, написанном американским лингвистом. Интересно, что для знакомства с произносительными особенностями современного английского, в том числе, с его социальными и региональными вариантами, пользователям словаря рекомендуется посмотреть ряд старых и новых фильмов, например, *Clueless* (1995) - для аудирования речи девушки из калифорнийской долины, *My Cousin Vinny* (1992) – для осознания произносительного контраста между речью жителей Нью-Йорка и Юга, или фильм *Norma Rae* (1979) для получения представления о речи рабочих.

Произношение многих служебных слов в MED, как в орфоэпических словарях, указывается и в полном, и в неполном фонетическом стилях. Интересным феноменом является приводимое в этом словаре разговорное произношение приветствий, характерное для различных вариантов английского языка, отличающееся значительной редуцией и элизией звуков. Например:

howdy / ha di/ - *AmE informal* a word that some people use as a way of saying “hello”.

howzit / ha z t/ - *South African informal* a word that some people use as a way of saying hello

g'day / de / - *interjection Australian informal* hello.

Таким образом, информация, приводимая непосредственно в словарных статьях, а также через систему помет, научно-методических статей, с помощью вербальных иллюстраций и комментариев, рисунков способствуют тому, чтобы показать современный английский язык как многомерное пространство, в котором индивиды-носители пользуются языком в соответствии с их образованием, возрастом, полом, социальной и профессиональной принадлежностью. Обилие лингвистической и экстралингвистической информации, приводимой в словаре, позволяет использовать этот словарь не только как самый современный лексикографический справочник, но и как своеобразную «книгу для чтения», каждая страница которой содержит много не только лингвистически, но и культурологически ценного материала, своеобразного культурного кода, без расшифровки которого невозможно глубокое проникновение в СИСТЕМУ иностранного языка.

Библиографический список:

1. Арбекова Т.И. Лексикология английского языка (практический курс). Москва, 1977.
2. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. М., 1973.
3. Бергельсон М.Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 1. С. 55 – 67.
4. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации М., 2003.
5. Котова О.Е. Структура и семантика англоязычного компьютерного дискурса // Антропоцентрический подход к исследованию социума: лингвистические, социолингвистические и культурологические аспекты. Межвузовский сб. научных трудов. Иваново, 2002. С.99-108.
6. Ощепкова В.В. Macmillan English Dictionary (MED) – одноязычный учебный словарь английского языка (продвинутый уровень) // Иностранные языки в школе. 2002, № 5. С.124-125.
7. Экономакис Э. Какие мы разные! How different we are ! Санкт-Петербург, 2001.

8. Jones D. English Pronouncing Dictionary. 15th edition. Edited by Peter Roach & James Hartman. Cambridge University Press, 1997.
9. The Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. Macmillan Education, 2002.
10. Partridge E. Usage and Abusage. A Guide to Good English. London-New-York, 2000.
11. Random House Webster's College Dictionary. New York, 2000.
12. Wells J. Longman Pronunciation Dictionary. Longman, 2000.

СООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ МАНИФЕСТАЦИИ ЖЕСТОВ РУК И ИХ ЗНАЧЕНИЙ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

И.Е. Ильина

Тамбовский государственный технический университет
Тамбов, Россия

Исследование средств языковой репрезентации жестов рук позволило выделить следующую классификацию соотношений языковой манифестации жестов рук и их значений в диалогическом дискурсе.

1. Один жест может иметь несколько значений и быть манифестирован различными языковыми средствами.

«Пожать руки» - это жест прощания, знакомства, приветствия, благодарности, поздравления; вербализуется следующими выражениями: в русском языке – обменяться рукопожатием, тряхти руки, пожать руки (руку), жать друг другу руки, потрясти руку; в немецком – einen Händedruck wechseln, die Hand drücken, die Hand schütteln; в английском - to give hand to shake, to shake hands with, to shake by the hand.

1) **Знакомство:** - «Познакомьтесь – Надежда Кирилловна. Марья Сергеевна Борзова». *Женщины обменялись рукопожатием* (7: 339).

She introduced me to her friend; he gave me his hand to shake (12, 24).

На значение жеста указывают элементы контекста: в русском языке – реплика «познакомьтесь»; в английском языке – глагол «to introduce».

2) **Приветствие:** - *Der Konsul wechselte einen Händedruck mit seinem Bruder* (13, 131).

«How are you?» said Amelia, shaking hands with him (17, 31).

На значение жеста указывают элементы контекста: в русском языке – реплика «Здравствуйте». В немецком языке значение жеста эксплицируется широким коммуникативным контекстом. В английском языке – реплика «How are you?».

3) **Прощание:** *На прощание они пожали друг другу руки и молча разошлись по комнатам* (6, 81).

«Hier sind zwei Fahrkarten für das Schiff,» - sagte der Mann, drückte meine Hand und ging weg (15, 7).

На значение жеста указывают элементы контекста: в русском языке – действие коммуниканта, которое вербализуется выражением «разошлись по комнатам», и словосочетание «на прощание»; в немецком языке – действие коммуниканта, манифестируемое глаголом «weggehen».

4) **Благодарность:** - *«Danke», sagte der Mann und drückte Köster die Hand* (16, 135).

На значение жеста указывают элементы контекста – реплика «Danke».

5) **Поздравления:**

-Поздравляем тебя, Олексан с рождением сына, - сказали ребята и начали по очереди пожимать ему руку (6, 242).

На значение жеста указывает реплика «Поздравляем».

2. Один жест может иметь одно значение и быть манифестирован различными языковыми средствами.

Жест «показать рукой» передает значение «указание на кого-либо или что-либо» и манифестируется следующими выражениями: в русском языке – показывать рукой, указывать рукой; в немецком – mit der Hand deuten, mit der Hand zeigen; в английском – to point with one's hand.

Значение жеста эксплицируется средствами языковой манифестации: в русском языке – предлог «на», указательное местоимение «туда».

Но особенно поразили меня некоторые женщины. Я крикнул, показывая рукой на этих уродин: «Глядите-ка, вот чудо-то!» (2, 7).

... Нам пора. - Воланд указал рукою туда, где бесчисленные солнца плавил стекло за рекою (1, 302).

В немецком языке значение жеста подчеркивается языковой манифестацией жеста, в частности, предлогом «auf».

«Olina,» sagte er und deutete mit der Hand auf das Klavier, «Olina, spiel die kleine Beethoven-Sonate» (10, 112).

Sie zeigte mit der Hand auf den Stuhl und sagte: «Setzen Sie bitte» (10, 128).

В английском языке на значение жеста указывает предлог «to».

Mrs Strickland pointed with her hand to an armchair and repeated: «Tell me what she said» (14, 45).

3. Один жест может передавать несколько значений, но иметь одну языковую манифестацию.

Жест «тереть руки» передает значения: все в порядке; предвкушение удовольствия и вербализуется в русском языке «потирать руки»; в немецком - «die Hände reiben», в английском – «to rub one's hands».

-Порядок, Юрка! – потирая руки, сказал Лакеев (3, 67) (все в порядке).

Er reibt die Hände mit einem behaglichen «Soso!», und schnuppert in den Töpfen. «Fein!» sagte er (11, 43) (предвкушение удовольствия).

He rubbed his hands and thought: «She will come soon» (16, 356) (предвкушение удовольствия).

4. Один жест может передавать только одно значение и иметь одну языковую манифестацию.

-Как добрался? – спросил начальник. Слободкин показал начальнику пораненную о колючую проволоку ладонь (8, 90).

В этом примере жест, вербализованный выражением «показать ладонь» и определением «пораненную», дополняет реплику.

-Я покажу тебе! – погрозила рукой Елена Николаевна (3, 128).

Жест, вербализованный выражением «погрозить рукой», имеет значение «угроза», которое подчеркивается репликой коммуниканта.

5. Различные жесты могут передавать одно значение и быть манифестированы различными языковыми средствами.

Например, приветствие передают следующие жесты: обнять широким движением рук, *die Hand heben*, *die Hand an der Mütze salutieren*, *to shake by the hand*.

Борис обнял Александра широким движением рук: - Как я рад тебе, баулык! (5, 63).

Er hob die Hand: «Salü, Valentin!» Er nickte: «Salü, Robby!» (16, 55).

Ich salutierte die Hand an der Mütze, und sagte: «Servus!» (9, 23).

«How are you, old fellow? Glad you've come down.» Osborne said, shaking his comrade warmly by the hand... (17, 237).

6. Различные жесты могут передавать несколько значений и иметь одну языковую манифестацию.

Жест «махнуть рукой» предполагает три разновидности жеста:

1. махнуть рукой ладонью вниз:

-Картошка тоже исчерпана, - добавил он, на что компания отмахнулась, потому что в стаканах была крепкая влага, и жизнь впереди им казалась не такой уж безрадостной (5, 110) (безразличие).

Адресаты невербально реагируют на слова адресанта: им все равно, что и ними будет завтра, так как сейчас у них есть то, что им надо.

2. махнуть рукой в сторону:

-Остановись! – приказал он Коляну. – Где отец?

-Там. – Неопределенно махнул рукой (4, 31) (указание места).

На значение жеста, вербализованного выражением «махнуть рукой», указывает обстоятельство «неопределенно» в сочетании с репликой «Там».

3. махнуть рукой от себя:

Eine Schwester kam herein. Jaffé winkte ihr ab. «Kommen Sie nachher wieder,» knurrte Jaffé (16, 332) (просьба удалиться).

Жест манифестируется глаголом «abwinken». Значение жеста «просьба удалиться» эксплицируется репликой коммуниканта.

Таким образом, в диалогическом дискурсе возможна асимметрия между жестом, количеством его значений и средствами его вербализации.

Библиографический список:

1. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Театральный роман: Рассказы. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1987. – 447 с.
2. Гладков Ф.В. Вольница. – М.: Худ. лит-ра, 1951. – Т. 5. – 552 с.
3. Злуникин В.Г. Вера. – Воронеж: Центр.-Чернозем. изд-во, 1965. – 382 с.
4. Кожевников А.В. Солнце ездит на оленях. – М.: Детская литература, 1972. – 447 с.
5. Косихин В.А. Последний рейс.–М.: Молодая гвардия, 1983.– 288 с.
6. Красильников Г.Д. Олексан Кабышев. – Ижевск: Изд-во Удмуртия, 1974.– 362 с.
7. Овечкин В.В. Гости в Стукачах. Рассказы и очерки. Районные будни. – М.: Сов. Россия, 1978. – 640 с.

8. Тельпугов В.В. Ничего не случилось. – М.: Советский писатель, 1989. – 702 с.
9. Becher J.R. Abschied. – Aufbau Verlag Berlin und Weimar, 1981. – 450 S.
10. Böll H. Ansichten eines Clowns. – Köln, Berlin: Kiepenheuer&Witsch, 1963.– 303S.
11. Fallada H. Jeder stirbt für sich allein. –Aufbau-Verlag Berlin, 1955. – 554 S.
12. Fitzgerald F. Scott. Tender is the Night. – М.: Raduga publishers, 1983. – 400 p.
13. Mann T. Buddenbrooks. – М.: Verlag für fremdsp. Literatur, 1956. – 736 S.
14. Maugham W.S. Cakes and Ale: or the Skeleton in the Cupboard. – М.: Progress publishers, 1980. – 240 p.
15. Remarque E.M. Die Nacht von Lissabon. – В., W.: Aufbau, 1986. – 241 S.
16. Remarque E.M. Drei Kameraden.– М.: Verlag für fremdsp.Literatur, 1963.– 462 S.
17. Thackeray W.M. Vanity Fair. – М.: Foreign Languages Publishing House, 1950. – Ч.II. – 378 p.

О ПОВЫШЕНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

Л.А. Кабанова

Ивановская государственная сельскохозяйственная академия

Иваново, Россия

ivgsha@tpi.ru

Одной из целей обучения иностранному языку в неязыковых вузах является повышение коммуникативной компетенции студентов. Учитывая повышение статуса иностранного языка, можно эффективно влиять на развитие коммуникативных умений обучаемых. Речь идет об умении читать и понимать текст по специальности; вести беседу на заданную тему; умении письменно оформить профессионально-деловой текст.

Важным аспектом подготовки будущего специалиста является также написание рефератов и аннотаций на иностранном языке. На экзамене студент должен прореферировать 2,0 – 2,5 тыс. печ. знаков статьи по специальности, передав основное содержание 10 – 12 предложениями, и дать аннотацию прочитанного (4 – 5 предложений).

Повышению коммуникативной компетенции способствуют использование аудио- и видеоматериалов, наполнение изучаемых грамматических явлений адекватными лексическими упражнениями, индивидуализация и дифференциация обучения.

Методисты считают, что одной из наиболее актуальных и сложных проблем современной методики является обучение устному общению. Чтобы облегчить решение этой проблемы, необходимо сформировать в процессе межличностного группового общения соответствующие социально-психологические условия.

Формирование определенного уровня лингвистического навыка достигается путем вопросно-ответных упражнений. Преподаватель задает сам и стимулирует постановку студентами серий вопросов, ответная реакция на которые, ввиду ее стереотипного повторения, может быть выведена на уровне навыка.

Создание исходного уровня коммуникативной компетенции достигается и в ходе овладения клишированными фразами, выражениями и формулами, которые помогают студентам выразить свое отношение к реплике партнера.

Несомненную пользу дает прием “многократного использования” - интенсивное многократное, вариативное проговаривание речевых клише, фраз.

Наиболее сильным мотивирующим фактором являются приемы обучения, удовлетворяющие потребность изучающих в новизне изучаемого материала, в разнообразии выполняемых упражнений.

Использование культурного и духовного наследия страны изучаемого языка также помогает поддержать интерес к языку как средству общения, а с точки зрения интенсификации коммуникативного подхода является средством удовлетворения познавательно-коммуникативных потребностей.

Эффективным средством является использование комплексного коммуникативного подхода к тестированию, при котором делается акцент, в первую очередь, на важность высказывания, а не на правильность его формы и структуры. Это связано, главным образом, с тем, как язык используется в общении, хотя ошибается тот, кто полагает, что коммуникативной компетенции можно достичь без достаточного овладения грамматической стороной изучаемого языка. Вот почему обязательными объектами контроля должны быть понимание речи на слух, говорение, чтение и письмо.

Использование разнообразных приемов обучения способствует организации речевого взаимодействия, закреплению языковых явлений в памяти, созданию более стойких зрительных и слуховых образов, поддержанию интереса и активности, а также наиболее полному решению задачи интенсивного обучения иностранным языкам.

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что оптимальное сочетание повторяемости и вариативности средств и приемов является необходимым условием интенсификации коммуникативной компетенции изучающих иностранный язык.

БЕЗГЛАГОЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ (на материале немецких художественных текстов)

Л.Г. Казарян

**Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
Тамбов, Россия**

У предложения как грамматической единицы есть признак, который часто рассматривается как его дефект в системе речи. Это его потенциальная выключенность из ситуации и контекста. Однако именно способность предложения внеситуативно соотноситься с реалиями действительности лишь расширяет возможности предложения как языковой единицы: с одной стороны, предложение само может равняться минитексту, с другой стороны, предложение является базовой единицей текста, в которых все предложения актуализированы. В текстах мы имеем дело не с виртуальными, гипотетическими синтаксическими конструкциями, а с названиями конкретных предметов и реальными высказываниями о конкретных фактах и ситуациях.

В тексте реализуется соотнесенность предикативного отношения каждого конкретного предложения с ситуацией в локальном, темпоральном, причинно-следственном и прочих планах. Все сказанное в равной степени относится и к литературному тексту. Несмотря на то, что художественный текст – это результат «эгоцентрического» внутреннего состояния художника, его чувственно-понятийного постижения мира, в нем потенцируются те же самые логико-семантические черты, которые даны в речевой цепи как таковой, и он не базируется на каких-то «чужеродных» элементах, отличающих художественную речь от обыденной. Так, французский поэт П. Валери, стремясь разграничить речь художественную от речи повседневной, писал: «Речь – это стихия обыденная и практическая, следовательно, она неизбежно должна быть орудием грубым, ибо каждый им пользует».

ется, применяет его к своим нуждам, стремится переиначить его на свой манер. Как бы ни выросла в нас, как бы ни укоренилось в нашей душе мышление посредством слова, речь, однако, есть продукт статистической формации и чисто практического направления. Задача поэта должна, таким образом, заключаться в том, чтобы найти в этом орудии практики средства для построения некоей реальности, органически практике чуждой. Как я уже говорил, он призван творить некий мир или некоторый порядок вещей, некую систему отношений, абсолютно не связанных с порядком практическим» (3; 378). Безусловно, прав Поль Валери, говоря о том, что поэт, мастер художественного слова, должен постоянно находиться в поиске выразительных средств, позволяющих как бы поднять художественную речь над обыденной, но вряд ли они окажутся «чужеродными», привнесенными из некоей другой материи, они из той же «кладовой» языка, которой пользуется сам художник в повседневной жизни.

В художественном тексте реализуются не только смысловые, но и структурные потенции всей грамматической системы и, в особенности, грамматической системы построения. Художественный текст, существуя, по определению В.Г. Адмони, «как кульминация смысловой стихии языка», актуализирует все аспекты структурного выявления этой стихии: многомерность и динамичность.

«Многомерность» речевой цепи – понятие в каком-то смысле противопоставленное традиционно принятому в языкознании термину «линейности». Однако оба термина в отношении характеристики речевой цепи имеют право на существование и не исключают один другого. «Линейность» речевой цепи – это, условно говоря, внешняя характеристика, проявляющаяся в сцеплении компонентов этой цепи. Под «многомерностью» понимается многоаспектная, усложненная характеристика компонентов линейного ряда, включающая в себя смысловые, функциональные, структурные линии в их пересечениях, наложениях, взаимодействиях. Такое «многомерное» построение В.Г. Адмони назвал сначала «партитурным» (1), позднее – «батизматическим» (2; 204-205).

Батизматическое строение художественной речевой цепи усложняется многократно за счет создания различных соозначений в отдельных отрезках художественной речевой цепи.

Понятие «динамичность», «динамизм» в литературоведении, текстоведении связаны, по выражению Ю.Тынянова, «с ощущением протекания». В то же самое время в них включается и то, что в не-

мецком языке обозначается словами “mächtig”, “wirksam” и что В.Г. Адмони определяет как «весомость», рассматривая это слово синонимом «динамичности».

Динамичными/ весомыми в художественном тексте являются все языковые единицы, но подчеркнутой весомостью, конечно же, отмечены в тексте предложения, поскольку из сопряженности предложений друг с другом, из взаимного притяжения или отталкивания (имеется в виду выбор средств связи между предложениями и единствами большими, чем предложения, сцепленность однотипных однотипных и разнорядных структур и т.д.) рождается «конструкция» текста и его «внутренний» смысл как единого целого.

Предложение как основной «строевой» материал художественного текста, выступая в различных формах - полных и неполных, обладая различным «объемом», оказывается важнейшим средством монтажа художественного текста как целого и средством «сцепления» его отдельных частей.

Вся масса предложений с точки зрения использования сегментационно-классификационного аппарата подразделяется на субъектно-предикатные, беспредикатные и бессубъектные: Ветер дует. Ветер. Дует. Данное деление отражает эпистемологический фундамент языка, проявляющийся в изначальном членении бытия на две стихии: имя – глагол.

В немецком языке, в отличие от русского, в рамках «аспекта логико-грамматических типов» субъектно-предикатной структуре противопоставлена лишь «безглагольная» структура.

Отсутствие «глагола-предиката» по-разному сказалось на отдельных типах предложений, объединенных по данному формально-грамматическому критерию в одну группу. Здесь обнаружились «неоднородные» в структурно-семантическом плане безглагольные предложения: от полностью безглагольных до таких, в которых сохраняются те или иные компоненты «глагола-предиката».

Остановимся в данной статье только на одном типе безглагольных предложений – номинативном экзистенциальном предложении (НЭП), состоящим из существительного в именительном падеже, выступающего «пропозитивным» именем, именем «бытующего» предмета.

НЭП принимают активное участие в формировании описательных текстов и текстов-рассуждений, выполняя при этом различные функции: как отдельной семантико-синтаксической единицы, так и

единицы, наделенной определенными текстообразующими потенциями. Так, НЭП в нарративных текстах (рассказах, новеллах, романах) часто стоят в начале его частей (глав, абзацев и т.д.) и "раскрывают", таким образом, темпоральный, локальный и эмоциональный фон, на котором в дальнейшем повествовании разворачивается действие или действия, конкретизация которых требует смены "безглагольных" конструкций "глагольными".

Функция "зачина", "завязки" - это одна из основных "текстовых" функций экзистенциальных предложений в целом: как односоставных, так и двусоставных. При этом односоставные безглагольные номинативные предложения противопоставлены двусоставным экзистенциальным предложениям, в первую очередь, по характеру темпорального значения. В силу отсутствия временной глагольной формы НЭП выступает не как "вневременная" конструкция (поскольку "идея бытия" в соответствии с законами диалектики не может быть воспринята абсолютно вне временного плана), а как синтаксическая единица с обобщенным или неопределенным временным значением. А.М.Пешковский назвал это временное значение "эксклюзивным настоящим", легко поддающимся экспликации не через определенные временные формы, как это происходит в глагольных предложениях, а посредством соотнесения, стыковки безглагольных НЭП с глагольными формами двусоставных предложений последующего микротекста (при начальном положении НЭП) или предыдущего, если НЭП занимает в микротексте интер- или постпозиции. Например: "Krieg und Kriegesgeschrei, Einquartierung und Geschäftigkeit. Preussische Offiziere bewegen sich in der parkettierten Zimmerflucht der Bel-Etage von Senator Buddenbrooks neuem Hause, küssen der hausdame die Hände und werden von Christian, der von Oeyuhausen zurückgekehrt ist, in den Klub eingeführt, während im Mengstrassenhause Mamsell Severin, Riekchen Severin, der Konsulin neue Jungfer, zusammen mit den Mädchen eine Menge Matratzen in das "Portal", das alte Gartenhaus, schleppt, das voll von Soldaten ist.(Th.Mann. Buddenbrooks, с. 446-447)

Временное значение "настоящего" присуще безглагольному бытийному предложению, стоящему в начале главы или абзаца, получает однозначное и определенное выражение в формах презенса целого ряда глаголов. Безглагольное номинативное предложение, открывая ряд следующих за ним глагольных предложений, оказывается средством, обеспечивающим когерентность текстового фрагмента в том числе и через "грамматическое" (темпоральное) значение.

Реализация темпорального значения “настоящего”, которым отмечено НЭП, однако, не во всех случаях происходит так однозначно и линейно, как в только что приведенном примере. Гораздо более сложным является случай, при котором НЭП помещается в повествовательный контекст, соотношенный с событиями или действиями, имевшими место в прошлом и выраженными глагольными формами “прошедшего”: *Sie würden in eine grosse Zelle gesperrt. Vergitterte Fenster, sechs Holzpritschen, ein Kübel (D.Noll. Abenteuer)*

Безусловная семантическая (лексическая) связь обоих предложений, где второе предложение выступает уточняющим по отношению к первому, и в котором номинативные существительные называют предметы, составившие обстановку “камеры” (“Zelle”), упомянутой в первом предложении, обуславливает и другие, уже “грамматические” связи и параллели этих предложений. Из этого следует, что и в локальном, и во временном планах безглагольное предложение должно быть “привязано” к глагольному и, на самом деле, оно легко и естественно вписывается в общую повествовательную канву с господствующим темпоральным значением присутствующей в ней глагольной формой. Доказательством такого утверждения может служить трансформация обоих предложений в одно без принципиального изменения смысла и при полном сохранении всех компонентов. Ср.: **Sie wurden in eine grosse Zelle mit vergitterten Fenstern, sechs Holzpritschen und einen Kübel gesperrt.*

С другой стороны, выступая как часть семантического целого, НЭП, тем не менее, через присущее ему как безглагольной конструкции значение “настоящего” приходит в столкновение с основной повествовательной линией, относящейся к прошлому, подобно тому, как это происходит с презенсом в функции “Präsens historicum”. Возникающая между предложениями “нестыковка” временных значений, с одной стороны, глагольной формы двусоставного предложения, а с другой стороны, бытийных номинативных существительных - лишь усиливает “весомость” НЭП, превращает его в “фокус”, центр высказывания. При этом номинативные бытийные существительные воспроизводят предметную ситуацию как “стативную”, обнаруживающую корреляции с основной повествовательной линией целого текстового фрагмента и с моментом восприятия описываемой ситуации читателем (слушателем). Создается впечатление, что такой способ разрыва плавного повествования, как фотокадр, фиксирует положе-

ние вещей, указывает тем самым на их значимость для композиционной и смысловой структур текста.

Библиографический список:

1. Адмони В.Г. Партиктурное строение речевой цепи и система грамматических значений в предложении. //Филологические науки. 1961.№3.
2. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л., 1988.
3. Валери П. Чистая поэзия //Валерии П. Об искусстве. М., 1976.

КОММУНИКАТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ОБУЧЕНИИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ДИСКУРСУ

А.В. Кащева

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
deathless69@mail.ru

Моделирование речи, в том числе, и речи профессионала, до сих пор остается, на наш взгляд, нерешенной проблемой, не теряющей своей актуальности в силу того, что любое моделирование позволяет представить содержание явления более наглядно и конкретно и всегда является востребованным приемом во многих науках. Формируя навыки профессионального общения с помощью коммуникативного моделирования, мы можем предвосхитить речевые ситуации, с которыми придется столкнуться преподавателю и «проиграть» варианты речевого поведения участников учебного процесса.

Тем не менее, данный метод не позволяет представить исчерпывающий ряд вариантов речевых ситуаций профессионального общения, поскольку речевые модели, как и любые модели ментальных, педагогических или социальных процессов, являются прогностическими. Это означает, что они подвержены влиянию многих факторов, среди которых - индивидуальные особенности мыслительных процессов говорящих, индивидуальные обучающие приемы; намерения, ожидания, интерпретация заданий учащимися и индивидуальный стиль их исполнения. Влияние этих факторов проявляется в том, что в итоге говорящие избирают разные тактики речевого поведения и средства их выражения, создавая тем самым дискурс в процессе профессионального общения. Таким образом, такой дискурс невозможно смоделировать заранее с абсолютной точностью.

Поскольку речь идет о моделировании речи в педагогическом процессе формирования профессиональных навыков, необходимо также уточнить роль используемых моделей. Опираясь на классификацию А.Н. Дахина, который различает обучающие модели и модели обучения в педагогическом процессе, мы считаем, что речевые модели выполняют обучающую функцию, так как они проецируют предполагаемые ситуации профессиональной деятельности.

Итак, назвав речевые модели профессиональной коммуникации учителя прогностическими и обучающими, постараемся определить виды этих моделей. Согласно точке зрения В.А. Штоффа, прием коммуникативного моделирования вообще заключается в «...исследовании, отборе, создании и использовании наиболее емких, обиходных, социально и профессионально необходимых моделей устного общения на учебных занятиях с максимальным учетом предусматриваемых программой учебных материалов» (2,17). Очевидно, что они должны объединять весь педагогический дискурс, который создается учителем и учеником в ходе взаимодействия на уроке. На наш взгляд, последний включает как собственно учебный дискурс\academic discourse (речевое взаимодействие по поводу учебной деятельности), так и межличностный\interpersonal дискурс (межличностное речевое взаимодействие учителя и ученика).

Говоря о существующих направлениях дискурса, мы считаем важным отметить, что предметом моделирования профессиональной коммуникации должно стать не столько тематическое содержание, обсуждаемое его участниками в тех или иных учебных ситуациях, сколько виды учебной деятельности или функции говорящих, реализуемые в учебном дискурсе. Мы имеем в виду те стратегии речевого поведения, которые учитель выбирает в соответствии с этапом урока, его задачами, формой работы, и те стратегии речевого поведения, которые выбирает ученик, реагируя на задачу, поставленную учителем или сформулированную в задании. В этом смысле мы полностью согласны с мнением Вивьен Замель, которая утверждает, что учебный дискурс – это не только использование языка дисциплины, но и речь в процессе изучения дисциплины (doing the discipline).

Собственно учебный дискурс представляет собой более узкое поле для речевого моделирования, поскольку в теории дискурсивного анализа он является одним из жанров дискурса, который, в свою очередь, подразделяется на такие виды, как лекция, дискуссия, объяснение, инструктаж. Каждый из перечисленных видов деятельности мо-

жет быть представлен в виде наиболее общей речевой модели (или риторической структуры), состоящей из этапов этой деятельности. Так, лекцию можно представить в виде следующей традиционной модели:

- представление темы;
- сообщение плана;
- изложение содержания пунктов плана (повествование с элементами убеждения и рассуждения, доказательства, противопоставления, объяснение понятий);
- проверка понимания содержания \ поддержание обратной связи;
- заключение \ обобщение содержания в форме тезисов или выводов.

Для обучения такой модели профессионального дискурса студенты должны ознакомиться, во-первых, с её структурой, во-вторых - с наиболее характерными языковыми средствами её выражения (речевыми формулами). Подобным образом можно описать модели аргументации, объяснения и инструктажа, в которых количество реплик обратной связи невелико, а их функции наиболее предсказуемы (переспрос, уточнение, расспрос, согласие, несогласие, контраргумент).

Например, в одной из работ Ф.Хундснуршера нам встретилась следующая схема аргументация, которая реализует функцию подтверждения тезиса или правила и инициируется утверждением, например (3, 43-44):

- ход 1: инициирующее утверждение;
- ход 2: сомнение;
- ход 3: приведение фактов;
- ход 4: сомнение в доказательности;
- ход 5: предоставление фактов;
- ход 6: сомнение в правилах;
- ход 7: экспликация общего правила;
- ход 8: указание на исключение;
- ход 9: уверенность в тезисе

Совершенно очевидно, что данная схема является структурной моделью одной из разновидностей учебного дискурса. Другие виды учебного дискурса, на наш взгляд, тоже представляют собой предмет лингвистического исследования с целью описания дискурсивных моделей и их последующего использования в учебном процессе.

Библиографический список:

1. Дахин А.Н. Педагогическое моделирование: сущность, эффективность и ... неопределенность. <http://www.rusexpert.ru/english.htm>
2. Маслыко Е.А. Устная язычная общность как предмет обучения. // Общая методика обучения иностранным языкам. Хрестоматия. Составитель А.А. Леонтьев. М.: Русский язык. 1991. С.211-218.
3. Хундснуршер Ф. Основы, развитие и перспективы анализа диалога // Вопросы языкознания. 1998, №2. С.38-49.
4. Vivian Zamel. Questioning Academic Discourse. College ESL. Vol.3, No1, 1993.

КОСВЕННЫЕ МЕЛИОРАТИВНЫЕ НОМИНАЦИИ КАК ИНДИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ЧЕЛОВЕКА

Н. Е. Кирсанова

Ивановская государственная медицинская академия

Иваново, Россия

natalyakirs@mail.ru

Коммуникативный успех беседы во многом зависит от социальных норм и установок, принятых в определенной культуре. Важной составной частью этой культуры является этикет, регулирующий поведение людей в стандартных ситуациях. Этикетное поведение определяет принадлежность субъекта к той или иной части общества.

Этикет предписывает проявление особой степени уважения к титулованным особам. Правила англоязычного этикета детально регламентируют порядок знакомства людей, формы обращения.

Обозначение социального статуса человека происходит посредством единиц обращения, то есть, вокативов. В значении слов, употребляемых в функции обращения и выражающих соотносительную позицию человека в социальной иерархии, обозначается социальный статус человека. Такой класс слов В. И. Карасик предлагает называть социальными вокативами. Социальные вокативы в английском языке распадаются на две неравные группы: к первой относятся общие вокативы (Mr, Sir), ко второй группе — специальные вокативы (Colonel, Father, Your Majesty) (2, 178). Статусные вокативы, обозначающие статус вышестоящего, на наш взгляд, являются именами, маркированными положительно с точки зрения их знаковой ориентации. Причем приписывание этого положительного знака является сугубо социальным явлением, призванным разграничить и обозначить стратификационное деление общества. Так, в английском языке сущест-

вует ряд слов, используемых как обращения к вышестоящему лицу или любой титулованной особе. При этом знак имени маркируется как положительный (+), например:

1. *sir* — сэръ, сударь (вежливое обращение к мужчине, особенно стоящему выше по положению, в том числе, к учителю; обязательно в обращении к вышестоящему по званию в армии; титул рыцаря или баронета) (1, 386-387).

2. *lord* — лорд, пэр (член палаты лордов, принятая неофициальная форма титулования маркизов, графов, виконтов и баронов; титул учтивости) (1, 257-258).

3. *madam* — мадам, сударыня, госпожа (форма обращения к замужней женщине; форма письменного обращения к высокопоставленной женщине, замужней или незамужней, к королеве, принцессе, графине) (1, 263).

Также используются такие обращения, как *The Honorable*, *The Reverend*, *Lady*, *Your Highness* и т.д. Социальная принадлежность получателя (или слушающего) проявляется в тех случаях, когда при обращении к старшему по статусу употребляется особая лексика, выражающая почтение.

При анализе материала художественных произведений англоязычной литературы нами были отмечены некоторые особенности употребления мелиоративных статусных вокативов.

Нередкими являются случаи намеренного приписывания себе того или иного титула или способа обращения. При этом происходит замена знаковой ориентации косвенного имени с нейтральной или отрицательной на положительную. Таким образом говорящий повышает свой социальный статус. Говорящий может намеренно выбрать себе обращение, указывающее на высокий социальный статус, тем самым скрывая свое истинное положение.

Вежливость и уважение рассматриваются как аспекты социальной дистанции между адресантом и адресатом. Чем формальнее общение, или чем больше дистанция между коммуникантами, тем более вероятно, что адресант прибегнет к такому приему этикетизации, как повышение статуса партнера и понижение собственного статуса.

Иногда коммуникант, имеющий тот же социальный статус, что и номинат, все же намеренно принижает свой статус и возвышает статус адресата.

Положительная знаковая ориентация имени обозначена также в эмоциональных обращениях и восклицаниях, где к рациональной оценке добавляется еще и эмотивная. При таких эмоциональных об-

ращения имя приобретает положительную знаковую ориентацию. Интересно отметить, что слова с положительной оценкой используются в функции обращения большей частью на интимной дистанции общения (*my sweet, my little darling, I love you so*).

Слова и выражения, маркирующие положительную знаковую ориентацию имени, встречаются и в речи взрослых по отношению к детям; они свидетельствуют о любви и участии номинатора в судьбе адресата.

Использование престижных выражений является индикацией статуса говорящего, который заявляет тем самым о своей принадлежности к престижным слоям общества. Но использование в речи престижных выражений чаще означает желание занимать определенную позицию, а не фактическое занятие этой позиции.

Использование говорящим манерных слов положительной оценки (*genteelisms*), говорит о желании произвести впечатление утонченного, хорошо воспитанного человека. Наиболее часто к манерным словам прибегают представители нижнего слоя среднего класса, и поэтому подобные слова являются речевыми статусными индексами соответствующих людей.

Смена знаковой ориентации имени происходит также в названиях профессий, которые считаются менее престижными на данном социальном этапе. Здесь замена происходит с целью повысить престиж и привлечь внимание. Обычно используются такие благозвучные добавления, как *engineer (person skilled in a branch of engineering)*, *expert (well informed or skilful in a subject)*, *technician (person doing practical or maintenance work in laboratory; person skilled in artistic technique)*, *manager (person controlling or administering business; person controlling activities of person, team)* и другие. Смена знаковой ориентации имени здесь происходит таким образом: номинатор использует номинацию с положительной знаковой ориентацией, которая достигается путем употребления слов *expert* (например, *loan expert*), *manager*, *engineer* и т.д. вместо нейтральной с точки зрения знаковой векторности номинации (*pawnbroker*) с целью повысить престиж данной профессии.

Отдавая дань моде, слова с нейтральной оценкой заменяются на более положительные. Так, садовники и мужские парикмахеры (*gardeners & barbers*) захотели называться соответственно *landscape architects* и *hairlogists*, мойщики окон и изготовители матрасов — *glass maintenance engineers* и *sleep/matress engineers*. Полицейские (*policemen*) именуют себя *law-enforcement officers*, клерки (*clerks*) —

junior executives, а продавцы "хот-догов" элегантно прозвали себя hot dog engineers. Продавцы (salesmen) называют себя не иначе как "представители" (representatives), а администраторы универмагов (floorwalkers) – управляющие aisle managers.

Таким образом, мелиоративные статусные вокативы, меняющие нейтральный знак оценки на положительный, рассматриваемые в социолингвистическом аспекте, являются показателем высокого статуса, престижности определенного поста или профессии. Часто коммуникант использует данные номинации с целью повысить свой статус, претендовать на более высокое положение и отношение к себе. Коммуниканты с высоким положением в обществе употребляют данные номинации в официальной обстановке, требующей соблюдения определенных норм этикета.

Библиографический список:

1. Великобритания. Лингвострановедческий словарь (ВЛС). М., 1980.
2. Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 2000.

ПРЕСУППОЗИЦИИ, РЕЛЕВАНТНЫЕ ДЛЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОТРИЦАНИЯ KEIN

И.Е. Киселева

**Ивановский государственный химико-технологический
университет
Иваново, Россия**

Для экспликации значения отрицания нередко используется понятие пресуппозиции (презумпции). Под пресуппозицией обычно понимается имплицитное суждение, которое можно представить в форме предложения и которое является смысловым компонентом другого эксплицитного выражения (3, 339). Проблема взаимодействия отрицания и пресуппозиции до сих пор остается предметом обсуждений как отечественных, так и зарубежных лингвистов.

Одним из основных свойств пресуппозиции, по мнению Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой, является сохранение пресуппозиции при отрицании. Например, предложения „Он знает, что я вернулся“ и „Он не знает, что я вернулся“ содержат одну и ту же пресуппозицию „Я вернулся“ (2, 17).

Мнение о том, что пресуппозиции свойственно сохраняться при отрицании, подвергает сомнению немецкий ученый Е. Деллинг (9,

63). Автор выделяет два вида отрицания: 1) отрицание, сохраняющее пресуппозицию, и 2) отрицание, стирающее пресуппозицию. Предложение *Der Bruder von Hans kommt nicht*, по мнению автора, может иметь две пресуппозиции: (1) *Hans hat einen Bruder* и (2) *Hans hat keinen Bruder*. В первом случае пресуппозиция сохраняется при отрицании, во втором – именная группа *der Bruder von Hans* находится в области действия отрицания, т.е. происходит стирание пресуппозиции положительного суждения, которое предшествует употреблению отрицательного высказывания.

Исходя из вышесказанного, можно выделить пресуппозиции, которые сохраняются при отрицании, и пресуппозиции, которые подвергаются действию отрицания. Например, отрицание не затрагивает семантическую пресуппозицию, под которой понимается имплицитная информация, то, что было до высказывания. Высказывания «Он выздоровел» / «Он не выздоровел» имеют одинаковую пресуппозицию: «Он болел». С отрицанием не соотносятся также экзистенциальные пресуппозиции. Одну и ту же пресуппозицию имеют высказывания «Кеплер умер в нищете» / «Кеплер не умер в нищете», т.е. пресуппозицию о существовании Кеплера.

Релевантными для отрицания *kein* являются два вида пресуппозиций – логические и прагматические. Под логической пресуппозицией понимается общее суждение, которое выражает известную всем истину, фонд общих знаний о мире (см., напр. 2, 4). Прагматическая пресуппозиция определяется как фонд общих знаний собеседников в каждой конкретной ситуации (2, 9). Понятие пресуппозиции необходимо для выявления противочлена отрицания, т.е. какого-либо понятия в утвердительной форме, на которое направлено отрицание (6, 63). Являясь элементом утверждения, противочлен (положительный коррелят) отрицания в эксплицитной или имплицитной форме входит в состав пресуппозиции. Пресуппозиция активно участвует в осуществлении общения. Для того, чтобы высказывание было адекватно понято, говорящий и слушающий или пишущий и читающий должны одинаково идентифицировать пресуппозицию и одинаково быть уверенными в ее истинности.

Сравним закономерности функционирования отрицания *kein* и его положительного коррелята в условиях логических и прагматических пресуппозиций.

1. Положительный коррелят отрицания kein в составе логической пресуппозиции.

Выявить положительный коррелят отрицания *kein* помогают (1) фреймы или (2) условно-категорические умозаключения (антилогизмы), в которых заключена логическая пресуппозиция (7, 177). В данном случае преобладает положительный коррелят в имплицитной форме, т.е. не вся информация, которую говорящий сообщает слушающему, имеет вербальное представление в предшествующем контексте, но она находится в сознании каждого человека (5). Рассмотрим функционирование положительного коррелята в фреймах и антилогизмах.

(1) Фреймы – это знания, сценарии, которые находятся в сознании и памяти человека и извлекаются оттуда при определенных условиях (5). Например:

Unmögliche Heirat... Kein Glück in dieser Ehe... (10, 27)

Положительный коррелят отрицания *kein* имплицитно включен в состав логической пресуппозиции: *Die Ehe muss Glück haben*, и нет необходимости выражать его словесно, так как это общеизвестный факт. Отрицание *kein* стирает логическую пресуппозицию.

(2) Антилогизм является мыслительным инструментом, который позволяет эксплицитировать скрытую, но известную всем информацию. Противопоставление отрицательного действия положительному происходит на основании умозаключений, вытекающих из смысла таких предложений (6, 82).

Sie fühlte sich todmüde, wie sie in ihrer Wohnung in der Keithstrasse ankommt. Trotzdem hat sie keine Lust, zu Bett zu gehen (12, 228)

Положительный коррелят в составе логической пресуппозиции можно выявить путем логического анализа:

1 посылка: Wenn der Mensch todmüde nach Hause kommt, hat er Lust, zu Bett zu gehen, um sich etwas auszuruhen.

2 посылка: Sie fühlt sich todmüde, wie sie in ihrer Wohnung ankommt.

Тезис: Sie hat Lust, zu Bett zu gehen, um sich auszuruhen.

Отрицательный тезис: Sie hat keine Lust, zu Bett zu gehen.

В сознании человека заложена логическая пресуппозиция: *Wenn der Mensch todmüde nach Hause kommt, hat er Lust, zu Bett zu gehen, um sich etwas auszuruhen*, в состав которой входит имплицитный положительный коррелят *Lust*. Как общеизвестный факт логическая пресуппозиция не нуждается в экспликации. Отрицание *kein*, направленное на положительный коррелят, отрицает общеизвестное положение, принятое в обществе, т.е. отрицает логическую пресуппозицию.

Положительный коррелят, на который направлено отрицание, в составе логических пресуппозиций может быть представлен эксплицитно. Но такие случаи встречаются редко, так как положительный коррелят входит в состав логической пресуппозиции и как общеизвестный факт не нуждается в вербальном представлении:

- Sie sollen Arbeitslosenunterstützung kriegen.

- Aber ich kriege ja keine Arbeitslosenunterstützung (13, 98)

В данном случае отрицание *kein* направлено на положительный коррелят в эксплицитной форме, который входит в состав логической пресуппозиции: Die arbeitslosen Menschen sollen Arbeitslosenunterstützung erhalten. Отрицание *kein* является „сигналом“ нарушения общеизвестного положения о получении пособия по безработице. Здесь наблюдается прямая связь отрицания и логической пресуппозиции.

2. Положительный коррелят отрицания kein в составе прагматической пресуппозиции

В составе прагматических пресуппозиций отрицательные высказывания с *kein* сигнализируют о несоответствии ожидаемого действительному, функционируют в оценочных суждениях и выражают в опоре на определенную систему ценностей негативную оценку, являются реакцией на ошибочное мнение, имеющее или не имеющее словесное представление (1, 5).

Положительный коррелят отрицания *kein* имеет, как правило, эксплицитную форму:

- Junge, willst du noch ein Wurstbrot?

- Ich will kein Wurstbrot mehr (11, 36)

Отрицание *kein* направлено на эксплицитный положительный коррелят *ein Wurstbrot*, который входит в состав прагматической пресуппозиции, определяемой как фонд общих знаний собеседников. Из предтекста известно, что обычно мальчик съедал больше одного бутерброда, и неожиданным для спрашивающего является отрицательный ответ. Отрицание *kein* является сигналом несоответствия ожидаемого действительному.

В составе прагматической пресуппозиции положительный коррелят отрицания *kein* может только подразумеваться и не иметь вербального представления, так же выражая несоответствие ожидаемого действительному:

Diese Hügel sind keine Gebirge (14, 11)

Отрицание *kein* направлено на имплицитный положительный коррелят, который только подразумевается как объект для сравнения в конкретной ситуации. Ожидается больше, чем есть на самом деле. Прагматическая пресуппозиция: „Diese Hügel sind Gebirge“, в состав которой входит положительный коррелят *Gebirge*, подвергается отрицанию *kein*, так как не находит в данном случае подтверждения.

При имплицитном положительном корреляте в составе прагматической пресуппозиции отрицание *kein* может употребляться для выражения негативной оценки в оценочных суждениях как реакция на ошибочное мнение, неправильное суждение:

„Red keinen Quatsch“, erwiderte Brennten wichtig und feierlich (10, 103)

Положительный коррелят отрицания *kein* имплицитно входит в состав прагматической пресуппозиции: *Du redest Quatsch* и подвергается, как и вся пресуппозиция, отрицанию. Отрицательному высказыванию обязательно предшествует реплика в предтексте. Поскольку качество содержания любой речи каждый человек понимает по-своему, услышанное в данной ситуации оценивается негативно. Употребление отрицания *kein* выражает в опоре на определенную систему реакцию на ошибочное суждение.

Таким образом, для выявления положительного коррелята отрицания *kein* используются логические и прагматические пресуппозиции. Проведенный анализ показал, что отрицание *kein* функционирует в условиях логических пресуппозиций чаще (66%), чем в условиях прагматических пресуппозиций (34%). В составе логических пресуппозиций преобладает положительный коррелят в имплицитной форме (97%), а в составе прагматических пресуппозиций – в эксплицитной форме (53%), что связано с интерпретацией данных пресуппозиций.

Библиографический список:

1. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык // Вопросы языкознания. М., 1987, № 3.
2. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. С.3-43.
3. Кифер Ф. О пресуппозициях // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. Лингвистика текста. С.337-369.
4. Логический словарь «Дефорт». М., 1994.
5. Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.

6. Торопова Н.А. Положительный противочлен отрицания nicht в современном немецком языке (пресуппозиция отрицания) // Филол. науки. М., 1978, № 2.
7. Торопова Н.А. Семантика и функции логических частиц (на материале немецкого языка). Саратов, 1980.
8. Шпунтова И.Е. Виды сверхфразовых единств с отрицанием kein в условиях логических пресуппозиций // Молодая наука 2000. Иваново, 2000. Ч. 3.
9. Dölling J. Logische und semantische Probleme der Negation. Berlin, 1988.
10. Bredel W. Verwandte und Bekannte. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1950.
11. Fallada H. Wolf unter Wölfen. Berlin: Aufbauverlag, 1955.
12. Feuchtwanger L. Die Geschwister Oppermann. Berlin, Weimar: Aufbau Verlag, 1976.
13. Heym S. Babik // Schriftsteller des 20. Jahrhunderts. Leipzig, 1960.
14. Seghers A. Das siebte Kreuz // Erzählende Prosa. Leipzig: Verlag Philipp Reklam jun., 1975.

**ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЛЕКСИКА
ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭМЫ «ЕЛЕНА»**

(к проблеме межкультурной коммуникации в исторической семасиологии)

Е.Н. Клёмина

**Ивановская государственная медицинская академия
Иваново, Россия**

В современной семасиологии проблема языка как средства межкультурной коммуникации исследуется на материале древних текстов, позволяющих современным читателям осмыслить культурно-историческую значимость и уникальность ушедших эпох. Своего рода неисчерпаемым источником для исследования в рамках данного направления являются древнеанглийские тексты X-XI веков, сохранившие причудливое переплетение христианской латинской и устно-эпической германской традиций в языковых образах. Эта художественно-семантическая специфика древнеанглийской поэтической лексики особым образом нашла отражение в одном из замечательных памятников христианской тематики «Елена», повествующем о событиях обретения Креста Господня матерью римского императора Константина Еленой в Иерусалиме.

Сюжетно-тематический мир поэмы «Елена» разнообразен, поскольку затрагивает различные реалии земного мира и мира духовного. В поэме заключены два основных земных мира: мир римской империи на переломном рубеже перехода от язычества к христианству и мир иудейской страны - Святой земли, на которой развивалась Священная история (иудеев и христиан). В поэме присутствует и третий – варварский германский мир, находящийся, однако, на периферии сюжетной линии. Кроме земного мира, преимущественно материального, в поэме раскрывается и потусторонний духовный мир в русле христианского учения. Таким образом, в поэме можно выделить две группы реалий: 1) обычные земные, представляющие собой любые физические явления и предметы материального мира; 2) духовные христианские, являющиеся потусторонними нематериальными сущностями, а также земные реалии, ассоциирующиеся с евангельской историей земной жизни Спасителя. Поэма «Елена» явилась одной из первых попыток древнеанглийского поэтического творчества описать чужеземные реалии на родном языке. В распоряжении поэта был традиционный лексический поэтический фонд с его клишированной фразеологией и словами, которые изначально были предназначены для рассказа о германском прошлом и воспевания языческих героико-эпических образов и понятий. Представляется интересным проследить, как автор использовал данный поэтический язык, чтобы раскрыть духовные христианские сущности, включая некоторые богословские понятия, с одной стороны, а с другой – сказать о земных реалиях христианской истории, где произошло соприкосновение Божественного и земного.

На примере концептуальной группы пространственной лексики, состоящей из четырех лексико-семантических групп (стихии и явления природы, территориальные образования, жилище, местоположение) рассмотрим, как эти слова употребляются в поэме по отношению к обозначенным выше реалиям, воспользовавшись методом концептуально-контекстуального анализа.

Германские по происхождению слова получают в поэме разнообразные применения. Рассмотрим некоторые примеры (здесь и далее примеры из поэмы «Елена» цитируются по (5) с переводом автора статьи).

1) Обычное “земное” прямое значение приобретают в поэме слова, употребляющиеся только для наименования вещественных земных (нерелигиозных) реалий (eorðe, molde, greot “земля”, næs, searþ

“яма”, brim, sæ, sund, holm “море”, уð “волна”, geofen “океан”, hof “дом”, salor “зал”, byrgen “могила”, stede “место”, meðelstede “место собрания”, sundor “сторона”).

2) Христианское “духовное” значение получают слова, используемые исключительно для наименования духовных реалий христианской догматики или земных реалий, связанных с Боговоплощением (neolnes “бездна” (ад), þeostru “тьма” духовная и “мрак” ада, leohta “яркость” Божественного огня, dūn “холм” – Голгофа, beam “дерево”, sigebeam “победное дерево”, wunbeam “дерево радости” – св. Крест Господень, gesteald “жилище” на Небесах, heannes “вышина” – Царство Небесное, hieħdo “высота” – место праведников на Страшном Суде). На образование христианских терминов оказала влияние древнехристианская традиция использования глубоко разработанной системы символики, применяемой для раскрытия сущности реалий духовного мира (Heofonrice “Небесное Царство”) (4). К этой новозаветной традиции, идущей от апостолов и Отцов Церкви, относится и метафорическое осмысление некоторых понятий, например, сущ.hus в словосочетаниях fæge hus “обречённый дом”, т.е. мёртвый человек и færne hus “старый дом”, т.е. старый человек. Сравни: “скоро должен оставить храмину мою” (2Петр. 1, 14).

3) “Земное” обычное и христианское “духовное” значение приобретают слова, называющие (в зависимости от контекста) соответствующие реалии (fyr, ād “огонь” и wylm, līg, “пламя” на земле и на Страшном Суде, grund “поверхность земли” и “пропасть” ада, hām обычный “дом” и “родной дом” злых духов, burg “город” на земле и Небесный “Град”, eard “дом” иудейских старейшин и “жилище” ангелов на Небесах). Следует отметить, что в этой группе слов прослеживается тенденция специализации отдельных лексем, то есть закрепления их за той или иной реалией. Так, в большинстве контекстов слово heofon – это “Небесное Царство”, leoht – “Божественный свет”.

Наряду с проблемой образно-семантического распределения пространственной лексики существует проблема значимости для некоторых слов (идентифицирующих как земные, так и духовные реалии) героико-эпических и мифопоэтических ассоциаций, распространенных в германском героическом эпосе. Ассоциации такого типа обнаруживаются у слов либо в словообразовательной модели (в большинстве случаев в форме композитов), либо в этимологии, отзвуки которой, как показала О.А.Смирницкая (3), сохраняются в контексте аллитерационного стиха. Например, в древнегерманской мифопоэтической традиции в основе наименования мира лежала идея

сакральной значимости центра, которая нашла отражение во внутренней семантической форме композита *middangeard* (о.г. **midjagardaz* “срединное огороженное пространство”) “срединный мир”, “мир людей”, противопоставленный миру богов и миру мертвых (2, 16). Такая семантическая мотивировка при полной утрате своего мифологического осмысления сохраняется во внутренней форме слова и в христианской картине мира поэмы «Елена», в которой *middangeard* широко употребляется для обозначения земного мира людей, некоего центра особого попечения Божия о людях. Понятие, заключенное в лексеме *middangeard*, - это не только место воплощения Богочеловека ради спасения людей, но и само спасенное человечество (*Ðu Hælend eart // middangeardes* – “Ты Спаситель есть // мира”; 808b-809a). Таким образом, мифопоэтическое наименование употребляется в метафорическом смысле новозаветной традиции. Устойчивые коннотации другой лексемы *hruse* как “гибельной, враждебной земли”, закрепившиеся за словом в его этимологических корнях (лат. *crusta* “корка”, дисл. *hrjósa* “дрожать”, *hrudr* - “струп”) оказываются значимыми в христианском памятнике. *Hruse* в поэме «Елена» - это голгофская земля – место самого страшного в истории человечества злодеяния – убийства Сына Божия, где на долгое время были захоронены великие христианские святые – Крест Господень и святые гвозди. В клишированных выражениях “святой под землей” Крест (*halig under hruse*; 218a, 625a, 842a) и “сокровище под землей” - о святых гвоздях (*hord under hruse*; 1091a) обнаруживается также и мотив клада, характерный для героического эпоса (1, 119). Наличие таких коннотаций у лексем, служащих для обозначения христианских сущностей или мест святой земли, придают определенную окраску религиозной поэме, германизируя христианский мир. С другой стороны, поскольку эти ассоциации имеют ценностный характер, то они могут быть переосмыслены поэтом с точки зрения христианской позиции. Так, понятие *medoheal* с ярко выраженными положительными коннотациями в героико-эпической традиции не только приобретает в поэме «Елена» отрицательную оценку, но и становится определенным христианским символом греховного увеселения мира сего. Некоторые наименования (*fifelwaeg*, *swānrād*) используются в поэме либо просто как синонимы моря, либо (что более вероятно) в переносном значении с целью описать водный путь Елены в Иерусалим как полный различных опасностей (*fifelwaeg* “путь морских чудовищ”), а путь римских гонцов от Константина, несущих благое повеление Елене построить на Голгофе церковь - *swānrād* “лебединая дорога”.

Итак, в языке древнеанглийской религиозной поэмы «Елена» хорошо видны различные семантические процессы, преобразующие обычные германские слова и старые героико-эпические термины в понятия новой христианской духовной культуры. Древнеанглийский поэтический язык христианского произведения отличается отраженное во внешней и внутренней форме некоторых слов особое художественное мировосприятие англосаксами новой духовной ментальности, что придает своеобразный национальный колорит христианскому памятнику.

Библиографический список:

1. Карпова Е.А. Древнеанглийская пространственная лексика как отражение древнеанглийской поэтической модели мира (опыт линвокультурологического анализа) Дисс. ... канд. филол. наук. Иваново, 2002.
2. Проскурин С.Г. Древнеанглийская пространственная лексика концептуализированных областей. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1990.
3. Смирницкая О.А. *Sīþ Beowulfes*: границы “культурной лексики” в древнеанглийском эпосе // Слово в контексте литературной эволюции: заговор, эпос, лирика. М., 1993.
4. Уваров А.С. Христианская символика. М., 2000.
5. *Elene* / Ed. P. O. E. Gradon. London, 1958.

МЕТОДИКА НАЦИОНАЛЬНО ЯЗЫКОВОЙ ОРИЕНТАЦИИ В СИСТЕМЕ ДОВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ (РКИ. Элементарный уровень)

Л.В. Кованцева

**Ивановский государственный энергоуниверситет
Иваново, Россия**

Современное обучение иностранным языкам и их изучение характеризуются уровневым подходом к процессу формирования необходимых навыков и умений, а также к содержанию и формам контроля.

Разработка уровней владения русским языком как иностранным в сферах повседневного и делового общения включает в первую очередь такие характеристики, как прагматичность и адресность обучения, стандартизованность его целей, гибкость и вариативность методов обучения, унифицированность оценки.

В системе довузовской подготовки иностранных специалистов нередко отсутствует четкая стратификация. Так или иначе, овладение русским языком как иностранным предполагает последовательное формирование коммуникативной способности иностранца в соответствии со следующими уровнями: 1) уровень элементарного общения, 2) предпороговый уровень (базовая коммуникативная компетенция), 3) пороговый уровень (минимальная коммуникативная способность), 4) постпороговый уровень (продвинутая коммуникативная способность).

Опыт преподавания РКИ франкофонам и англофонам (элементарный уровень) на подготовительном отделении ФИС ИГЭУ показывает, что наиболее результативной, с нашей точки зрения, является методика национально-языковой ориентации обучения целевому языку (термин В.Н. Вагнер).

Лингводидактическая основа методики – ориентация на язык учащихся.

Принципы: сознательность, системность, функционально-семантический подход, коммуникативная направленность.

Приоритетным при таком подходе является формирование у студентов новой внутренней языковой системы – системы русского языка, русского языкового сознания, русской «картины мира».

Системное введение материала способствует его лучшему восприятию и запоминанию. Лексический материал традиционно группируется по трем критериям: тематическому, логико-семантическому и структурно-грамматическому.

Целесообразно на данном этапе, на наш взгляд, представление материала в культурологическом аспекте.

Например, при изучении темы «Времена года» подтема «Зима» реализуется как «Русская зима». Снег, мороз, солнце, ель, лед, огонь, печь – все реалии зимы русской языковой картины мира прекрасно осознаются и усваиваются учащимися с визуальной поддержкой. Контекст создается предварительным домашним заданием выполнить подстрочный перевод стихотворения А.С. Пушкина «Зимнее утро».

Демонстрация в аудитории слайдов и художественных альбомов с видами Михайловского, Тригорского, домика няни поэта закрепляет в сознании студентов объемные пласты лексики. Формирование языковой картины мира целевого языка, в данном случае русского, должно происходить поэтапно и с первых же занятий. Иначе Арина Родионовна окажется просто «бегемотом», и бороться с фокусами интерференции будет значительно сложнее.

В методике преподавания РКИ существует понятие лингводидактических универсалий, которые служат ориентиром для проведения отбора и расположения языкового материала, выбора адекватных форм и способов его представления и закрепления.

Эти универсалии выявлены на основании характера межъязыковых соотношений сходства, различия или частичного несовпадения, устанавливаемого по данным сопоставительного анализа языковых фактов и анализа типичных ошибок.

Считается, что национально-языковая специфика преподавания русского языка больше всего проявляется при определении способов представления языкового материала. Оптимальные способы изложения языкового материала должны соответствовать национально-языковой специфике его восприятия и усвоения учащимися конкретных языковых контингентов.

Опыт работы с франкофонами и англофонами (элементарный уровень) показывает, что от правильно выбранного способа изложения зависит успешное формирование у учащихся новой внутренней языковой системы – основы для возникновения новой речевой компетенции.

В условиях применения методики национально-языковой ориентации именно стадия представления языкового материала является главным звеном учебного процесса.

И здесь нам кажется особенно уместным обращение к понятийно-языковым универсалиям, причем наиболее значимой, на наш взгляд, при презентации грамматических явлений в рамках данной методики оказывается категория оценки. Выражение системы предпочтений человека в разных языках имеет общие черты. Аксиологический предикат при этом играет очень важную роль.

Ср.: *I like tea* - Я люблю чай

It is interesting - Это интересно.

Независимо от степени сложности грамматических различий в целевом языке, родном языке и языке-посреднике, семантическая структура высказываний, содержащих оценку, сходна, что прекрасно осознается и воспринимается учащимися.

Ср.: *I know your brother is to be a clever man*

Я знаю, что ваш брат умный человек.

С нашей точки зрения, учет характера подачи аксиологических значений в семантической структуре предложений родного языка и целевого языка очень важен в методике преподавания РКИ. Аксиоло-

гически окрашенная лексика усваивается в первую очередь, что подтверждается психолингвистическими исследованиями.

Практика показывает, что представление грамматики русского языка как иностранного в аксиологическом аспекте является очень перспективным направлением в работе с франкофонами и англофонами на всех этапах обучения.

ЛЕКСИКА ГОДА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ ГЕРМАНИИ

Н.К. Колосов

**Ивановский государственный университет
Иваново, Россия**

В качестве материального объекта избраны авторитетные немецкие газеты *Frankfurter Allgemeine Zeitung für Deutschland* и *Hannoversche Allgemeine Zeitung* за 2003 год. Это печатные издания, которые не претендуют на какую-либо конкретную политическую ориентацию или право представления интересов отдельной партии, общественного движения и, следовательно, представляют интерес для широкого читателя.

Описание типичной лексики определенного отрезка времени, предпринятое нами в данной работе, не является статистической отчетностью о наиболее частотных языковых структурах данного периода времени, иначе, как справедливо отмечается в филологической литературе, к таким структурам следовало бы заранее отнести, например, артикль *die* и *der* или союз *und* в немецком языке (6, 3), а в качестве временных рамок был бы достаточен один день (3, 10). Под типичной лексикой понимаются единицы, которые релевантно, убедительно, лингвистически четко и ярко обозначают события, тесно связанные с общественно значимой тематикой или тематикой, в какой-либо мере представляющей интерес для читателя.

Как показал материал, немецкоязычная пресса Германии за 2003 год освещала в основном события, связанные со следующей тематикой: проводимые в стране реформы, прошедшие федеральные, намечавшиеся и проведенные региональные выборы органов власти, евро и доллар, Ирак и терроризм, Россия и Германия, иностранные граждане в Германии, Северная Корея, экология, научные эксперименты, грозящие человечеству болезни, памятные даты.

Вопрос о *реформах* встал особенно остро после изменения статуса Германии, которая оказалась беднее, чем раньше, в силу не-

обходимости восстанавливать восточную часть страны, куда требуются финансовые вливания – ärmer geworden, Aufbau Ost, Zuschüsse, Fehlentwicklung, die DDR-Kombinate brachen ... zusammen, das Ganze war eine Komödie, marode DDR-Betriebe, traurig. Однако следует отметить, что лексика, используемая в отношении бывшей ГДР, имеет более спокойный, чем в начальный период объединения Германии, тон оценки бывшего восточногерманского государства. Она носит, скорее, деловой, констатирующий характер, становится более терминологичной – am Wiederaufbau arbeiten, aus der damaligen DDR, ostdeutsche Großbetriebe, seit der Wende, unblutig, liegt jeder Vierte unter der Armutsgrenze, wenig Begüterte und Reiche. В этом отношении характерно высказывание немецкой киноактрисы Катрин Засс, снявшейся в главной роли в новом фильме "Good Bye, Lenin". На вопрос – "Macht sich der Film lustig über die DDR?" она ответила: "Nein, aber man kann über vieles schmunzeln... Die ganze DDR war komisch". Тем не менее, ещё встречается лексика, обозначающая по-прежнему резко негативное отношение к бывшему немецкому социалистическому государству, к СЕПГ и её преемнице ПДС – die kommunistische Unterjochung, das Regime, zu Mauerzeiten, 18 Millionen einzementieren, gefühllose Cassandra, Herrschaft der SED, beginnt die PDS... die Intrigenspiele.

Реформирование назрело, оно вплотную связано с необходимостью соблюдения строгого режима экономии – Reformen, Reformkurs, Reformbedarf, Reformflügel, Reformplan, sparen, einsparen, strikter Sparkurs, Sparbemühungen, Sparliste, Sparmaßnahmen, Spardrang, Sparkonzept, Sparhaushalt, Einsparungen, Sparauflage, Sparprogramm. Хозяйство страны расшатано – Deutschland steckt in der Krise, die Wirtschaft lahmt, stöhnt, düstere Wachstumsprognosen, die schwache Konjunktur, die Konjunkturschwäche, Deutschland am Rande der Rezession, die deutsche Misere. Растут безработица, долги государства, налоги, цены, чувство социальной незащищенности, пессимизм, снижаются ставки на вклады, становятся очевидными вялость биржевой жизни, непрозрачность и бюрократизированность трудового права – die Arbeitslosigkeit strebt auf neue Rekordmarken zu, eine höhere Staatsverschuldung, Steuererhöhungen, eine neue Preistrunde, ausufernde Kosten der Sozialversicherung, verunsichert, pessimistischer Ausblick, niedrige Zinsen, Börsenflaute, Undurchschaubarkeit und Bürokratisierung des Arbeitsrechts. При всех социальных невзгодах немцам особенно

докучает рост налогов и цен, что нередко находит отражение в юморе, в частности в анекдотах. Например: "Трое сидят в ресторане, в руках меню. Долго ничего не заказывают. Официант спрашивает: "Möchten die Herren schon bestellen? Oder wollen sie erst ihren Steuerberater konsultieren?". Пресса констатирует необходимость реформ, но практика их проведения подвергается резкой критике и во властных структурах, и в народе. Особенно достается канцлеру Г. Шрёдеру и его партии. Дело доходит до измышлений по поводу личных взаимоотношений в семье Шрёдеров – Die Schröders... klagen gegen Berichte, die die Innigkeit der Kanzlerbeziehung anzweifeln; Das wird die Gerüchteküche nicht stoppen; ...Gerüchte einer Ehekrise Schröders; ...des Kanzlers Intimsphäre. В проводимых реформах находят массу недостатков. Главный из них – слишком жесткий режим экономии – harte Einschränkungen, Abstriche, kürzen, Kürzungen, streichen, Streichliste, rigoroses Sparen, Einschnitte. С одной стороны, такое положение вещей понятно, поскольку кругом дыры, а денег мало – Haushaltslöcher, klaffen große Löcher, brisante soziale Probleme, magere Gewinne, weiter sinkende Einnahmen, nirgendwo ein Lichtblick. Канцлеру, правительству, правящей партии приходится туго, они вынуждены проводить политику латания дыр – Schröder...von allen Seiten unter Druck, Flickschusterei, Schröders Reformplan reicht nicht aus, nach Verabschiedung der Reformagenda 2010 hat die SPD an Zustimmung verloren, die SPD liegt am Boden, schlechtes Omen, fällt düster aus, im tiefen Tal, im Stimmungstief, nicht in Sicht. С другой стороны, власти обязаны изыскивать средства для проведения реформ в различных сферах жизни страны, т.к. ситуация сложная, преобразования не удаются в полном объеме.

Кроме того, в рамках темы «Реформы» обсуждаются: *финансовая политика* – Flehen, finanzpolitische Wirrnis, Steuerbelastungen, schonen, die rote Laterne tragen, subventionieren, die Illusion einer Eins-zu-eins-Umsetzung; *малое предпринимательство* – Gefahr, Firmen werden dicht gemacht, drastischer Stellenabbau, das Handwerk schneidet noch schlechter ab, keine Gründungseuphorie, Handwerksberufe gelten als altmodisch, das Image des Handwerks aufpolieren, es muss attraktiver werden, ernst, fehlen, leiden, Notruf; *здравоохранение, страхование, пенсии* – Ärzte beschweren sich, das Rätsel Gesundheitsreform, Wartelisten-Medizin, Streichung der Zahnbehandlung, Apotheker sehen sich vor dem Ruin, hart werde es..., außerordentlicher Ärztetag, ...nach Senkung der Krankenkassenbeiträge, Sozialhilfe, Umbau der sozialen Si-

cherungssysteme, Rentenversicherer rechnen mit weiteren Nullrunden, Kinderrente, Rentensenkung, die Rente sinkt; *образование*: высказываются разные мнения относительно путей совершенствования среднего и высшего образования, попыток ориентации на реальную отдачу и рекомендации Пизанского образовательного проекта, финансирования в основном элитных вузов, реформирования начальной школы, открытия вновь школ продленного дня, усиления аспекта чтения художественной литературы, форсирования языковой подготовки детей переселенцев, изучения вопроса введения единой формы для учащихся, унифицирования начальной школы с целью облегчения поступления в другие типы школ, усиления борьбы с прогульщиками в школе путем прикрепления особых датчиков к ногам – Bildungsmisere in Deutschland, zu wenig Investitionen in Schulen und Universitäten, Ausbildungsabgabe gebilligt, schmälern, Stellen abbauen, einheitliche Standards, Aufstehen wird zum Ritual, Iglu-Studie, Pisa-Studie, Pisa-Debakel, Lehren aus Pisa, Pisa-Ergebnisse, Testfall (Sprachstandsfeststellung), Ganztagschule, Input, Output, Leseunterricht, Förderprogramm, Schuluniformen sind total cool, auf weiterführende Schulen wechseln, Spar-Kultur, Schulschwänzer mit elektrischen Fußfesseln überwachen, *сельское хозяйство, транспорт, радио, телевидение, искусство, спорт* – an Reformen und Einsparungen in der Landwirtschaft führt kein Weg vorbei, wegen der defizitären Finanzlage beim Verkehr sparen, Kostensenkungsprogramm (в гражданской авиации, поскольку авиаперевозки оказываются нерентабельными), ZDF rechnet mit Gebührenerhöhung, Streit um Theaterfinanzen, Millionen sollen eingespart werden, Vereine (спортивные) müssen sparen, zum Sparen verdonnert, *административный аппарат* – Programm zum Bürokratieabbau, ...geplante Auflösung der Bezirksregierungen, Reform der Arbeitsämter, Wirrwarr in den Zuständigkeiten hemmt gemeinsame Projekte, bei Personal- und Sachausgaben rigoros gekürzt werden, Einschnitte für Angestellte.

В публикациях на тему "**Выборы**" дается оценка прошедших федеральных выборов – Bundestagswahl, Regierungskurs, auf ein neues!, die Wende zum Besseren, Tritt fassen, "Genosse der Bösse" (так шутливо называет свою позицию поддержки крупных предпринимателей канцлер Г. Шрёдер), überraschend, Wahlerfolg, ins Trudeln kommen, Tricks statt Klarheit und Wahrheit, belügen (о якобы не вполне честных выборах); а также оценка избирательной компании в ландтаги и деятельность новой администрации – Landtagswahlkampf, spannend, knüppeldick, ungünstig, der Leidensweg (для социал-демократической

партии), Klimasturz (общая неблагоприятная ситуация в стране), Jubel und Trauer, Aufbruch im Tal der Tränen (для проигравших на выборах), neuer Anfang, Neustart, auf die Jugend setzen, junge Garde, Verjüngungskur (омоложение кадров), die Neuen kommen, klarer Kurs, Machtwechsel, zupacken, solide Arbeit, die Ärmel hochkrempeln, die Bush-Krieger... bremsen (против участия в иракской войне), seriös, diskutieren.

Материалы, посвященные *евро и доллару*, приводят положительную или сдержанную оценку роста курса евро – Euro, Dollar, der Anstieg des Euro-Kurses, der Höhenflug des Euro im Vergleich zum Dollar, überschießen, am Wert steigen, gewinnen, Rekordkurse, die Euro-Rally, starker Euro, Euro-Aufwertung, Aufwärtsbewegung, ungeahntes Tempo, schneller Kursanstieg, überraschen, verblüffen, Klagen, zu schaffen machen, stören, sich besorgen, Cassandra-Rufer (о пессимистах), Befürchtungen.

В связи с проблемами *Ирака и терроризма* описываются мир до начала войны в Ираке, мир в напряжении, встречи, обсуждения, делаются попытки увязать иракскую проблему с проблемой международного терроризма. Германия отказывается быть союзницей США в возможной войне в Ираке. США усиленно ищут повод для развязывания войны, стремятся найти в Ираке опасное для человечества оружие – Irak-Frage, Irak-Krieg das Thema Nummer eins, ein drohender Krieg, ein Krieg gegen den Irak, Irak-Politik, Konflikt, Konflikt mit dem Irak, Irak-Streit, Irak-Krise, Kriegskurs, die Kriegsgefahr im Irak, Angriffskrieg, Irak-Kurs, militärischer Einsatz, Kriegsmaschine, Kriegsgebiet, Irak-Debatte, Waffenkontrolle, Waffeninspekteure, Abrüstungskontrolle, UN-Resolution, gebannt blicken, beraten, warnen, alle reden, schielen, ein ungewollter Krieg, Angst vor Krieg und vor Terror, mulmiges Gefühl, die Ungeduld steigt, absolut gefährlich, Kriegsangst, Perversion des Terrorismus, terroristische Anschläge, internationaler Terrorismus, Chemiewaffen-Terror, Friedensaktivisten, friedliche Lösung suchen, Fernsehedeuell (возможные теледебаты между Саддамом и Ж. Бушем), Risikominimierung, eine schwere Verantwortung von Gott auf sich nehmen (призыв Папы не допустить развязывания войны в Ираке), mit Hussein über die Gefahr von Biowaffen sprechen (Мисс Германия – 2003 Александра Водяникова желает отговорить Хуссейна от использования биологического оружия), diesen Krieg verhindern (немецкий бард К. Векер), Nein zum Irak-Krieg (позиция Германии), G. Schröder in der Zwickmühle, Nein zum Krieg, der deutsche Antikriegskurs, Berlin protestiert (против войны), ablehnen, den Frieden bewahren (Германия), der friedensbewegte Schröder, Aufgriffslust (со стороны США), Ultimatum,

Appell an Saddam, geheime Informationen, Geheimdienstossier, Geheimdienste, Geheimdienstler, Geheimdienstmaterial (секретная информация о якобы имеющихся запасах опасного оружия на территории Ирака), "schlagende Beweise" (со стороны США), Bush im Alleingang, den Kampf ansagen, in den Krieg ziehen, in eine Linie zwingen (позиция США по отношению к другим странам), unausweichlich, eskalieren, Kriegstreiber, Kriegswillige, Katz-und-Maus-Spiel, "kriegerisch" (Т. Блэр), selbstherrliche USA, zum harten Kurs stehen, mit Angriffslust (США по отношению к Ираку). Последствия потенциальной иракской войны могут оказаться тяжелыми для всего мира, прежде всего для экономики – weltweite Folgen, absolut gefährlicher Krieg, weiter destabilisieren (о ситуации в мире), Rückgang, drastische Kursverluste, kräftig unter Druck geraten, setzen (о курсах акций на биржах); Kriegsangst dominiert (о международной бирже туризма), belasten (об экономике), die Urlaubslaune dämpfen (страх перед войной омрачает настроение отпускников). При обсуждении хода войны и военных действий преобладает военная терминология, эйфория отсутствует – Gefechte, Kämpfe, Attacken, Front, Luftschlag, "A-Day" ("Aerial Day"), Vorstoß, Not, "Shock and Awe" (стратегия США), Schurkenstaat (К. Пауэл об Ираке), bombardieren, einschlagen, massiv, toben, drohen, besiegen, furchtbar, bang (взгляды на небо), erzittern (мир), apokalyptisch, heftig, überrollen, schlimm, fallen, sprengen, protestieren. В прессе описываются также планы США закрепиться в Ираке, послевоенная обстановка в Ираке, протесты против присутствия иностранных войск в Ираке – Kampfphase beendet, Ende der Kämpfe, aber nicht Ende des Krieges, der Nachkriegsirak, neue Ordnung, nach der Wende, ein Drei-Stufen-Plan für den irakischen Wiederaufbau, ein falscher Krieg, Kolonialrezepte (со стороны США), ungemütlich (ситуация для иностранных войск), Widerstand (gegen die Besatzungsmächte), Invasoren und Besatzer, Demonstrationen, Explosionen, Terror, brodelnde Masse, Attentäter, Autobombe.

В теме "*Россия и Германия*" дается положительная оценка экономики России и результатов выборов в Государственную Думу – Wirtschaft, Stabilität, die Pessimisten haben sich getäuscht, die kommenden Wahlen (президента), dynamisch, gleichgeschaltet, wachsen, nicht mehr erschüttert (о стабильности экономики); сообщается о деле Ходорковского, дается дипломатичный анализ события – Chodorkowskij, Ölmilliarder, Vorstandsvorsitzender von Jukos, Untersuchungshaft, Kautio, Verhaftung, Machtkampf, Oligarchen, geopfert, ...möchte kein europäischer Regierungschef öffentlich sprechen. Россия и

Германия выступают против иракской войны, за мирное решение проблемы – Ausweitung fürchten (В. Путин об опасности возможного разрастания конфликта), Einheit, Anti-Terror-Koalition (министр иностранных дел России И. Иванов против войны, но за защиту от международного терроризма), politische Lösung, Ringen um eine friedliche Lösung, auf Russland setzen, Irak-Gespräche, warnen (Г. Шрёдер в Москве на переговорах по проблеме Ирака). Приводится отношение Германии к положению на Кавказе – der Alltag im Kaukasus, vom Krieg geprägt, das Krisengebiet, dramatisch, gespenstisch, gefährlich. Иногда дается негативное отношение к бывшему СССР – in grauen Sowjetzeiten, die Verletzung der Menschenrechte, Zusammenbruch (СССР), der sowjetische Staatskommunismus, ...wir verdanken ihnen (американцам) den Schutz vor der Sowjetunion und die Wiedervereinigung.

В материалах на тему «*Иностранные граждане в Германии*» речь идет, прежде всего, о переселенцах из других стран, о разных группах переселенцев – Ausländer, Aussiedler, Immigranten, Migranten, Migrantenfamilien, Migrantenkinder, Spätaussiedler, Fremde, Zuwanderer, Neu-Zuwanderer, Einwanderung, Zuwanderung, Zuzug, Deutschstämmige, Deutschrussen; обсуждаются проблемы, связанные с приемом массива прибывающих в страну из-за их неоднородности по географическим, культурно-социальным, количественным и иным признакам, недостаточная разработанность правовой базы (закон об иностранных гражданах), нехватка денег, соответствующих служб; переселенцы из других стран осложняют криминогенную обстановку – ankommen, aufnehmen, Ausländerpolitik, Akzeptanz von Fremden, Eingliederung, Integration, Integrationschancen – und Pflichten, wachen, rechten Weg gehen, regeln, auf Eis legen (рассмотрение закона о переселенцах), Zuwanderungsgesetz, Asylbestimmungen, Aussiedlerpläne, Sonderregelung, Zuzugsbedingungen, kein Geld vom Bund, Geldbedarf, Bundeseinwanderungsamt, Mammutbehörde, neue Behörden, Ausländerbehörden, junge Kriminelle von Zuwanderern, aus Migrantenfamilien. Слабым местом в правовой системе оказался статус гастарбайтеров, например, воспитателей детей в немецких семьях. Вербовкой воспитателей часто занимаются незаконные посреднические конторы. Нередко от воспитателей-женщин требуют не работу с детьми, а услуги униженного свойства – Au-pair-Mädchen, Au-pair-Vermittlung, Jobs als Au-pair-Mädchen, die schwarzen Schafe (о подозрительных вербовочных конторах), Schutz brauchen, Missbrauchsfälle, Heiratsmarkt, sexuelle Dienstleistungen. В неменьшей мере общественность обеспо-

коена противоположным направлением движения людей, оттоком собственных молодых рабочих рук за рубеж – "Good Bye, Deutschland" (слоган года), auswandern, verlassen, miese Perspektiven (о рынке труда в Германии), Auswandern, Auswanderer, ans Auswandern denken.

В рамках темы "*Северная Корея*" сообщается об обеспокоенности Южной Кореи, Западной Европы, США наличием в Северной Корее ядерной программы, о поисках контрмер – Nordkorea, Atomprogramm, Atombombe, Atomwaffe, waffenfähiges Plutonium, Zeitbombe Pjöngjang, Atomstreit, Konflikt, Nordkorea-Konflikt, Säbelrasseln, Angriff aus dem Norden (о Северной Корее), Korea-Gespräche, Atomgespräche, Sechs-Parteien-Gespräche (о шести участниках переговоров), Krisensitzung, verstärken, sich zuspitzen, eindämmen, bedrohen, bändigen, in die Schranken weisen.

В рубрике «*Экология*» в газетах приводятся сведения о ядерных отходах, продолжающихся уже несколько лет протестах немцев против складирования ядерных отходов из стран Европейского союза на территории Германии в Горлебене – Gorleben, Castor-Transport, Endlager für EU-Atommüll, Einlagerung, Abfälle, Renaissance der Anti-Atom-Bewegung, Demonstranten, Blockaden, blockieren, erwägen, atomar, hochradioaktiv; о природных явлениях: снежных заносах, наводнениях, ураганах, штормах – Schnee, im Schnee, Schneeschmelze, Unfälle, rutschig, verschneit, freischaufeln, Wasser, Hochwasser, Hochwassergefahr, unter Wasser, Überschwemmungen, Wasserstand, Regen, Dauerregen, Regenfälle, Flutgefahr, Flutkatastrophe, Pegel, Schutz, Dämme, Sandsäcke, Deiche, Schäden, voll, steigen, ansteigen, überfluten, versinken, fluten, zerstörerisch, Orkan, Orkanböen, Sturmtief "Calvann", hinwegtoben, wüten.

Научную и общественную мысль продолжают волновать последствия *научных экспериментов*: морально-правовая сторона клонирования человека, проблемы сиамских близнецов, освоения космоса – Klonverbot, auf den Weg bringen (интенсификация исследований), siamesische Zwillinge, Zwillingsschwestern Ladan und Laleh (имена сиамских близнецов), "Operation Hoffnung" (слоган темы), Trennung, scheitern, tödlich, Raumsonde, Venussonde, Express zur Venus, Mars, Flug zum Mars, Landung auf dem Mars, Marsarbeit, auf zu neuen Planeten, der Mars und die Erde kommen sich so nahe, so nah wie seit 60000 Jahren nicht mehr.

Грозящие человечеству болезни – это по-прежнему атипичная пневмония, грипп, коровье бешенство – Lungenkrankheit SARS, SARS-Erreger, SARS-Infektion, SARS-Fall, Virus, Corona-Virus, Viruserkrankung, Angst, Lungenseuche, Quarantäne, Ausbreitung, Sicherheitvorkehrungen, Gefahr, mysteriös; Grippe, Erkrankungswelle, erwischen, leiden, betreffen, Betroffene, BSE, BSE- Erreger, BSE-Infektion, BSE-Hysterie, Wahnsinn, Rinderseuche, Trierseuchenerreger, verseucht.

К теме "*Памятные даты*" относится 60-летие завершения Сталинградской битвы. Немецкие ветераны сражения по-новому оценивают событие, считая, что главной причиной разгрома немецких войск под Сталинградом является прусское послушание командующего Ф. Паулюса, не воспользовавшегося имевшейся, по их мнению, возможностью не допустить окружения – Stalingrad, vor 60 Jahren, ein befohlener Untergang, Haltebefehl, gehorsam, "Winterfritz" (наши о немцах под Сталинградом), ...für sie (современная молодежь) ist Stalingrad so weit weg wie die Schlacht von Austerlitz. В связи с данной датой в Германии одновременно отмечается 60-летие со дня казни членов антивоенной и антигитлеровской группы "Белая роза" – Geschwister Scholl, Widerstandsgruppe, "Weiße Rose", Hinrichtung, Zuchthaus, München-Stadelheim.

К теме «Памятные даты» могут быть отнесены также публикации о годовщине террористического акта в музыкальном театре "Норд-Ост" в Москве. В прессе критикуется отношение властей к жертвам террора – ein Jahr nach dem Moskauer Geiseldrama, Terror-Überfall, Moskauer Musical-Theater, Nord-Ost bleibt ein wunder Punkt, Moskau zeigt Anschlagsoptionen die kalte Schulter. В течение значительного времени публиковались материалы, посвященные памяти погибших принцессы Дианы и министра иностранных дел Швеции Линд – Lady Diana, Erbe, Patenkinder, Testament (идет тяжба о наследстве), Brunnen, ein modernes Denkmal (о памятнике Диане), Mordfall Lindh, Hauptverdächtiger identifiziert, Lindh-Mörder, mutmaßlich, rechtsextreme Kreise.

2003 год был объявлен, как известно, годом Библии. В связи с этим в прессе можно встретить следующие выражения - "Jahr der Bibel", viele Aktivitäten. В начале нового года обе газеты анонсировали также сбор пожертвований в пользу неимущих – die Aktion Weihnachtshilfe, Hilfsbedürftige, Spendeaufkommen, Not lindern.

На страницах газет встречаются публикации, вновь подвергающие ревизии марксизм на примере бывших левых, хорошо устроив-

шихся в жизни и забывших учение К. Маркса. В высказываниях чувствуется ирония – Hubertus Schmoldt (один из профсоюзных лидеров), in seinen Sturm-und-Drang-Jahren, ...ein Linker, der seinen Marx im Kopf hatte, links und rechts sind doch veraltete Begriffe. Одновременно осуждаются антисемитские высказывания экстремистски настроенных лиц, в частности дело Хоманна (депутат бундестага от фракции ХДС/ХСС). В его выступлениях прозвучали антисемитские фразы. Депутаты бундестага резко критиковали Хоманна и пригрозили исключить его из партии – der Fall Hohmann, Beifall, Skepsis, Grollen, Antrag gegen Hohmann.

Системное описание лексики года на материале прессы страны изучаемого языка может оказаться полезным для дидактических и лексикографических целей. Избранный отрезок времени – календарный год — представляется оптимальным. Он позволяет более оперативно оценить механизм взаимодействия языка и общества.

Библиографический список:

1. Новиков А.Б. Словарь перифраз русского языка. М., 2000.
2. Тихонов А.Н. и др. Словарь-справочник по русскому языку. М., 1996.
3. Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.Н. Засориной. М., 1977.
4. Frankfurter Allgemeine Zeitung für Deutschland, Januar-Dezember, 2003.
5. Hannoversche Allgemeine Zeitung, Januar-Dezember, 2003.
6. Kuntzsch Z. Wörter der Jahre 1996/1997. Omsk, 1998.

ФЕНОМЕН ОМОФОНИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ПРИНЦИПЫ ЕГО ОТРАЖЕНИЯ В ОРФОЭПИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

Р.В. Кузьмина

**Ивановский государственный химико-технологический
университет
Иваново, Россия**

Омофония - распространённое явление, издавна привлекавшее внимание ученых, что находит отражение в современных орфоэпических словарях и многих учебных пособиях, поскольку оно является одним из принципов классификации лексики по сходству формы.

Прежде всего, рассмотрим само понятие омофонии. Д.Э.Розенталь, М.А.Теленкова в «Словаре-справочнике лингвистиче-

ских терминов» дают такое определение: «Омофоны (от греч. homos - одинаковый + phone - голос, звук) - разные слова, одинаково звучащие, но имеющие разное написание. Луг - лук, плод - плот, род - рот, труд - трут, туш - тушь. Омофоны называют также фонетическими омонимами» (3, 243). О.С.Ахманова в своем «Словаре лингвистических терминов» определяет омофоны как «разные слова, совпавшие по звучанию при различии морфонологического состава» (2, 288). В предисловии к LPD (Longman Pronunciation Dictionary by J. Wells, 1 изд., 1990) приводится сходное определение: «Homophones – words distinct in spelling but pronounced identically» (6, xii). Данные определения, которые на первый взгляд кажутся одинаковыми, всё же отличаются друг от друга тем, что в них подчёркиваются разные аспекты омофонии. Мы считаем, что более полное определение омофонии, указывающее и на форму, и на значение, и на происхождение слова, приводится в словаре MED (Macmillan English Dictionary for Advanced Learners): «Homophone - a word that sounds the same as another word but has its own spelling, meaning, and origin» (4, 688).

В качестве причин появления омофонов можно выделить следующие:

- заимствования (слова иноязычного происхождения совпали по звучанию с исконно английскими);
- случайность (слова, принадлежащие к разным лексическим пластам, стали одинаково произноситься);
- морфологические изменения слова (например, forth – fourth, higher - hire);
- совпадение произношения отдельных слов в разных национальных вариантах английского языка (например, eight - RP [eit] и ate – GenAm [eit]).

Как отмечает И.В.Арнольд (1, 169), в диахроническом аспекте обилие омонимов в английском языке обусловлено его характерной особенностью: фонетической идентичностью слова и его основы, т.е. преобладанием так называемых свободных форм среди наиболее частотных корней. Очевидно, что если частотность употребления слов находится в обратно пропорциональной зависимости от их длины, то односложные слова будут наиболее употребительными. Так как данные слова являются многозначными, естественно, развиваются такие значения, которые с течением времени могут значительно отличаться от основного значения слова. Когда общие семантические черты исчезают, некоторые новые значения теряют свою связь с остальными

членами структуры и начинают существовать отдельно. Этот феномен называется дезинтеграцией или разрывом полисемии.

И.В. Арнольд выделяет две причины, вызвавшие явление омонимии:

- 1) появление омонимов в результате конвергентного развития звуковой формы, т.е. когда два или три слова различного происхождения случайно совпали по звучанию. Например:

OE <i>emǣne</i>	} <i>mean</i> [“common”
Lat <i>medianus</i>		“average”
OE <i>mǣnan</i>		“think”

- 2) появление омонимов из полисемии в результате дивергентного семантического развития. Например:

OE <i>cest</i>	} [<i>chest</i> “large box”
		<i>chest</i> “part of human body”

Проведём анализ омофонов по механизму их образования (5, 20-21).

Самую большую группу омофонов составляют слова, в которых один и тот же согласный звук на письме передаётся различными графемами или их сочетаниями. Так, звук /k/ на письме может обозначаться следующим образом: <с, ch, ck, k, q>.¹ Например, в финальной позиции слова противопоставляются графемы:

- <k>-<c>: ark - arc, Frank - franc
- <ck>-<c>: dock – doc, flock – floc, lack - lac
- <ck>-<q>: clack - claque
- <ck>-<ch>: check – Czech
- <k>-<q>: mask – masque, peak / peek - pique
- <c>-<ck>-<q>: sac – sack - saque

Различные способы передачи звука /k/ обнаруживаются и в начале слова. Например, в паре омофонов “choir - quire” противопоставлены <ch> и <q>.

Наиболее распространёнными противопоставлениями в парах омофонов являются также:

- графемы <c>-<s>, служащие для обозначения звука /s/ как в начале, так и в конце слова (например, cell – sell, cider – sider, cede – seed, cellar – seller, Greece - grease);

¹ <...> - В таких скобках здесь и далее обозначены графемы и их сочетания.

- графемы <s>-<z> как различные способы передачи на письме звука /z/ (например, phase – faze, raise – raze, raiser - razor);
- графемы <f>-<ph>, передающие звук /f/ как в начале, так и в середине слова (например, file – phile, faze – phase, fill – Phil, profit – prophet, flocks - phlox).

Менее распространённые различия в передаче на письме согласных звуков включают:

<f>/<ff>-<gh>: draft – draught, coffer – cougher

<g>-<dg>: pigeon – pidgin

<g>-<j>: gym – Jim

<r>-<rh>: rime – rhyme

<sh>-<ch>: shanty – chanty, cash – cache

<sh>-<t>: Marshall – martial

<w>-<o>: won – one

<wh>-<h>: whole – hole, wholly – holy, whore - hoar

Что касается различных способов передачи одних и тех же гласных звуков в омофонах, то здесь можно выделить 5 групп:

- 1) Первая группа омофонов, затрагивающих различия гласных, состоит из очень небольшого количества слов, где графема <e>, стоящая в конце слова, отличает его от другого слова с тем же написанием. Сюда относятся следующие пары: aid – aide, for – fore, grill – grille, we - wee и т.д.
- 2) Количество омофонов, затрагивающих противопоставление графем <i>-<y>, также очень незначительно, даже если включить диграфы. Например, lie – lye, stile – style, raise – rays, gym - Jim и др.
- 3) Невелика и группа омофонов с противопоставлением графем <u>-<w>. Примерами могут служить такие пары: faun – fawn, clause – claws (<au>-<aw>) и foul – fowl (<ou>-<ow>).
- 4) Это относительно большая группа омофонов, включающая как исконно английские слова, так и заимствования, в которых диграф противопоставляется гласной в открытом типе слога с конечной <e>. Обнаруживаются следующие противопоставления:
 - <ai>/<ay>-<a...e>: fain – fane, gait – gate, mail – male, fair – fare, hair – hare, frays - phrase и т.д.
 - <ea>-<a...e>: great – grate
 - <ea>-<e...e>: Jean – gene
 - <ee>-<e...e>: seed – cede, seen – scene
 - <oa>-<o...e>: load – lode, loan – lone
 - <oo>-<o...e>: moor – more

<oo>-<u...e>: loot – lute, shoot – chute

<ew>-<u...e>: mew – muse

5) Наконец, пятый класс омофонов (по механизму образования) составляют слова с различным написанием звука /u:/. Звук /u:/ передаётся на письме такими графемами и их сочетаниями:

<oo>-<o...e>: too – to

<you>-<ew>/<yew>: you – ewe – yew

<oo>-<ou>: coop – coupe, root – route

<oo>-<oe>: shoo – shoe

В данной статье мы рассматриваем омофонию в широком понимании, т.е. учитываем не только лексические омофоны, но и морфологические, грамматические, а также омофоны, существующие в разных произносительных вариантах английского языка. Для того чтобы проверить полноту отражения явления омофонии в лексикографических справочниках, была предпринята попытка анализа принципов регистрации омофонов в современных орфоэпических словарях. Поскольку LPD даёт более чёткое, более подробное описание омофонов (по сравнению с EPD – English Pronouncing Dictionary by D.Jones, 15 изд.), мы выбрали именно его для осуществления нашего исследования. Проведённый методом сплошной выборки анализ показал, что в LPD фиксируются самые употребительные омофоны и отмечаются знаком (=).

Например: bear (=bare), write (=right).

Словарные материалы сопоставлялись со списком омофонов, имеющих в Интернете. Нами было проанализировано 346 пар, троек и четверок омофонов, размещённых на одном из Internet - сайтов (7). Из 346 омофонов (это число мы взяли за 100%) знаком (=) в LPD фиксируются 219 омофонов (~63,29%). Из них:

• морфологических омофонов - 11 (~3,18%). Например:

1) **baize = bays**

2) **balled = bald = bawled**

3) **seas = seize.**

• омофонов с предупредительным знаком (!)² - 7 (~2,02%). Например:

1) **bury (!= berry)**

2) **choir (!= quire)**

3) **indict (!= indite).**

² ! - этот предупреждающий символ, принятый в LPD, указывает на произношение, отличное от того, к которому может привести написание слова.

Как видно из данных примеров, в эту группу входят слова, произношение которых значительно отличается от их написания. Предупредительный знак (!) служит для профилактики ошибок в произношении слов-омофонов.

Проведённое исследование показало, что наибольшую часть составляют лексические омофоны - 201 (~58,09%). Например:

- 1) **bight = bite = byte**
- 2) **hear = here**
- 3) **peak = peek = peke.**

Встречаются 10 случаев (~2,89%), когда в тройках или четверках слов, рассматриваемых нами, на основе списка, в качестве омофонов, LPD отмечает знаком (=) только два из них. Например:

1) **oar = ore; awe, or** не отмечены в LPD знаком (=), т.к., во-первых, американский вариант произношения (GenAm) слова «awe» [:]³ не совпадает в GenAm с произношением слов «oar», «ore» [:r], а, во-вторых, слово «or» - это служебная часть речи, которая обычно редуцируется в потоке речи, словарь же фиксирует слова-омофоны, принадлежащие к знаменательным частям речи.

2) **pore = pour; paw** не регистрируется как омофон, т.к. GenAm слова «paw» [p :] отличается от GenAm слов «pore», «pour» [p :r].

3) **taught = taut; tort** не регистрируется как омофон, т.к. GenAm слова «tort» [t :rt] не совпадает с GenAm слов «taught», «taut» [t :t].

Это закономерно, т.к. LPD отмечает, согласно научному принципу, фонологические особенности двух вариантов, а «список» не принимает во внимание региональные варианты американского и британского английского языка.

В целом, омофонов, не зафиксированных в словаре знаком (=), насчитывается 113 (~32,66%). Как показывает проведённое нами исследование, большая часть морфологических омофонов не отражена в словаре (их - 20 - это составляет ~5,78% от общего числа омофонов).

Например:

- 1) **arms ≠ alms**
- 2) **fort ≠ fought**
- 3) **higher ≠ hire**
- 4) **one ≠ won**

³ Принятые в LPD фонетические символы [:] — для RP и [:] — для GenAm служат обозначением оттенков одной и той же фонемы.

В этих примерах одно слово составляет омофоническую пару с другим не по своей начальной форме, а по форме множественного числа существительного (пример 1), сравнительной степени прилагательного (пример 3), по форме прошедшего времени глагола (примеры 2, 4). Поэтому LPD не регистрирует данные слова как омофоны.

Среди причин, по которым омофоны не регистрируются в современном произносительном словаре, можно выделить следующие:

1. В парах омофонов американский вариант произношения двух слов (GenAm) не совпадает, в то время как их стандартное (принятое) произношение (RP) одинаково. Нами выявлено 14 пар таких омофонов (~4,05%). Например:

1) **flaw** ≠ **floor**, т.к. GenAm слова «flaw» [fl :] отличается от GenAm слова «floor» [fl :r], хотя британское произношение (RP) у них совпадает - [fl :].

2) **maw** ≠ **more**, т.к. GenAm «maw» [m :] ≠ GenAm «more» [m :r].

2. У одного слова в паре омофонов существует только один вариант произношения - RP, а у другого слова, кроме RP, могут быть и другие варианты произношения (или у второго слова, многозначного, в другом значении - соответственно, другое произношение) - таких пар насчитывается 12 (~3,47%).

Например:

1) **mall** /m :l/ ≠ **maul** /m :l/, т.к. слово «mall» произносится как /mæl/ в географических названиях;

2) **some** /s m/ ≠ **sum** /s m/, т.к. местоимение «some» часто реализуется в безударной позиции /s m/, что является нормой;

3) **poof** /pʊf/ ≠ **pouffe** /pʊf/, так как слово «pouffe» многозначное: в значении «гомосексуалист» это слово произносится /pʊf/, а в значениях «причёска», «набивка, набивочный материал» - /pu:f/.

3. В парах омофонов альтернативное британское (BrE) произношение одного слова (которое не рекомендуется использовать в качестве образца для изучения) совпадает с принятым произношением (RP) другого слова - 4 пары (~1,16%). Например:

1) **jewel** ≠ **joule**, т.к. RP слова «jewel» - /'d u: l/, а альтернативное британское произношение - /d u:l/, совпадающее с RP «joule» /d u:l/.

2) **lean** ≠ **lien**, т.к. RP «lean» /li:n/ совпадает с альтернативным британским произношением слова «lien» /li:n/, а вот RP у него несколько отличается - /'li: n/.

4. Одно из слов в паре - иностранного происхождения (франц. или нем.) - 4(~1,16%). Например:

1) **gneiss** /nais/ ≠ **nice** /nais/, т.к. слово «gneiss» германского происхождения (**Ger** «Gneis» /gnais/).

2) **sane** /seɪn/ ≠ **seine** /seɪn/, т.к. слово «seine» французского происхождения (**Fr** /sɛn/).

5. Произношение в GenAm одного слова совпадает с RP другого слова. Нами выявлено 2 пары таких омофонов (~ 0,58%). Например:

1) **eight** – RP /eɪt/ и **ate** – GenAm /eɪt/ ;

2) **vile** – RP /vaɪ l/ и **vial** – GenAm /vaɪ l/.

6. Не отмечены в словаре знаком (=) две пары (~0,58%), так как пару составляют не два разных слова, а одно и то же слово с двумя разными написаниями (**galipot** и **gallipot**, **galop** и **gallop**).

Значительную часть составляют омофоны, у которых совпадают и стандартное британское произношение (RP), и американское произношение (GenAm), но которые (почему - то?!) не регистрируются в словаре как омофоны. Таких омофонов 55 (~15,9%). Например:

1) **flair** ≠ **flare** /fle / - эти слова не отмечены в LPD знаком (=), хотя и RP /fle /, и GenAm /fle r/ у них совпадают. Возможно, причиной является принадлежность слов к разным частям речи.

2) **hoarse** ≠ **horse** / h :s/ - у этих слов и произношение RP /h :s/ совпадает, и произношение GenAm /h :rs/ одинаково, но слова принадлежат к разным частям речи.

И, наконец, из 346 омофонов, список которых имеется в Интернете (7), 4 пары (~1,16%) вызывают сомнения в том, стоит ли считать их омофонами. Например: **foreword** /'f :wɜ:d/ ≠ **forward** /'f :w d/. Несмотря на различие в произношении безударного слога, в Интернете слова зарегистрированы как омофоны.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Большую часть слов из Интернет-списка составляют омофоны, регистрируемые в словаре знаком (=) (~63,29%).
2. Меньшую (но не малую!) долю составляют омофоны, не отмеченные в LPD знаком (=) (~32,66%).
3. Морфологические омофоны можно условно разделить на 2 группы: регистрируемые в словаре и нерегистрируемые. Нере-

гистрируемых морфологических омофонов больше (20 - ~5,78%), чем регистрируемых (11- 3,18%).

Проведённый анализ позволяет заключить, что LPD Дж. Уэльса (1990) фиксирует далеко не все, а только самые употребительные омофоны. Причиной является то, что омофония, на наш взгляд, будучи своеобразной лингвистической категорией, одним из возможных способов классификации лексики по сходству формы, в настоящее время ещё мало изучена. Узуальное употребление омофонов намного шире, чем это представлено в словаре. К сожалению, на сегодняшний день фонетисты и лексикографы не располагают достоверными и систематизированными данными о современном узуальном произношении в различных социолектах. Кроме того, в LPD не прослеживается и единой, четкой системы регистрации омофонов. Это хорошо видно на примере морфологических омофонов, из которых 11 пар слов зарегистрированы в словаре как омофоны, а в 20 парах морфологических омофонов слова не отмечены знаком (=). Еще одним примером недостаточно последовательной регистрации феномена омофонии является тот факт, что слова, имеющие одинаковое произношение, но принадлежащие к разным частям речи, в одних случаях регистрируются в словаре как омофоны, в других случаях - не регистрируются. Подобный подход к регистрации грамматически тождественных и грамматически нетождественных омофонов указывает на недостаточную четкость в определении явления омофонии в целом.

Полученные в ходе исследования данные позволяют сделать вывод о необходимости дальнейшего, более глубокого изучения фонетистами и лексикографами явления омофонии и более полного отражения его в современных орфоэпических словарях.

Библиографический список:

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М., 1973.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
3. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь - справочник лингвистических терминов. М., 1976.
4. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. London, 2002.
5. Venezhy. The American Way of Spelling. The Structure and Origins of American English Orthography. N.Y.- L., 1999.
6. Wells J. Longman Pronunciation Dictionary. Harlow, 1990.
7. <http://www.wsu.edu:8080/~brian/errors.htm>.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ДАЛЁКОМ И БЛИЗКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В НАИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА НЕМЕЦКОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО СООБЩЕСТВА

Е.А. Кузьмина

Тамбовский государственный университет им. Г.Р.Державина
Тамбов, Россия

Пространство, наряду со временем, является важнейшим атрибутом материи, одним из определяющих параметров существования окружающей нас действительности. Категории пространства и времени играют важнейшую роль в формировании языковой картины мира человека. Пространство представляет сложное явление, включающее в себя глобальные фрагменты реальной действительности (характеризующиеся протяжённостью и структурностью) в их взаимосвязи. В рамках пространства осуществляется жизнедеятельность субъекта. Восприятие пространства, как и восприятие времени, эгоцентрично. Субъект, находясь в "точке присутствия" (1, 689) с координатами "Я", "ЗДЕСЬ" и "СЕЙЧАС", формирует такие основополагающие понятия, как "верх - низ", "слева - справа", "впереди - позади", в том числе он членит пространство на далёкое и близкое относительно своего местоположения.

Известно, что паремии являются особыми "антропокультурными образованиями" с целостной содержательно-смысловой, экспрессивно-образной структурой. Они формируются под воздействием культурных, социальных, психологических и прагматических факторов в рамках существующей языковой картины мира. Паремиологические единицы отражают стереотипы, установки, оценки, которые возникли в ходе практической деятельности представителей данного социума. Иными словами, паремии воплощают стойкое представление этноса об определённом концепте. Следует подчеркнуть, что лексемы, вербализующие пространственные концепты, используются в паремиях не только в прямом, но и в метафорическом смысле, что способствует приобретению лексемой особого положительного или отрицательного коннотативного значения.

Концепт "близкое пространство" репрезентируется в немецких паремиях в первую очередь лексическими единицами *nahe* и *Nähe*. Важно отметить, что указанные лексемы реализуют в паремиях не только значения, касающиеся пространственных, но и временных отношений, что ещё раз подтверждает тезис о неразрывной связи категорий времени и пространства. Близость в пространстве ассоциирует-

ся в сознании индивида с понятиями "знакомый", "известный", "привычный". Ср.: *Die nahen Heiligen tun keine Wunder* (2, 414). (Близкие / = знакомые, привычные/ святые не совершают чудес). Паремия, возникшая на основе библейской притчи об Иисусе Христе, который в своём родном селении не смог излечить ни одного больного, содержит утверждение, что всё близкое (в пространственном отношении) является привычным, известным и воспринимается лишь под одним, строго определённым углом зрения. Вероятно, именно привычность, знание не только положительных, но и отрицательных сторон находящихся в непосредственной близости объектов объясняют выраженную в паремиях негативную оценку данного аспекта пространства. В первую очередь это касается объектов, имеющих отношение к деятельности церковной (чаще католической) администрации: *Papst* (Папа Римский), *Rom* (в значении "местоположения верховных лиц католицизма"), *Kloster* (монастырь). Ср.: *Je näher dem Kloster, je weiter von Gott* (2, 414). (Чем ближе к монастырю, тем дальше от Бога).

Близость (в значении неразрывной связи) в пространстве и во времени приписывается в немецких паремиях таким явлениям, как добро и зло (в широком понимании). Данные аспекты действительности вербализуются лексическими единицами *Gott - Teufel* (Бог - чёрт), *Glück - Unglück* (счастье - несчастье), *Honig - Stachel* (мёд - жало), *Kirche - Krug* (церковь - трактир) и т.д. Ср.: *Der Honig ist nicht weit vom Stachel* (2, 661). (Мёд находится недалеко от жала).

Концепт "далёкое пространство" в паремиях репрезентируется, прежде всего, лексическими единицами *fern /Ferne, weit /Weite*. Основным признаком данного концепта в немецких паремиях является неизвестность, которая предполагает отсутствие правдивой информации о далёком пространстве у большинства представителей данного лингвокультурного сообщества, проживающего на ограниченной территории. Неизвестность и невозможность проверки данных приводит к недоверию, что объясняет корреляцию указанного концепта с понятием "ложь". Ср.: *Aus der Weite ist gut lügen* (2, 667). (Издалека удобно лгать). Следует отметить, что паремии содержат также стереотипные утверждения, касающиеся взаимосвязи удалённости пространства и человеческих чувств (*Liebe, Freundschaft*). Ср.: *Die Liebe aus der Ferne bleibt am längsten warm* (2, 155). (Дольше всего любовь сохраняется вдали друг от друга).

Таким образом, можно утверждать, что близкое пространство ассоциируется у немцев с известностью и привычностью, а далёкое - с неизвестностью и ложью, что не исключает также его позитивного восприятия.

Библиографический список:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998.
2. Beyer A. und H. Sprichwörterlexikon. Leipzig, 1984

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ "ОБРЯД", "ОБЫЧАЙ", "РИТУАЛ" В СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

О.Г. Ласская

Тамбовский государственный университет им. Державина

Тамбов, Россия

lasskaya@rambler.ru, oxanya@list.ru

Расширение межнациональных контактов, повышение интереса к языкам и культуре других народов – характерная черта сегодняшней действительности. В этой связи особенно значимым является изучение и описание коммуникативного поведения представителей различных лингвокультурных сообществ, к которому относятся и ритуальные действия.

Каждая культура обладает определенным набором признаков, по которым можно судить о ее прошлом, настоящем и будущем, определять специфику развития общества, выявлять преобладающие ценности. Зародившиеся в глубине веков ритуалы, обряды, обычаи представляют собой закрепленную традицией последовательность символически значимых действий. Среди них особое место занимает ритуал как наиболее сложное и глубокое явление, характеризующееся множеством особенностей и практически незаменимое при свершении тех или иных событий в жизни человека.

Ритуал отражает определенные социально-культурные взаимоотношения и ценности. В древних религиях он служил главным способом выражения культовых отношений. В истории общества ритуал играет роль традиционно выработанного метода социального воспитания. В современном обществе он сохраняется, главным образом, в области церемониальных форм официального поведения и бытовых отношений.

Согласно Ожегову, ритуал может быть представлен как общение особого типа и репрезентирован как порядок обрядовых действий и

как установленный порядок действий при совершении церковного таинства (церковные ритуалы: ритуал венчания, крещения, соборования (5, 612)

В словаре русских синонимов **Н. Абрамова** ритуал стоит в одном ряду с такими понятиями, как обряд, обычай. *Обряд* – это совокупность символических стереотипных коллективных действий, воплощающих в себе те или иные социальные идеи, представления, ценности и нормы и вызывающие определенные коллективные чувства. Это формальная, условная оболочка действия. Здесь очень велико соблюдение внешнего. В случае формализации (когда стоящая за ритуальным действием ситуация не переживается) ритуал теряет свою сущность, перестает существовать как таковой (1, 518)

Обычай – это воспринятая из прошлого форма социальной регуляции деятельности и отношений людей, которая воспроизводится в определенном обществе или социальной группе и является привычной для его членов. Обычай состоит в неуклонном соблюдении воспринятых из прошлого предписаний. В роли обычая могут выступать различные обряды, праздники. (1, 523) Ритуал, в свою очередь, подтверждает и санкционирует обычаи. В паре ритуал – обычай контрольные функции первого члена по отношению ко второму несомненны. Следует отметить, что каждый из них ориентирован на определенный уровень жизни человека и коллектива (2, 25).

В. И. Карасик считает, что терминологически трудно противопоставить ритуал и обряд, однако если принимать в качестве инвариантной основы этих понятий установленный традицией порядок действий, то ритуальность можно было бы трактовать как символическое осмысление и переживание специальных процедур, подтверждающих идентичность членов соответствующего сообщества, а обрядовость – как внешнюю условную форму ритуального действия (3, 397)

Показательно, что когда речь заходит о ритуале и других формах поведения, обычай считается естественным его коррелятом, т. е. каноном повседневной жизни. Создается впечатление, что эти формы покрывают всю сферу регламентированных форм поведения. Между тем, по мнению Г.А. Левинтона, ритуал и обычай — крайние точки на шкале символических форм поведения. Если под ритуализацией понимать не принадлежность к области сакрального, а такие характеристики поведения, как стереотипность, регламентированность, обязательность (с соответствующей градацией “неблагополучия” в случае их невыполнения), то высшей степенью ритуализации будут от-

мечены обряды, от выполнения которых зависит жизнь и благополучие коллектива, а низшей — обычаи, регламентирующие повседневную жизнь (отступления от них могут сказаться на нарушителе, но, как правило, не затрагивают благополучия всего коллектива). Между ритуалом и обычаем располагаются переходные формы поведения, различающиеся степенью ритуализации (4, 53).

Ритуальные действия позволяют проследить наиболее полную картину эволюции определенного этноса и системы его нравственных отношений, отражая и фиксируя в языковом сознании самые значимые события человеческой жизни и всегда символизирующие новый этап развития индивидуума. Ритуальное общение является необычным, происходящим в особо ответственные моменты жизни человека и сопровождающееся сильным эмоциональным напряжением. Примечательно, что в обыденном общении ритуал существовать не может. Ритуал высвечивает ту сторону вещей, действий, явлений, которые в обыденной жизни затемнены, но на самом деле определяют их истинную суть и назначение. Именно в ритуале находят свою реализацию духовные устремления человека, реализуются его внутренняя сущность, мысли и способность к творчеству.

Ритуал - всегда событие в жизни коллектива, характеризующее переход человека из одного состояния в другое. Для его понимания важно положение, что он не подтверждает и не утверждает уже свершившегося акта, а конструирует, создает его, и в конечном итоге им и является.

Ритуальные действия играют важную роль в рамках межкультурной коммуникации, так как способствуют лучшему пониманию особенностей данной этнокультуры и позволяют осветить нормы общества, которые и определяют социально-культурную идентичность этноса в целом. В зависимости от происхождения и «возраста» ритуалов, они выступают в качестве лингвокультурных ориентиров, без функционирования которых невозможна была бы межкультурная коммуникация.

Библиографический список:

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М., 1994.
2. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов, Санкт-Петербург, 1993

3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002
4. Левинтон Г. А. Ритуалы и ритуализованные формы поведения// Рациональность и семиотика поведения. Киев, 1988
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка, М., 1995.

ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОИЗНЕСЕНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ СЛОВАРЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В.А. Лобанов

**Ивановская государственная медицинская академия
Иваново, Россия**

К проблемам изучения иноязычной лексики и языкового заимствования неоднократно обращались как отечественные, так и зарубежные лингвисты (2 и др.), и всё же некоторые теоретические вопросы заимствования и освоения (ассимиляции) иноязычной лексики нельзя считать достаточно разработанными. Например, до сих пор нет общепринятой теории заимствования, которая бы основывалась на едином представлении о лингвистической природе этого явления (4). Чисто лингвистические аспекты, связанные с этой областью, во многих работах рассматриваются в совокупности с проблемами культурных и социально-экономических контактов стран и народов, в связи с вопросами “чистоты” словаря (1)

Наиболее широкого взгляда на заимствование придерживается Э.Хауген, объясняющий это явление как “попытку говорящего воспроизвести в одном языке навыки, усвоенные им в качестве носителя другого языка” (3). У.Вайнрайх рассматривает заимствование как начальную форму интерференции языков в условиях билингвизма (5). Некоторые авторы справедливо отмечают, что процесс заимствования – сложное творческое явление, в результате которого происходит всестороннее приспособление иноязычного слова к системе языка-акцептора.

В период вхождения иностранного слова в чужой для него язык, изменению подвергается, прежде всего, его форма. Причиной изменения является частичное или полное несовпадение фонологических систем двух контактирующих языков. Проявление изменения звуковой формы мы наблюдаем в замене звуков и перемещении акцента. В результате чего, слово приобретает какую-то одну фиксированную

форму произношения. Хотя, иногда две и более форм одного и того же слова существуют, как бы конкурируя друг с другом. Например, слово *garage* имеет 3 варианта произношения в английском языке: / ær : / / rId / / r : /.

Благодаря стечению определенных исторических обстоятельств, французский язык дал огромное количество заимствований в английскую лексику. Влияние французского языка началось ещё до Нормандского завоевания: в конце X века между Англией и Францией существовали тесные торговые и культурные связи, что обусловило проникновение ряда французских слов в английский словарь (*purse, trail, mantle, pride, false*). В современном английском языке поздние французские заимствования представляют собой особый пласт лексики. В силу своей неассимилированности эти заимствования не до конца соответствуют фонетическим и орфографическим стандартам английского языка, а потому эта лексика заслуживает особого внимания со стороны изучающих английский язык. Целью настоящей работы явилось исследование особенностей произношения гласных в английских словах, заимствованных из французского языка.

Важной чертой французской фонетической системы является наличие носовых гласных, отсутствующих в английском вокализме, поэтому во французских заимствованиях их стали заменять звуками, которые по своей природе близки носовым французского языка, а именно соответствующий неносовой гласный + заднеязычный сонант / /.

Например: *debutant* / deb u(:)t : / *rapprochement*
/ /
-*distingué* / / *impasse* / : /

Перечисленные выше французские заимствования произношением тяготеют к своим оригиналам, однако очень многие французские заимствования с носовыми гласными уже подверглись ассимиляции и приобрели черты английской фонетической системы, сохраняя при этом своеобразное написание:

flambeau / fl mb / *aplomb* / /

При этом длинные гласные / :/ и / :/ заменяются короткими / / / /, а вместо заднеязычного носового / / произносится губно-губной /m/

Гласная *é*, передающая во французском языке закрытый /e/, а также буква *ê* и буквосочетание *et*, передающие открытый гласный [], заменяются в языке-акцепторе дифтонгом /e /:

– borné / bɔʁne /

- protégé / pʁote / tête-à-tête I /'te()t te()t/

Надо отметить, что буква **é** произносится во французских заимствованиях как /eI/ только, когда она находится в конце слова. В других позициях произносится как нейтральный / / - négligé /'ne l e /

Французские буквосочетания **au**, **eau**, а также **os**, **ot** (на конце слова) произносимые закрытым гласным [o], в английском языке заменяются дифтонгом / /

chauffeur I / f , f :/ а propos / pʁɔpɔz /

argot /' :g / bon mot / bɔn mot / b

bandeau / bɑdo / .

Гласная **a**, стоящая в безударном положении во французском языке произносится гласным звуком переднего ряда [a]. В английском языке эта буква стала произносится широким [] .

ragout / rɑɡu : , rɑɡu : / ratine /r ti: /

barrage / bɑʁɑʒ : /

Если буква **a** во французском слове находится под ударением, то в английском языке она стала произноситься как долгое [:] .

Буква **u**, передающая отсутствующий в английском языке звук /y/, произносится как долгий /u:/ или /ju:/

- ecru / ()kr : / debut / de b(j)u:/

- nuance / nu: : / .

Буквосочетание **uy** произносится в заимствованных французских словах как /wi:/, что обусловлено отсутствием огубленного гласного переднего ряда /y/

- tuyere / twi:je / .

Сочетание букв **ou**, произносимое во французском языке как /u/, во французских заимствованиях звучит как /u:/

- boulevard / bu:l()v :(d)/ double entendre / du:bl : t : dr/

- arc-boutant / : (:) / .

Однако следует отметить, что в некоторых словах, подвергшихся процессу ассимиляции в большей степени, данное буквосочетание произносится как нейтральное / /, например:

- moustache / st : /

Таким образом, исследование произносительных особенностей поздних французских заимствований убедительно показывает, что ассимиляция данного слоя лексики продолжается, в результате чего французские слова приобретают в английском языке особое звучание, в той или иной мере имитирующей оригинальное произношение.

Библиографический список:

1. Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков. 1972.
2. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М., 1968.
3. Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1972, вып. 4.
4. Черняков В.В. Современные американские заимствования в британском варианте английского языка (семантико-прагматический аспект). Автореф. дис. ...канд.филол.наук. С.-Петербург, 1993.
5. Weinreich U. Languages in Contact. Findings and Problems. New York, 1953.

СОЦИАЛЬНО-ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ И ПРОБЛЕМА ЕЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ

И.В. Лобанова

**Ивановский государственный химико-технологический университет
Иваново, Россия**

Вследствие общественно-политической ситуации, сложившейся в период после II Мировой войны, Германия была разделена на два самостоятельных государства. Поэтому закономерно, что литературный немецкий язык с точки зрения системы и характера установления языковой нормы в послевоенный период обнаруживал тенденцию к дивергенции и образованию определенных различительных черт. Конечно, данная проблема не могла не оказаться в поле зрения исследователей языка. Так, например, известный германист А. Бах писал о неизбежности языковой дифференциации: «Там, где группы людей, говорящих на одном языке, разъединены, речь обособившихся объединений приобретает, в конце концов, свои характерные черты» (1, 93). Эту мысль продолжил Ф. Вайскопф, высказав мнение, что причины этих языковых изменений имеют общественно-социальную природу, они кроются в различном экономическом, социальном и политическом развитии (10). Однако все попытки исследовать язык во взаимоотношениях с социальной сферой его использования еще долго не приводили к развитию систематической теории социально-языковых отношений и к разработке надежных эмпирических методов для проверки выдвигаемых теоретических положений.

Все же это положение в языкознании Германии стало меняться, когда стала особенно заметной потребность преодолеть узкие рамки лингвистического подхода к владению языком, сложившиеся в предшествующее время, и описать язык более адекватным образом. Доминанта научных изысканий постепенно смещалась в сторону антропоцентризма. Таким образом была заложена основа для дальнейших инноваций в области языкознания. Несомненно, новая политическая ситуация, сложившаяся в Германии в конце XX века, ускорила этот процесс.

Современные условия существования объединенной Германии требуют переосмысления и разработки новых кодификационных требований к норме немецкого языка вообще и к орфоэпии в частности. Перед лингвистами встала задача объединить научные концепции в лексикографической практике ученых ГДР и ФРГ и создать принципиально новый проект, основанный на знаниях современного произносительного узуса с учетом ситуативных и коммуникативных факторов.

Следует отметить, что единственным в настоящее время авторитетным источником, отражающим современное немецкое произношение, является 4-е издание орфоэпического словаря серии «Дуден» (*“Das Aussprachewörterbuch”*, 2000).

Общеизвестно, что заимствование лексики одного языка другим является закономерным следствием языковых контактов, имеющих в истории развития и существования любого языка. Если в прошлом обогащение словарного состава немецкого языка происходило за счет заимствований из латинского, а позднее – французского языков, то уже в XIX в. источником словарных пополнений стал английский язык, который в настоящее время оказывает наибольшее влияние на немецкий язык. О масштабности говорит даже тот факт, что при анализе указанного словаря из 130.000 слов методом сплошной выборки, мы насчитали около 45.000 (35%) иностранных слов, из них 15.000 английских слов, что составляет 11,5 % всего словника.

Причины даного феномена очевидны – послевоенная гегемония США. Безусловно, значительная часть англоамериканизмов была известна в немецком языке еще в конце XIX века (*Cut, fair, Handicap, Jobber, Standard, Training* и др.), однако после 1945 г. их использование было поддержано как присутствием американских и английских войск в стране, так и ориентацией экономической, экономической, политической и культурной жизни на американские образцы и отно-

шения в рамках соответствующих западных союзов и организаций. Как отмечает Г. Друбе, «лавина американских заимствований» особенно заметно отразилась на составе систем так называемых подъязыков, т.е. различных профессионально-технических языков (8).

Наряду с широким проникновением англоамериканизмов в системы функциональных подъязыков науки и техники, а также ряда других областей, заметно их распространение в языке прессы и в публицистике, а также в сфере так называемой обиходной немецкой речи (*Umgangssprache*), в силу чего создается впечатление, что целые группы немецких слов и оборотов оказались оттесненными на задний план.

Безусловно, распространение англоамериканизмов в настоящее время не следует сравнивать с процессами влияний и заимствований, имевшими место в прошлом. Условия коммуникации в современном обществе, развитие средств массовой информации (радио, телевидение, видеофильмы, компьютеризация) приводят к процессам заметной интернационализации жизни национальных обществ и государств. При этом следует напомнить, что в языковом отношении одним из источников такого массового влияния и стали США и английский язык страны, тем более, как полагают некоторые лингвисты (И.В. Арнольд, Г.Д. Томахин, А.Д. Швейцер и др.), в послевоенное время американский стандарт английского языка заметно укрепился и рассматривается в настоящее время как равноправный вариант английского языка. Так, В.Н. Ярцева писала: «Прошло то время, когда американский вариант английского языка считался испорченным английским...» (3, 250).

В современном немецком языке под влиянием англоамериканского аналога иногда происходит вытеснение ранее освоенных орфографических и произносительных форм слов, заимствованных в свое время из латинского или французского языков, на англоамериканские соответствия, например: *Appartement* (ныне - *Apartment*), *Publizität* (*Publicity*), *Revue* (*Show*), *Tendenz* (*Trend*), *Hausse* (*Boom*) и др. В этом отношении, заключает известный германист П. Поленц, английский язык превосходит в настоящее время по своему влиянию как латынь и греческий, так и французский языки и оказывает влияние на другие языки мира (9).

Многие языковеды выступают против «натиска» англоамериканских языковых проникновений в немецкий язык. Так, Г. Бахляйтнер в своей статье «Языковой патриотизм: о семантике и прагматике

новых иностранных слов», признавая определенную неизбежность заимствования многих названий вместе с понятиями или предметами, выступает с резкой критикой против бездумного снобизма, «самоукрашательства чужими индейскими перьями», подчеркивая, что есть много причин, оправдывающих использование англоамериканизмов, однако необходимо делать различия между деловой целесообразностью и «досадным угодничеством» (4, 19). В качестве примера автор приводит названия фильмов немецких режиссеров: “*Catch Your Dreams*” (вместо “*Fang deine Träume*”), “*War Lab*” (вместо “*Kriegslabor*”), “*Killing Cars*” (вместо “*Tödliche Wagen*”) и др. или названия, применяемые по рекламным соображениям, но не соответствующие прагматическим целям: “*fun and fashion*” (вместо “*sportlich-salopp*”), “*Job and Joy*” (вместо “*Allzweckkleidung*”). Выступая против подобной практики «культурного обмена», Г. Бахляйтнер подчеркивает, что международный обмен представляет собой обмен между нациями, а не духовную самоликвидацию одной во имя другой. Каждый язык предлагает свой взгляд на внешний мир, и свести все богатство к одному языку означало бы «жалкое обнищание» (4).

Подобной точки зрения придерживается Ф. Вайскопф. Он говорит о «засорении» немецкого языка модными словами англоамериканского происхождения (*party, stories, job, playboy, smart sleeping pills* и др.). Обращают на себя внимание процессы калькирования слов и словосочетаний, а также смысловые заимствования: вместо того, чтобы писать *öffentliche Meinung* (общественное мнение) употребляют словосочетание *öffentlicher Geist*, представляющее собой точную кальку с английского *public mind* (10).

Несомненно, при всем критицизме в отношении процессов «закономерности» иноязычных поступлений в немецкий язык, ученые пытаются осмыслить их и оценить их значение для развития словарного состава немецкого языка. Было, в частности, установлено, что новоупотребления в различных текстах, газетных сообщениях и публицистике, в выступлениях журналистов, ученых, деятелей культуры и политики не являются нейтральными. Знание и использование этой лексики предполагает наличие у говорящего достаточного образования, что, очевидно, побудило специалистов назвать этот функционально-стилистический слой слов интеллектуальной лексикой (*Afront – herausfordernde Beleidung, eruiieren – erforschen*) (7).

Таким образом, говоря о взаимоотношениях немецкого литературного языка и иноязычной лексики, вслед за А.И. Домашневым мы можем заключить, что определенная часть англоамериканизмов, со-

ставляющих в настоящее время основную группу иноязычных словарных поступлений в немецкий язык, должна быть отнесена к лексике, заимствованной и усвоенной системой литературного языка. Овладение ею происходит в меру овладения общей нормой современного немецкого литературного языка в целом, что зависит от социальных условий обучения и образования населения (2).

Возвращаясь к указанному нами лексикографическому источнику (*Duden Das Aussprachewörterbuch 2000*), хотелось бы подчеркнуть, что для фонетического описания иноязычной лексики авторы включили в словарный состав почти полностью лексику 6-го издания словаря иностранных слов той же серии Дуден (*Duden Fremdwörterbuch 1997*), а также использовали различные справочники, специальные, произносительные, двуязычные словари, материалы радио- и телепередач. Представленные в данном авторитетном словаре правила произношения иностранных заимствований рассматриваются как языковой стандарт, т.е. норма.

В связи с этим уместно привести мнение П. Поленца, призывающего к использованию только той лексики, которая зафиксирована фундаментальными словарями. Сплошная фиксация англоамериканизмов является нарушением элементарных лексикографических принципов отбора слов, считает он. Путем такого описания можно отразить не процесс и состояние заимствований слов, т.е. их вхождения в систему и норму языка, а лишь «помехи» (интерференции), возникающие при билингвизме (9).

Полагаем, что нельзя целиком согласиться с данным высказыванием, поскольку, как известно, словари зачастую охватывают новый вокабуляр с промедлениями, а, следовательно, факт невключения того или иного слова еще ничего не говорит о его актуальном статусе. К тому же не следует недооценивать значение так называемых окказиональных употреблений иноязычных слов, так как, пожалуй, в этом состоит один из основных путей их проинкиновения и утверждения в системе языка.

Как и другие языки, немецкий язык находится в постоянном движении, вбирая в себя все новое, модное, не всегда отвечающее литературным нормам. Об этом много спорят, прилагаются усилия поддержать правильное словоупотребление и образцовый стиль. В этой связи возрастает роль лексикографических источников, которые призваны отражать не все многообразие речевых реализаций, а лишь те из них, которые должны быть приняты и одобрены носителями языка в качестве «комфортных» и предпочтительных.

Библиографический список:

1. Бах А. Немецкая диалектология // Немецкая диалектография. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955.
2. Домашнев А.И. Языковые отношения в Федеративной Республике Германия. Л., 1989.
3. Ярцева В.Н. Развитие национального литературного английского языка. М., 1969.
4. Bachleitner G. Sprachpatriotismus: Zur Semantik und Pragmatik neuer Fremdwörter // Die politische Meinung. Juli/August, 1987.
5. Duden Das Aussprachewörterbuch: Dudenverlag, Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 2000.
6. Duden. Das große Fremdwörterbuch, Mannheim, 1997.
7. Duden. Deutsches Universalwörterbuch: Bibliographisches Institut Mannheim. Mannheim, 1983.
8. Drube H. Zum deutschen Wortschatz: Historische und Kritische Betrachtungen. München, 1968.
9. Polenz P. Deutsch in der Bundesrepublik Deutschland // Tendenzen, Formen und Strukturen der deutschen Standardsprache nach 1945. Marburg, 1983.
10. Weiskopf F. "Ostdeutsch" und "Westdeutsch" oder über die Gefahr der Sprachentfremdung. Halle (Saale): VEB Verl/ Sprache und Lit., 1962.

ГРУППОВОЕ ДИАЛОГИЗИРОВАНИЕ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ ОБЩЕНИЯ

А. А. Луговая

Шуйский государственный педагогический университет

Шуя, Россия

В отечественной методике обучения иностранным языкам проблема полилогической формы общения, проблема обучения коллективному речевому взаимодействию остается малоизученной, несмотря на то, что некоторые психологи и методисты предпринимают попытки доказать преимущества коллективной учебной деятельности, базирующейся на сотрудничестве и партнерстве не только обучаемых, но и обучающего и обучаемых.

Знакомство с теоретическими и практическими работами, посвященными обучению полилогу, позволило нам осмыслить его особым образом.

Психолингвисты определяют коллективную учебную деятельность как «систему сотруднических перцептивно-речевых взаимодействий коллективного субъекта, протекающих в ситуации взаимоотношений коллективной деятельности по поводу совместного овладения опытом иноязычного общения и направленную на получение заранее запланированных изменений в индивидуальном, субъектном и личностном развитии учащихся» (6).

Компонентами данной системы являются:

- языковая среда, в которой протекает коллективная учебная деятельность;
- коллективный субъект, состоящий из партнеров общения;
- сотруднические перцептивно-речевые взаимодействия, направленные на овладение иноязычным общением.

Обучаемый, как субъект учебной деятельности и общения попадает в такую языковую среду, которая характеризуется, с одной стороны, объектами материальной и духовной культуры, на овладение которыми нацелен обучаемый, и, с другой стороны, – теми субъектами, вместе с которыми он осуществляет этот процесс (обучающий и другие обучаемые).

Достижение цели коллективной учебной деятельности решается в учебных и речевых задачах репродуктивного и творческого характера. Предполагается, что обучаемый должен выполнить предназначенную ему в коллективной деятельности функцию, действуя со своей личной позиции и предъявляя к себе и партнерам требования, отражающие образцовое ролевое поведение по овладению иноязычным общением. Такой подход вызывает у обучаемых потребность включиться в групповое общение и стать его активным членом.

Ученые-методисты рассматривают полилог как эффективную учебную форму организации коллективного общения на иностранном языке. Полилог, групповое диалогизирование, свободная беседа определяется как, «ключительный этап работы по формированию навыков и умений вести диалог в социокультурной сфере общения» (9).

Методические задачи, которые необходимо решать при обучении данному виду речевой деятельности, должны включать:

- ознакомление обучаемых с характерными особенностями диалогизирования;

- выполнение серии упражнений, направленных на формирование умений и навыков ведения полилога;
- организацию практики (в увязке с изучаемыми разделами учебника).

Формирование умений и навыков ведения полилога подразумевает пошаговое выполнение коммуникативных упражнений, которые мы разделили на:

- имитирующие реальное речевое общение (реплики по аналогии и т. д.);
- «симулирующие» общение в ситуациях естественной коммуникации («перевоплощение» обучаемого в действующее лицо);
- аутентичные (высказывание от «собственного лица»).

Рассмотрим подробнее данный комплекс упражнений. Упражнения первого вида имеют, как правило, репродуктивный характер и направлены на формирование у обучаемых таких приемов работы, которые обеспечивают общий механизм функционирования группового диалогизирования. На наш взгляд, это должны быть различные *репликовые* и *ситуативные упражнения*, направленные на освоение клишированных фраз, выражений и формул, обеспечивающих связность группового речевого взаимодействия и формирующих стратегию и тактику стереотипного речевого поведения при осуществлении полилога (умение сообщить информацию; вступить в разговор; высказать собственное мнение; выразить согласие / несогласие, удивление / восхищение, уверенность / неуверенность, совет / обещание; задать вопрос уточняющего характера; привести пример, аргумент, контраргумент; выразить эмоциональную реакцию; обобщить суждения; высказать резюме и т. д.).

При проведении репликового упражнения обучаемым следует реагировать лишь одним высказыванием, при этом «коллекционируя» все возможные, обеспечивающие именно этот характер речевого взаимодействия. Например:

Drücken Sie Ihre Zustimmung aus. Gebrauchen Sie entsprechende sprachliche Formeln. Argumentieren Sie Ihre Gedanken.

Ein guter Lehrer gesteht seine Fehler.

У₁: Ja, das stimmt./ist richtig.

У₂: Natürlich. Die Schüler achten einen solchen Lehrer.

У₃: Ich möchte dem zustimmen. Man erkennt daran, dass alle Lehrer auch nur Menschen sind und auch mal Fehler machen.

Y₄: Das ist auch meine Meinung/mein Standpunkt. Aber manche nur gestehen ihre Fehler.

Y₅: Das ist ganz klar, unsere Klassenleiterin macht immer so.

Y₆: Ich bin überzeugt davon, das der Lehrer gerecht sein muss.

Y₇: Das finde ich überhaupt nicht schlimm, wenn der Lehrer die Wahrheit sagt.

Y₈: Das sehe ich ja ein. Der Lehrer spielt eine grosse Rolle im Schulleben und ist ein Vorbild für die Kinder.

Y₉: Ich hätte nichts dagegen.

Y₁₀: Ich würde mich freuen, wenn alle Schullehrer so wären.

Y₁₁: Ich wäre damit einverstanden.

Ситуационные упражнения должны быть направлены на обучение реализации различных реплик-реакций как на исходное высказывание, так и на последующие реплики собеседников. Здесь возрастают требования к формулированию экспозиции, т. е. описанию речевой ситуации. Если такая ситуация не является стимулом к общению, значит, это – псевдоситуация. Речевая ситуация рассматривается методистами как «система статусно-ролевых, социальных, деятельностных и нравственных взаимоотношений субъектов общения, отраженная в их сознании и возникающая на основе взаимодействия ситуативных позиций общающихся» (8).

Приведем пример данного упражнения.

Reagieren Sie anhand der Anweisungen an folgende Sprachsituation. Das Sprachbenehmen ist möglichst verschiedenartig.

Fremdsprachen (FS) lernen und kennen – ist es wichtig?

a. Eigene Meinung äußern

Y₁: Ich bin der Auffassung, dass die FS sehr wichtig für die zukünftige Arbeit sind.

b. Allgemeine Meinung wiedergeben

Y₂: Es herrscht die Meinung vor, dass die FS bei der Kommunikation mit den Ausländern helfen.

c. Beispiele/Erläuterungen geben

Y₃: Ich kenne zum Beispiel, viele Leute, die sogar zwei FS beherrschen.

d. Information mitteilen

Y₄: Ich möchte noch was hinzufügen. Das FSstudium entwickelt die Möglichkeiten der Menschen.

e. Zustimmung ausdrücken

У₅: Das ist ganz klar, dass das FSstudium gutes Gedächtnis entwickelt. Und FSstudium finde ich überhaupt sehr kreativ.

f. Ablehnung widersprechen

У₆: Das sehe ich überhaupt nicht so. Ich würde direkt das Gegenteil behaupten. Es ist sehr langweilig, eine FS zu studieren.

g. Zweifel ausdrücken

У₇: Auf der einen Seite ist es sehr nützlich, eine FS zu beherrschen, auf der anderen Seite fällt das mir schwer.

Необходимо познакомить обучаемых с дифференцированностью коммуникативных позиций участников общения с точки зрения психолингвистики. Выделяется целый ряд ролей, которые «играют» собеседники. Для развития навыков ведения полилога значение имеют такие роли как информатор, модератор, критик, релаксатор. Соответственно коммуникативной роли, они имеют соответствующее типичное (стереотипное) лингвистическое обеспечение.

Роль информатора – введение новой информации, сообщение новостей; дополнительное расширение темы обсуждения. Роль модератора – управление процессом беседы, направление ее в «нужное русло». Роль критика – выражение своего личного мнения + выражение обязательного несогласия. Роль релаксатора – выражение согласия с собеседниками, их успокоение.

Лучше понять это обучаемым помогут *ролевые упражнения* с «перевоплощением». Например (роль критика):

Äußern Sie sich zum Problem im Namen der Person, die eine ungesunde Lebensweise hat.

У: Das verstehe ich also nicht. Im Sommer am kühlen Morgen schwimmen? Das ist natürlich Unsinn – zu Fuss gehen, wenn ich mein Auto habe. Das finde ich Quatsch – der Mensch ohne Bauchspeck und Bier.

На этом подготовительный этап работы завершается; имеется в виду, что обучаемые довольно свободно владеют стратегией и тактикой стереотипного речевого поведения при осуществлении группового диалогизирования. Следующий этап работы – собственно организация практики, «постановки» полилога. На этой стадии совершенствования навыков диалогической речи осуществляется «последовательный переход от репродуктивного говорения с использованием различных опор к эвристическому говорению с применением лексико-грамматических опор и, наконец, к самостоятельному высказыванию по проблеме» (7).

Очень важна роль преподавателя на этом этапе. Он не только выбирает форму группового диалогизирования, формулирует экспозицию, определяет для каждого участника полилога его речевую роль, т. е. выступает в роли модератора учебного процесса, но, и это главное, он «является помощником и организатором общения на изучаемом языке и с его (языка) помощью» (3). Преподаватель выступает в роли активного речевого партнера, в зависимости от ситуации он может быть информатором, инициатором общения, консультантом, критиком, релаксатором и арбитром. При этом должны складываться творческие отношения партнерства. Эти отношения проявляются во взаимосвязи и взаимовлиянии обучающего и обучаемых, в согласованности их речевых и неречевых поступков. Девизом их совместной деятельности в условиях соактивности является лозунг «Действуем вместе!» (3).

Анализ форм учебного сотрудничества позволяет заключить, что наиболее эффективной является *учебная дискуссия*. В процессе учебной дискуссии анализируется полученная информация, высказываются различные мнения, личная точка зрения каждого участника полилога, в том числе и оппонентов, приводятся аргументы, принимается единое решение.

Содержательно-смысловая основа группового диалогизирования определяется, на наш взгляд, следующими компонентами:

- локальные параметры ситуации общения (Где? Место)
- ее временные характеристики (Когда? Время)
- количество собеседников (Сколько? Число)
- их социально-коммуникативные и социопсихологические роли (Кто? Возраст, социальный статус, социальные роли)
- мотивы общения (С какой целью? Намерения. Желания)
- психолингвистическое обеспечение роли (Каким образом? Модератор. Критик. Арбитр и т. д.)
- эмоциональное состояние собеседников (Как? Чувства, эмоции)
- экспозиция речевой ситуации (О чем? Предмет общения).

Таковы в общих чертах содержание, формы и последовательность видов работы, формирующих коммуникативно-речевую компетенцию активного участника группового диалогизирования.

К сожалению, рамки статьи не позволяют нам привести полный сценарий учебной дискуссии на немецком языке, содержащий подробные задания и формулировки. Однако мы можем отправить заин-

тересованного читателя к учебному пособию, составленному автором данной статьи, где наряду с лексическим минимумом по теме пособия и серией аутентичных текстов, в том числе и диалогического характера, содержится комплекс упражнений и речевых заданий, направленных на формирование навыков и умений группового диалогизирования в определенной ситуации общения (11).

Библиографический список

1. Аппатова Р. С. Проблема обучения полилогу на уроке иностранного языка // Иностр.яз. в школе. 1989. № 5.
2. Вайсбурд М. Л., Толстикова С. Н. Учебное общение как этап подготовки к участию в международных экологических проектах // Иностр.яз. в школе. 2002. № 4.
3. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М., 2000.
4. Леонтьев А. А. Психология общения. М., 1997.
5. Корчажкина О. М. Что такое аутентичное речевое поведение // Иностр.яз. в школе. 2001. № 3.
6. Куклина С. С. Организация социокультурной среды протекания коллективной учебной деятельности по овладению иноязычным общением // Проблемы современного языкового образования. Владимир, 2003.
7. Мильруд Р. П. Организация обсуждения проблемы на уроке иностранного языка // Иностр.яз. в школе. 1986. № 4.
8. Пассов Е. И. Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования. Концепция развития индивидуальности в диалоге культур. М., 2000.
9. Скалкин В. Л., Яковенко О. И. Обучение старшеклассников ведению бесед в социокультурной сфере общения (на материале английского языка) // Иностр.яз. в школе. 1994. № 1.
10. Чернова Г. М. Использование текстов с неразвернутой ситуацией для стимулирования группового общения на уроке французского языка // Иностр.яз. в школе. 1992. № 2.
11. Auf Zimmersuche: Учебно-методические материалы для студентов немецкого отделения историко-филологического факультета. / Сост. А. А. Луговая. Шуя, 2003.
12. W. und A. Beile. Themen und Meinungen im Für und Wider. Deutsch als Fremdsprache. Inter Nationes, Bonn, 1993.

СОВРЕМЕННЫЙ НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

**(информационный материал по теме «Германия» для студентов
нефилологических специальностей, изучающих немецкий язык)**

Г.Л. Мальцева, Р.М. Москвина

**Ивановский государственный химико-технологический
университет
В.И. Туманов**

**Ивановский институт государственной противопожарной
службы МЧС
Иваново, Россия**

В настоящее время в условиях все более нарастающей политической, экономической и культурной интеграции ни одна образовательная система, в том числе обучение иностранным языкам, не может функционировать и развиваться в отрыве от изменений, происходящих в социокультурной сфере, которая не является статичной и стабильной. Эти изменения не обходят стороной и национальные языки, в частности, немецкий язык.

Что представляет собой современный немецкий язык, являющийся родным для более чем 90 миллионов человек, и на котором, по некоторым оценкам, свыше 50 миллионов говорят как на иностранном?

Немецкий в качестве родного – самый распространенный язык в рамках Европейского Союза. Вот данные статистической службы Европейского Союза “Eurostat”:

11 самых распространенных языков ЕС	Доля населения ЕС (в процентах), говорящая на одном из официальных языков ЕС в качестве родного
Немецкий	24
Французский	16
Английский	16
Итальянский	16
Испанский	11
Нидерландский	6
Греческий	3
Португальский	3
Шведский	2
Датский	1
Финский	1

(4, 42).

Немецкое языковое пространство (так называемые немецкоязычные страны) исторически делится на три части. На севере в сельских районах говорят на нижненемецком, а также – на литературном немецком с некоторыми особенностями произношения, в частности, произносят [stau] и [spas] вместо [tau] и [pas].

На юге и сегодня весьма распространены баварский и швабско-аллеманский диалекты, а в центре страны говорят на средненемецком: от Дрездена (саксонский диалект) до Франкфурта-на-Майне (гессенский диалект) и Трира (мозельско-франконский диалект). Почти везде говорят также и на литературном немецком, в том числе и в Вене (Австрия), которая входит в языковое пространство баварского диалекта. Не так обстоят дела в Швейцарии. Там, правда, литературный немецкий является письменным языком и ему обучают в школе, однако говорить на нем немецкоязычные швейцарцы не могут, что, согласно прессе, вызывает озабоченность у швейцарского правительства.

На немецком говорят не только в немецкоязычных странах, но и в регионах, где немецкий является языком меньшинств, например, в восточной части Бельгии, в Южном Тироле или в Северном Шлезвиге. В Эльзасе и Лотарингии, в сельских районах, кое-где говорят еще на аллеманском и рейнско-франконском диалектах.

Кроме того, во многих странах немецкий играет большую роль в качестве иностранного, прежде всего, в Центральной и Восточной Европе, а также в Финляндии, Нидерландах, Камеруне, Казахстане и Грузии. Почти 20 млн. учеников и студентов по всему миру изучают немецкий и, как минимум, 50 млн. хорошо владеют немецким в качестве иностранного.

Число изучающих немецкий язык по данным Eurostat'a составляет:

Российская Федерация	4657500	
Польша	2202708	
Франция	1603813	
Украина	1235647	
Узбекистан	855900	
Чехия	799071	
Венгрия	629742	
Казахстан	628874	
Нидерланды	591190	
США	551274	(4, 41).

Современный немецкий язык – явление очень сложное. У него есть литературные нормы, которых придерживаются в основном в информационных радио- и телепередачах, в театрах, официальных публичных мероприятиях и т.п. В других же ситуациях немцы говорят на так называемом *Alltagsdeutsch* – “будничном” немецком.

Манера людей говорить зависит от многих факторов. Продавщицы в магазинах и рабочие на стройке говорят иначе, чем учителя гимназий и секретарши, сельские жители иначе, чем городские. И каждый из них в языковом плане адаптируется также к конкретной ситуации. В семье или в кабачке говорят “свободней”, чем во время визита в какое-нибудь официальное учреждение или на родительском собрании. Картина будет еще пестрее, если учитывать профессиональные и специфические жаргоны. Особое внимание обращает на себя язык молодежи – молодежный жаргон или молодежный сленг, существенно отличающийся от языка более старшего поколения и, тем более, от нормативного немецкого языка. Приведем модные прилагательные, с помощью которых обозначают особенно хорошие вещи или выражают большую степень удовлетворения. Примерно в 1900 г. для этого использовались еще такие слова, как *famos*, *colossal* или *allerliebst*, которые сегодня полностью устарели. Те, кто вырос 40 лет тому назад, говорят еще порой *knorke* или *dufte*, что молодежь находит забавным (6, 185). Она говорит *spitze*, *irre*, *super*, *grell*, *fett*, *geil* или же: *voll krass*, *eu!* (3, 199). При этом речь молодых раздражает порой представителей старшего поколения, для которых слово *geil* означает “сексуально возбужденный”. В качестве заменителя молодежь изобрела слово *notgeil*, которое пожилые не понимают. “*Hast du Problem oder was?*” – это выражение из искусственного языка молодежи (4, 40), имитирующее немецкий, на котором говорят ученики турецкого происхождения. Сейчас оно употребляется уже в игровых фильмах, комедийных передачах и в рекламе. Перевести его можно примерно так: “С тобой что-то не в порядке? Тебе чего-то надо?”. Этот искусственный язык называется *Kanak Sprak*. *Sprak* означает язык, а *Kanak* – ругательное обозначение людей, которые выглядят как иностранцы и говорят на ломаном немецком. Используя это ругательство для описания своей манеры говорить, подростки лишают его отрицательного значения и поворачивают все в обратную сторону: “слышите, у нас особая манера говорить: коротко, ритмично, свободно, нам это нравится, а взрослые так не умеют: “*Voll krass, eu!*”, что означает

примерно: действительно хорошо, очень здорово”(4, 42). Более подробно этот аспект современного немецкого языка рассматривался нами в статье (1).

Существующий уже более 1200 лет и почти 200 лет имеющий литературный стандарт немецкий язык находится в постоянном движении, вбирает в себя все новое и оставляет позади старое. Немецкий язык живет. У него есть литературные нормы, но за пределами этих норм и рядом с ними расцветает все то, что им не отвечает.

Большую, порой слишком большую роль, играют заимствования из английского языка и образования, которых в английском не существует, например, слово handy (по-английски mobile phone). Имеются сферы, в которых почти не существует немецкой терминологии, например, в технике, экономике, но и в повседневной жизни. В газетах публикуются объявления о том, что на работу требуются Facility Management Consultant, Lotus Notes Workgroup Demand Managers und Senior Mechanical Developers for RF-Devices – что это такое, знают только специалисты. Не каждый пассажир “Люфтганзы” знает, что такое Standby oneway Upgrade-Voucher (5). Англицизмы и американизмы считаются чем-то прогрессивным, новаторским, и это оставляет в языке свои следы.

Но и другие языки вносят свой вклад в формирование новых слов. Так, существует множество “фантастических” словообразований с итальянскими суффиксами – *issimo*, призванными выразить большую интенсивность и высшую степень качества. *Alfredissimo* – развлекательная программа с ведущим по имени Alfred, *cremissimo* – это молочный продукт с мягким сливочным вкусом, *komfortissimo* – ботинки, которые очень удобно носить. Еще одна мода – создавать короткие слова с помощью окончаний *-i* или *-o*. Порой берется просто первый слог какого-либо слова и меняется последняя буква на *<-i>* или *<-o>*, например: *Alki* – *Alkoholiker*, *Zivi* – *Zivildienstleistender* (2, 98).

По мнению многих исследователей современного немецкого языка (и мы поддерживаем их позицию), некоторые изменения проблематичны, в частности, увеличение числа английских слов в определенных сферах деятельности. Предпринимаются определенные усилия с целью поддержания правильного словоупотребления и образцового стиля. За это присуждаются премии, например, Германская премия за немецкий язык, которая в 2003 году была присуждена газете “*Süddeutsche Zeitung*”, или Премия имени Якоба Грима, присужденная ученому Кристиану Майеру (4, 43).

И, тем не менее, изменения в современном немецком языке столь значительны (добавим к уже названным, проводимую в настоящее время реформу немецкой орфографии), что, во-первых, можно предположить их необратимость, и, во-вторых, констатировать, что немецкий язык не является исключением в общемировой тенденции демократизации языков. Это явление нельзя не замечать и, более того, оно должно изучаться преподавателями и студентами.

Дополнительный материал о современном немецком языке и по теме «Германия» можно найти на сайте www.magazine-deutschland.de, а также в Trans: Internet-Zeitschrift für Kulturwissenschaften (www.inst.at)

Библиографический список

1. Мальцева Г.Л., Москвина Р.М., Туманов В.И. О молодежном сленге в Германии (на материале молодежного журнала «Juma»). Материалы 2-й Всероссийской научной конференции “В.И. Даль в парадигме идей современной науки”, Иваново, ИвГУ, 2004 (в печати).
2. Миловская Н.Д. О некоторых тенденциях развития молодежного сленга (по материалам современного немецкого языка), Иваново, ИвГУ, 2001.
3. Ehmann Hermann: Affengeil. Ein Lexicon der Jugendsprache. München, 1991.
4. Glück Helmut. Sprache im Fluss. Deutschland, № 6, 2003.
5. JUMA – das Jugendmagazin, №1-4, 2003.
6. Küpper Heinz: Sprache der Jugend. Sprachwart. München, 1961.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ МНОГОЗНАЧНОСТЬ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В ТЕКСТЕ АНЕКДОТА (на материале современного немецкого языка)

Н.Д. Миловская
Ивановский государственный университет
Иваново, Россия

В статье „Об асимметричном дуализме лингвистического знака“ С.О. Карцевский, сформулировав аксиому асимметрии плана выражения и плана содержания в словесном знаке, кроме всего прочего убедительно доказал, что одно и то же означающее в различных случаях своего употребления может служить для передачи различных означаемых (1). Подобное совпадение означающих и

означаемых, которые так или иначе семантически связаны друг с другом, в современной лингвистике принято называть многозначностью или полисемией языкового знака. Например, Pferd*(Tier),Pferd**(Turngerät),Pferd***(Spielzeug),Pferd****(Schachspielfigur), поскольку в данном случае все четыре означаемых связаны общей идеей сходства внешней формы. Полисемия представляет собой семантическую универсалию, центральное свойство лексических единиц и структурную основу языка (auf der Ebene der *lanque*). Переход от полисемии к моносемии происходит обычно в процессе коммуникации в соответствующем семантико-дистрибутивном контексте и не сопровождается созданием комического эффекта. Столкновение же нескольких (обычно двух) различных узуальных значений полисемичного слова в тексте анекдота является основой создания в нём комического эффекта.

Наиболее широко представленными в современном немецкоязычном анекдоте являются случаи, когда из потенциально заложенных в виртуальном значении некоего словесного знака семем (узуальных подзначений) в тексте анекдота актуализованными оказываются две различные семемы, значение одной из которых соответствует, а значение другой находится в противоречии по отношению к сформированному у адресата „ожиданию“ относительно высоковероятного развёртывания его сюжета:

Fußball-Landesspiel im Fernsehen. Er: „Kein schlechtes Spiel. Nur die Tore fehlen“. Sie blickt auf, schaut auf das Fernsehbild und sagt dann barsch: „Bist du blind? Da stehen doch zwei.“

У языкового знака *das Tor* уже на уровне языка можно обнаружить два узуальных подзначения: а) *mit einem Netz umspanntes, vorn offenes Gehäuse, in das der Ball von der Gegenpartei gebracht werden muß* ворота; б) *mit dem Ball erzielter Treffer in das Tor* (гол, забитый мяч). Это означает, что виртуальное словесное значение языкового знака *das Tor* может получить своё конкретное воплощение в различных синтагматико-дистрибутивных контекстах по-разному, а именно в виде того или иного из указанных двух различных узуальных подзначений. В нашем анекдоте оба подзначения эксплицируются в рамках лаконично изложенной зарисовки на бытовую тему одновременно, когда персонажи (он и она) пользуются одним и тем же языковым выражением *das Tor* (и, значит, одним и тем же означаемым), сопоставляя его с различными означаемыми. Понятно, что комизм данной ситуации имеет исключительно лингвис-

тическую природу и обусловлен "приписыванием" различных референтов одному и тому же означаемому *das Tor*.

Очень интересны случаи, когда в тексте анекдота взаимоконкурируют разные подзначения одного и того же словесного знака, причём, одно из них (второе) не входит в структуру виртуального значения данного знака на уровне языка, а является своеобразным порождением исключительно данной ситуации:

Die Katze in der Aerobic-Schule:

„Stimmt es, dass wer hier mitmacht, morgen einen Muskelkater bekommt?“

Семантической доминантой с точки зрения создания комического эффекта в данном анекдоте безусловно следует признать языковое выражение „Muskelkater“. Оно моносемично. Его виртуальное значение может быть реализовано только в одном дистрибутивном контексте и только в виде одного семантического варианта: „vorübergehende schmerzhaftes Verhärtung der Muskulatur nach körperlicher Überanstrengung“ (мышечное перенапряжение, сопровождаемое кратковременными болевыми ощущениями). Однако в непосредственном окружении слова „Muskelkater“ находится слово „Katze“. (Заметим кстати, что гипотетическое предположение о его возможной замене на любое другое слово, нпр., *die Kuh* или *die Gans* и т. п., нередко используемое для называния особы женского пола, полностью лишило бы данный сюжет его комического звучания). Размещённое в начальной позиции текста слово „Katze“ задаёт семантический ориентир всему сюжету. Оно с неизбежностью побуждает читающего \ слушающего данный анекдот к восприятию следующего далее сложного существительного „Muskelkater“ без сопровождающей его употребление разговорно-стилистической и метафорической окраски и к однозначно вероятному осмыслению его содержания („мускулистый кот“) по прямым значениям его непосредственно составляющих „Muskel“(мускул) - „Kater“(кот). Таким образом, комический эффект сюжета связан с корреляцией слов „Katze“- „Kater“- „Muskelkater“, где сложное существительное „Muskelkater“ обретает речевую ситуативно обусловленную многозначность.

Другой разновидностью столкновения неожиданных в данном контексте узуальных подзначений одного и того же словесного знака можно, видимо, считать объединение в нём его прямого и переносного (метафорического) подзначения:

Ein Kind in der Badewanne.

„Mami, wo ist denn der Waschlappen?“

„Der ist Zigaretten holen gegangen!“

Комизм ситуации запрограммирован реакцией героев, связанной с метафорическим и прямым декодированием слова *der Waschlappen*. Для сына естественна расшифровка «тряпка, мочалка для мытья тела»: *kleiner Lappen aus Frotteestoff, mit dem man sich wäscht*; в ментальности жены сильнее и актуальнее оказывается расшифровка: *der Waschlappen* - „тряпка, безвольный человек“, т.е. отец (*der Vater*).

Итак, использование резервов лексической многозначности (полисемичного языкового знака) можно считать актуальным средством создания комического эффекта в современном немецком анекдоте. Неожиданное для читающего \ слушающего столкновение нескольких (обычно двух) различных узуальных подзначений полисемичного слова в тексте анекдота создаёт „эффект обманутого ожидания“ относительно высоковероятного развёртывания его сюжета.

Библиографический список:

1. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. М., 1965. Ч. II
2. *Das ultimative Buch der Witze. Das Standardwerk zum Ablachen.* Gondrom Verlag GmbH, Bindlach 2001.

ОТРАЖЕНИЕ РЕЧЕПОВЕДЕНЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ ЯЗЫКА

Е.В. Милосердова

**Тамбовский государственный университет им. Г.Р.Державина
Тамбов, Россия**

Как известно, понятие парадигмы в лингвистике чаще всего употребляется в отношении того языкового уровня, к которому относится выделяемый класс единиц, ср. морфологическая, синтаксическая, словообразовательная парадигмы. Вместе с тем, развитие современной лингвистики с ее особым вниманием к человеческому фактору, к межличностным отношениям, отражающимся в языковых формах, позволяет, по нашему мнению, использовать данный термин не только в связи с указанными языковыми уровнями, но и в более широком плане, в частности, в сфере прагматики.

Опираясь на данное Е.С. Кубряковой, определение парадигмы, понимаемой как “класс лингвистических единиц, противопоставленных друг другу и, в то же время, объединенных по наличию у них общего признака или вызывающих одинаковые ассоциации” (1, 336), мы считаем возможным ввести понятие прагматической парадигмы, которая объединяет семантически соотносимые языковые единицы, но различающиеся, как минимум, одним оттенком коннотативного значения, отражающим отношение говорящего к собеседнику или к предмету разговора и зафиксированном в данном языковом знаке. Очевидно, что в определенном смысле прагматическая парадигма пересекается с понятием синтаксической парадигмы, в частности, с ее трактовкой в работах Н.Ю.Шведовой, Г.А.Золотовой и других отечественных лингвистов. Но в отличие от синтаксической парадигмы, которая строится на базе инварианта некой исходной структуры и включает ее различные грамматические и структурно-семантические модификации (например, модальные, фазисные и т.п.), прагматическая парадигма представляет собой систему языковых форм, объединенных, в первую очередь, их функциональной эквивалентностью, что не предполагает тождества их семантического и стилистического содержания. Более того, именно смысловые нюансы, характеризующие каждую из таких языковых форм, являются основанием для включения ее в прагматическую парадигму.

С другими типами парадигм прагматическую сближает то, что она является продуктом исторического развития языка и поэтому обладает ярко выраженной идиотнической спецификой, отличающей ее от аналогичной прагматической парадигмы другого языка. Но и в этом пункте заметно ее отличие от парадигм других типов: если морфологическая, синтаксическая, словообразовательная парадигмы являются результатом внутриязыкового развития, которое обусловлено действием внутренних законов языковой системы (ср. например, падежную парадигму и др.), то прагматическая парадигма формируется в основном под влиянием экстралингвистических факторов, тех социальных, исторических и даже экономических условий, которые определяют развитие данного языкового сообщества как некоего социума. В силу этого прагматическая парадигма является в чем-то более динамичной системой, чем указанные грамматические парадигмы, так как она призвана чутко улавливать малейшие изменения в социальной сфере, в характере межличностных отношений и реагировать на эти изменения появлением новых языковых форм, более

точно отвечающих вновь возникшим потребностям человеческого общения. Эта же обусловленность прагматической парадигмы экстралингвистическими факторами является причиной того, что на ее формирование мощное влияние оказывает социальная стратификация общества, а также такие оценочные категории, как уважение, вежливость, рефлексия и т.п.

В языковом плане прагматическую парадигму отличает от грамматических то, что в ее систему могут входить не только вербальные, но и невербальные компоненты, не только прямые, но и косвенные способы выражения того или иного значения. Причем, в каждом языке функциональные возможности каждого из названных средств сугубо специфичны, так как являются отражением тех речеповеденческих стереотипов, которые сформировались в данном языке под влиянием разнообразных факторов.

Примерами идиоэтнического своеобразия прагматической парадигмы могут служить хорошо известные факты, связанные с расхождением в способах выражения приветствия, благодарности, извинения, просьбы и т.п. в разных языках. Учет этих расхождений чрезвычайно важен именно при межкультурной коммуникации, так как перенос опыта родного языка на иностранный может привести к нежелательной реакции со стороны собеседника. И далеко не всегда это связано с неправильным толкованием семантического содержания языковой единицы. Неправильный выбор компонента из прагматической парадигмы чаще всего отражается на имидже говорящего, на том как его воспринимают окружающие.

Рассмотрим это на примере эксплицитных способов выражения просьбы в немецком и русском языках. При всей их общности как языков индоевропейских в сфере прагматики расхождения между немецким и русским языками значительны и связаны прежде всего с тем, что под влиянием социальных условий в этих сообществах сформировались различные поведенческие стереотипы. На данном этапе развития немецкое общество является иерархически более организованной структурой, чем общество российское. Причины тому очевидны: после разрушения существовавшей до 1917 системы иерархических взаимоотношений в течение почти восьми десятилетий в нашем обществе насаждалась в чем-то привлекательная идея полного всеобщего равноправия. К сожалению, итогом стал “эффект Шарикова”, для которого так противны были “все эти извините да пожалуйста - мерси, которые хуже, чем при царском режиме”.

Более четкая дифференциация статусных отношений в немецком социуме отражается в многообразии тех синтаксических структур, которые могут использоваться для выражения просьбы. Наряду с традиционным императивом как категориальной формы выражения побуждения вообще, все большее распространение имеют формы, которые помогают созданию положительного имиджа говорящего, а с другой стороны подчеркивают уважительное отношение к собеседнику, ср.: Können/Könnten/ Möchten/Wollen/Werden/Würden Sie mir helfen? Wenn Sie mir helfen könnten/würden?

В.И.Карасик выделяет в позиции говорящего следующие моменты: эмоционально-волевой самоконтроль, рефлекссию и вектор самоуважения (1; 80). Нетрудно заметить, что в приведенных формах в той или иной степени проявляют себя все три указанных факта, что способствует созданию благоприятной атмосферы в коммуникации, так как, заботясь о своем лице, говорящий в то же время не забывает о, может быть, главном постулате цивилизованного общения - предоставлять слушающему свободу действий, сохранять его репутацию.

Популярность приведенных выше форм объясняется двумя моментами. Эти формы позволяют тонко варьировать прагматические оттенки в зависимости от отношения говорящего к собеседнику. А это, в свою очередь, возможно благодаря тому, что в них, в отличие от императива, модус отделен от диктума. Меняя модус как главную с прагматической точки зрения часть предложения, говорящий ни в коей мере не меняет денотативную ситуацию, а лишь ее прагматическое оформление. Тем фактором, который стимулирует эту прагматическую вариативность языковых форм и заставляет говорящего прибегать к ней, является собеседник, адресат конкретного высказывания. Такой "индивидуальный подход", который не может не быть замечен слушающим, способствует созданию доверительной атмосферы и является признаком неконфликтного, т.е кооперативного типа диалога.

Иначе обстоит дело с императивом, который доминирует в русском речевом общении. Его главная особенность состоит в том, что он существует в языковой системе в первую очередь для того, чтобы говорящий выразил свою волю (Помоги!=Я хочу, чтобы ты мне помог!). Вторая особенность этой формы - ориентированность на адресата - практически не оставляет места для отражения личности этого адресата (вариативность форм: Помоги! - Помогите! Hilf! - Helfen Sie! не спасает положения). То, что при этом русский язык позволяет

компенсировать обезличенность императивных форм богатейшими нюансами, передаваемыми интонацией, при межкультурной коммуникации часто оказывается нерелевантным, так как в языке собеседника-иностранца аналогичные фонетические модуляции могут оказаться не маркированными. Более того, они могут восприниматься иностранцем с отрицательной оценкой, поскольку в разных языках прагматические возможности фонетического уровня очень специфичны и пока мало исследованы.

Таким образом, несовпадение прагматических парадигм в разных языках, как и реализация определенных прагматических смыслов на разных языковых уровнях (например, на фонетическом – в одном языке и на лексико-грамматическом – в другом), как следствие ведет к несовпадению стереотипов речевого поведения, что может стать серьезной помехой в межкультурной коммуникации.

Библиографический список

1. БЭС Языкознание. М., 1998
2. Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 2002.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПАССИВНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ

Н.А.Михайлова

**Тамбовский государственный университет им. Г.Р.Державина
Тамбов, Россия**

Известно, что пассив позволяет говорящему формулировать высказывание таким образом, что внимание слушателя оказывается сконцентрировано на произведенном действии. Не случайно профессор П.Айзенберг, отвечая на вопрос, является ли пассив функционально необходимой формой, выделяет это свойство пассива как функционально определяющее: «Der tatsächliche Passivgebrauch unterstützt also die These, dass Agenslosigkeit funktional konstitutiv für das Passiv ist... Es entspricht offenbar einem kommunikativen Bedarf, eine Konstruktion verfügbar zu haben, in der das Agens fehlen kann» (4, 147).

В работах немецких грамматистов обсуждается, как правило, формальная сторона проблемы, связанная с особенностями построения пассивных конструкций. Прагматический аспект употребления пассива, как правило, не входит в рассмотрение. Не делается акцент на прагматическом потенциале этой формы и в одном из последних изданий грамматики Duden'a. Например, в разделе «Textfunktion»

внимание слушателя обращается на «оформительские» возможности пассива, так что сфера применения пассива ограничивается тем, что профессор П.Айзенберг называет «Komfortausstattung der Sprache». Однако здесь при описании синтактико-семантической функции пассива уже учитывается категория говорящего: «Insofern die wesentliche Leistung des Vorgangspassiv darin besteht, die Agensgröße zugunsten der Größe affizierteres oder effizierteres Objekts entweder ganz zu tilgen oder in den Hintergrund zu drängen, bietet es sich dem Sprecher/Schreiber als eine «täterabgewandte» Alternative zum «täterzugewandten» Aktiv dar (3, 174).

В отечественной лингвистической школе существует опыт прагматического подхода к изучению пассивных форм. В частности, Е.В. Милосердова еще в 1973 предложила описание прагматического потенциала безличных пассивных конструкций.

Функционирование как безличного, так и двучленного пассива в речи во многом определяется имплицитным присутствием в них деятеля. В отличие, например, от синонимичных пассиву возвратных конструкций, практически полностью исключаящих понятие деятеля, пассивные конструкции характеризуются как «лично окрашенные» (2, 186). В.Г. Адмони подчеркивает, что именно такая природа пассива ставит его в один ряд с неопределенно-личными *man*-конструкциями: «Beide Bildungen lassen die Handlung in den Vordergrund treten, sind aber persönlich gefärbt... Von den drei synonymen Formen ist also die erste (die man-Konstruktion) am persönlichsten, d.h. mit dem Begriff des realen Erzeugers des Vorgangs verbunden, die zweite (das Passiv) ist in dieser Hinsicht schwankend, kann aber ganz neutral sein, d.h. den Begriff des Erzeugers gänzlich ausschalten, und die dritte (das Reflexiv) beseitigt diesen Begriff überhaupt» (2, 186).

Промежуточное положение пассива выражается, прежде всего, в потенциально равных шансах быть представленным как нейтрально, так и в тесной связи с предполагаемым деятелем. Эта особенность безличного и двучленного пассива определяет специфику функционирования пассивных конструкций, которая заключается в тесной связи содержащих пассив высказываний с контекстом и ситуацией. Коммуникативная направленность таких высказываний раскрывается часто лишь при установлении связи с предполагаемым деятелем, либо при отсутствии таковой.

Особенно отчетливо эта зависимость прослеживается на примере предложений с безличным пассивом, которые могут использоваться в речи в качестве побуждения. Рассматривая предложение с безличным пассивом как особый способ выражения побудительности, Е.В. Милосердова, в частности, отмечает тот факт, что никакие внутрисконструктурные актуализаторы не могут в данном случае дифференцировать повествовательное и побудительное предложения. Кроме того, далеко не всякое предложение с безличной пассивной конструкцией вообще позволяет точно определить функционально-коммуникативный тип высказывания: «Все это свидетельствует о том, что форма безличного пассива менее других глагольных форм, выступающих синонимами императива, приспособлена для четкого выражения коммуникативной направленности предложения, поэтому в большинстве случаев функция предложения определяется заструктурными компонентами: контекстом и ситуацией» (1, 109). Например, следующее высказывание вне контекста скорее всего будет расценено как побуждение: «Bei mir wird nicht gefaulenzt». Если выстроить вокруг такого побуждения предполагаемую ситуацию, то оно непременно принадлежало бы начальнику, обращающемуся к нерадивому работнику. Уместным оно было бы и в диалоге учитель-ученик. В любом случае, восприятие побуждения оказывается непосредственно связанным с допущением о некотором подразумеваемом лице, деятеле. Если же взять авторский контекст, то картина происходящего так же, как и коммуникативная функция предложения, представляется иначе:

- Was hast du in deiner Hucke, Fritz?

- Bei mir wird nicht gefaulenzt

(Strittmatter 106).

Этот микродиалог действительно описывает эпизод из школьной жизни. Но предложение с безличным пассивом принадлежит вовсе не строгому учителю, как это можно было бы предположить вне контекста. Автор приводит эти реплики, чтобы передать атмосферу последнего школьного дня. У всех приподнятое настроение, и кто-то в шутку спрашивает Фрица Кимпеля, пришедшего, вероятно, по привычке с полным ранцем, из которого, как всегда, торчат совершенно затертые книги: Что у тебя в ранце, Фриц? Очевидно, что ответная реплика не имеет ничего общего с побуждением. Ее можно перевести как: «Я же не лентяй». Обращает на себя внимание тот факт, что пас-

сивная конструкция в этом высказывании нейтральна, т.е. не предполагает наличия какого-то подразумеваемого деятеля. Она служит здесь для выдвигания на первый план именно действия, что соответствует интересам говорящего, в шутку оправдывающего свою оплошность деловитостью.

Таким образом, можно предположить, что тем «заструктурным» фактором, который отграничивает побудительные предложения с безличным пассивом от повествовательных и, вообще, раскрывает коммуникативную направленность предложений с пассивными конструкциями, является соотношение с конкретным подразумеваемым лицом. Конечно, результатом такого соотношения может стать и установление нейтральности конструкции. Принципиальным является сам факт зависимости коммуникативной функции высказываний с пассивными конструкциями от более широкого контекста, сам момент установления связи, сопровождающий восприятие такого высказывания, поскольку это является предпосылкой использования пассива в прагматических целях. Описанная особенность безличного и двучленного пассива, в частности, позволяет говорящему намеренно избегать упоминания лица, поскольку он может рассчитывать на его идентификацию в силу специфики восприятия пассива.

Библиографический список

1. Милосердова Е.В. Структура побудительных предложений в современном немецком языке. Дисс.канд.филол.наук. Ярославль, 1973.
2. Admoni W. Der deutsche Sprachbau. М.,1986.
3. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. - Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich, 1995.
4. Eisenberg P. Grundriss der deutschen Grammatik. - Stuttgart, 1994.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОФОРМЛЕНИЯ РАДИОРЕКЛАМНЫХ СООБЩЕНИЙ

(на материале русскоязычной радиорекламы)

С.В. Мощева

**Ивановский государственный химико-технологический
университет
Иваново, Россия**

В настоящее время телевидение и радио активно выполняют рекламную функцию. Данная функция является очень востребованной как со стороны самих теле- и радиокomпаний (с коммерческой точки зрения – это доходная статья бюджета компаний), так и для собственников рекламной продукции, поскольку такой способ заявить о себе, предлагаемых товарах и услугах очень эффективен. Радиореклама уже привычно рассматривается как возможность рассказать о своей продукции за пределами региона, выйти на контакт с потенциальными потребителями, активизировать маркетинг товаров, найти торговых партнеров, дилеров, дистрибьюторов.

Радио- и телерекламный бизнес успешно развивается в нашей стране: проводится мониторинг круга потенциальных слушателей, анализируются возрастные характеристики слушателей, их ценностные ориентиры, определяются регионы вещания, сетка вещания и т.д. В выигрышном положении оказывается та компания, которая общается со своими слушателями на понятном языке и на понятные, востребованные темы. Следовательно, разумное построение рекламно-информационных сообщений – задача не такая уж простая, требующая профессиональных умений, основанных на научных знаниях.

Как известно, рекламный текст относится к воздействию типу текста. Его основные задачи, как и всех текстов подобного рода, *привлечение внимания, удержание интереса, побуждение к действию*. Но пути достижения этих целей на радио и телевидении, как очевидно, различаются. Если телереклама строится на видео- и звуковом ряду, то в радиорекламе приходится более широко использовать различные фонетические средства оформления высказывания.

Следует отметить, что радиореклама, как и все другие виды рекламы, выполняя функцию воздействия на слушателя, должна звучать убедительно, достоверно и экспрессивно. Умело используя фонетические выразительные средства в сочетании с лексическими и синтаксическими, возможно показать все положительные стороны реклами-

руемых товаров или услуг, их качественные и стоимостные преимущества, сформировав за короткий промежуток сообщения яркий рекламный образ.

Какими же фонетическими средствами достигаются эти цели? Для выяснения этого нами были проанализированы рекламные тексты нескольких коммерческих и государственных радиокompаний (“Радио -7 на 7 холмах”, “Радио “ 5-й этаж ”, “ Радио России ”, “Европа Плюс” и др.).

Короткий промежуток времени для рекламного сообщения – это практически единственная ограничивающая творческую свободу величина для данного вида информации. Следовательно, копирайтеру (составителю рекламного текста) необходимо быстро, четко и ясно донести главную идею сообщения, заинтересовать потенциального потребителя, сделать все возможное, чтобы текст запомнился сразу.

Слуховой анализ большого массива рекламных текстов показал, что в фонетическом оформлении радиорекламных текстов имеет место использование как полного, так и разговорного стилей. Оба стиля являются ситуативно обусловленными. Например, фраза: *Журнал “Финансовый контроль” - для тех, кто контролирует финансы* произносится согласно действующим литературным нормам для оформления официальных сообщений, т.е. при ее оформлении используется полный фонетический стиль.

Фраза: “ *Алло, Ира ! Где, говоришь, купила ? А я где только ни была и ничего не купила* ” (*Але, Ир, где , гришь, купила ? А я где тока ни была и ничо не купила*) оформляется по правилам неполного фонетического стиля. Для нее характерна сильная редукция безударных гласных, ассимиляция согласных звуков, элизия.

В целом можно сказать, что в радиорекламных текстах явно наблюдается тенденция приблизить изложение, за счет его синтаксического, лексического и фонетического оформления, к устно-разговорным текстам. Как известно, “употребление разговорного стиля ситуативно обусловлено, если мы говорим среди друзей, в своей семье или лиц примерно одного возраста. При чередовании стилей сообщения приобретают более живую окраску, энергичность” (4, 13).

Однако выбор стиля должен быть, разумеется, и информационно обусловлен. Наше исследование показало, что в радиорекламе активно используются различные разновидности разговорного стиля и социального акцента. Так, в целом ряде случаев используется такое явление, как “надевание акцента”, характеризуемое с фонетической

точки зрения чрезмерной редукцией гласных, особым ритмическим оформлением фраз, своеобразной реализацией согласных. Наиболее частотными приемами являются:

а) имитация “иностранного акцента”, т. е. произношение русских фраз с иностранным акцентом. Получающийся в результате интерферированный вариант воспринимается как обобщенное понятие об иностранном акценте, что заметно для любого носителя русского языка. Иногда, однако, можно угадать влияние конкретного языка. Рассмотрим следующую фразу: *“Это не есть правильно отождествлять джинсовую одежду только с повседневностью... Модели из джинсовой ткани, представленные нашими лучшими дизайнерами, - это всегда стильно, модно и празднично”*. Прослеживаются следующие фонетические особенности ее оформления:

- четкое произнесение гласных безударных звуков: “э^тО” - /о/;
- “*правИльнО*” - /и/, /о/; “с пОвсЕднЕвностью” - /о/, /е/; “*стильнО*” - /о/;
- отсутствие позиционной мягкости согласных звуков (как в английском, немецком языках: “*есТЬ*” - /т/, “*праВильно*” - /в/, “*отождЕствлять*” - /д/; “*всегда*” - /с/.
- специфическое произнесение русских звуков /р/ и /л/ - как характерно для французского языка;
- особый характер /r/ - как в английском языке;
- использование в русских многосложных словах второстепенного и главного словесного ударения;
- более медленный, чем русский разговорный, темп речи.

б) “кавказский акцент” - очевидно “наложение” на русскую произносительную норму акцента, присущего кавказским народностям. Причем, не наблюдается деления на армянский, грузинский, азербайджанский акцент, а передается как бы “собирательный образ” такого акцента. Фраза “говорить с кавказским акцентом” понимается как говорить с использованием ритмико-мелодического рисунка и артикуляторных особенностей некоторых звуков в манере, характерной для кавказских языков.

Проанализируем некоторые тексты радиорекламных сообщений: *“Хочу пригласить в наш ресторан... Кавказская кухня, песни, танцы и необыкновенная атмосфера ждут вас”* и *“Зачем тратить время на поиски?... Бокалы, тарелки, вилки - любая посуда для кафе и баров в “Торговом стиле””*. В фонетическом оформлении данных фраз легко заметить:

- изменение качества некоторых гласных звуков, в частности, замена звука /е/ на /э/: (в словах *зачЕм, пЕсни, врЕмя*);
- утрирование такого фонетического явления, как придыхание: “*хочу*” -/х/- (твердый, сильно фрикативный, с придыханием);
- использование мягкости и твердости согласных звуков не в соответствии с нормой произношения в русском языке : тра-
Тить вРемя звуки /т /, /р/ - твердые, но: *вильки, тарельки*” - с /л’/ (мягким);
- нарушение ритмико-мелодического рисунка, присущего русским фразам в разговорном стиле: темп речи более медленный, неровный тон предложения, тембр голоса более насыщенный.

в) использование диалектных произносительных форм русского языка. Наиболее характерными признаками этого социолекта являются отклонения в реализации гласных:

- оканье (*пОсмОтрим*), яканье (девятнадцатого числа...) - яркое, четкое в безударных слогах. При этом наблюдается более медленный темп речи.

- южнорусский акцент - мягкий фрикативный /г/ (*где, когда*), особая лабиализация гласных. Фраза произносится в высоком регистре, быстрым темпом.

К ярким примером использования социолектов относится и передача с помощью фонетических средств так называемого “деревенского” акцента, который характеризуется просторечными формами и сопровождается смещением словесного ударения : “*потéпле одевайся...*”, “*в мага́зин ходила .*” .

Закономерно, что в современных социокультурных условиях создатели радиорекламных текстов не могли не обратиться и к такому яркому социолекту, как у “новых русских” (“*слышь, где я только ни был...*”). Относясь к разговорному стилю, “новорусский” акцент характеризуется особой ассимиляцией и редукцией звуков. Обращает на себя внимание замедленный темп речи, большее количество пауз внутри фразы, т.е говорящий пытается акцентировать внимание не только на всем высказывании, но и на значимости каждого слова. Эффект достоверности достигается за счет специфической манеры говорения и использования жаргонизмов. (Но данная манера подачи информационных сообщений практически всегда подразумевает ироническую окраску.)

Фонетические возможности разговорного стиля очень богаты и разнообразны. Однако представленная вариативность фонетического

оформления рекламных текстов должна использоваться очень умело и избирательно, быть тематически обоснованной. Иначе неумелое и безвкусное использование данного инструмента воспринимается как вульгарное.

Что же в рекламных сообщениях можно отнести к неудачам в озвучивании текста рекламного сообщения? Прежде всего, это неумение выдержать фразу в выбранном акценте. Проанализируем следующий пример: *“Заказать рекламу на радио - это есть мудрое, а главное, продуманное решение....”*. Авторская задача состояла в том, чтобы произнести данную фразу с иностранным акцентом, точнее, симитировать немецкий акцент. Слуховой анализ показал, что часть фразы была выдержана в правильном ритмико-мелодическом рисунке, с четким произнесением ударных и безударных гласных звуков, отсутствием мягкости согласных звуков, употреблением характерного второстепенного и главного словесного ударения. Однако вторая часть фразы теряет заданный ритм и второстепенное словесное ударение в многосложном слове, т. е. произносится согласно нормативному ритмико-мелодическому оформлению подобных фраз в русском языке. Отсюда впечатление у слушателей, что фраза звучит очень искусственно, неправдоподобно.

Очевидно, что голос имеет и такую важную характеристику, как возрастную: мы хорошо слышим различия между голосом молодого человека и пожилого. Речь молодых имеет более быстрый темп, она более эмоционально окрашена и произносится в более высоком регистре. И, конечно, имеет место использование определенных лексических единиц-экспрессивов (классно, клево, тусоваться). Например, фраза *“Клуб “Арлекино” - это клево, тусовка просто классная...”* произносится молодым, “живым” голосом, лексико-фонетические средства в ней сочетаемы. Обратимся к еще одной часто звучащей на радио фразе: *“...Витаэль – это чудо! Зятя вылечили! А уж дочка была рада...”*. Данное сообщение звучит не только неправдоподобно, но и, по меньшей мере, комично, поскольку от лица тещи текст произносится голосом совсем молодой женщины.

Довольно часто рекламные сообщения делаются от имени сказочных персонажей. Так, перед Новым годом это могут быть Дед Мороз и Снегурочка. Рассмотрим, например, следующий рекламный текст: *“Приглашаю всех маленьких детишек и их родителей в новый торговый центр... Родители смогут сделать покупки, а ребята не останутся без присмотра - игры, викторины, сюр-*

призы ждут вас.” Пытаясь озвучить Деда Мороза, диктор выбрал низкий регистр, медленный темп речи, торжественную тембральную окраску голоса и слишком нарочитое “оканье” - все это делает фразу искусственной, стереотипной.

Как уже отмечалось выше, для анализа нами были выбраны рекламные сообщения как столичных, так и региональных радиокompаний. Нельзя не заметить, что дикторы столичных радиокompаний в эмоционально-нейтральных фразах обычно стараются четко придерживаться произносительной нормы русского языка, естественного ритма и темпа звучания. Что же касается региональных компаний, то в речи их дикторов часто можно услышать отклонения от произносительных стандартов русского языка, наиболее заметные из которых – яканье, еканье, нарушение степеней редукции гласных.

При произнесении рекламного сообщения профессиональные дикторы справедливо обращают большое внимание на суперсегментные свойства речи, а именно, на мелодику, которая основана на движении тона во фразе, на различные типы ударения, паузы и тембр голоса, который играет значительную роль в эмоциональной окраске речи. Если говорить об ударении то, очевидно, что все основные виды его присутствуют в рекламном тексте – словесное, фразовое, логическое.

Например, *Реклама на радио – залог успеха. Реклама на радио - очень эффективно, очень выгодно.* Диктор произносит данную фразу четко, ясно, используя словесное, синтагматическое и фразовое ударение. Но та же фраза произносится может быть произнесена с выделительным ударением, чтобы подчеркнуть эффективность именно радиорекламы. *Реклама на РАДИО - очень эффективно, очень выгодно.*

Обратимся для анализа к еще одной фразе: *Ипотечный кредит в “Промэнергобанк” - очень выгодно.* Она произносится с логическим ударением, что дает возможность выражать различные оттенки мысли: **ОЧЕНЬ** выгодно, либо очень **ВЫГОДНО**.

В зависимости от коммуникативного типа предложения используется то или иное мелодическое оформление фразы. Одна и та же мелодика, например, восходящая в вопросительном предложении, может по-разному сочетаться с другими суперсегментными средствами оформления фразы в речи. Например, фразы *Вы были в магазине “Женева” ?* и *Вы не были в магазине Женева ?*

При однонаправленном движении мелодики коренным образом различаются по диапазону, темпу, ритму, типу ударения.

Вводные слова и предложения имеют особый мелодический рисунок. Они произносятся более низким и ровным тоном по сравнению с рисунком всего предложения и в более быстром темпе по сравнению с темпом основного предложения. Например, *Действительно,/ банк “Возрождение” - это быстро,/надежно,/ выгодно.* Если же рекламный текст начинается с обращения, то это слово выделяется в отдельную синтагму, оформляется нисходящей мелодикой. В зависимости от содержания сообщения и передаваемых коннотаций, обращение может звучать торжественно: *Господа! Все модели Opel в Трейдвест.*

Также рекламные сообщения изобилуют фразами, которые имеют перечисления. Если однородными членами являются подлежащие, сказуемые, дополнения – то мелодика перечисляемых членов предложения будет восходящей, все ударные слоги произносятся с повышением тона, а заударные с небольшим понижением: *Мониторы, принтеры, ксероксы широко представлены в нашем салоне.* Если же перечисления содержат несколько слов, то мелодика возможна двоякая – либо восходящая, либо восходяще-нисходящая, т. к. прилагательное имеет восходящий тон, а существительное – нисходящий: *Журнал “Профиль” - это известные люди, новости бизнеса, деловое общение.*

Широко представлены в рекламных текстах побудительные и восклицательные предложения, которые оформляются в соответствии с нормой: имеют более широкий диапазон, чем повествовательные фразы, более медленный темп, четкое распределение ударений, нисходящий тон широкого диапазона на главноударном (ядерном) слоге. Например, *Закажите “Ваксигрипп !”* или *Выбери “Радио 7 на 7 холмах !”, “Наслаждайтесь временем !”, “Наслаждайтесь радио!”.* Мелодика вместе с логическим ударением выполняют эмоциональную функцию, назначение которой в том, чтобы сделать речь максимально выразительной и убедительной.

Рассмотрим еще один важный компонент фонетического оформления высказывания. Это – тембр. Как известно, тембр голоса зависит от физиологических свойств и психологических особенностей говорящего. Но восприятие окружающими тембра голоса не является достаточным для его изучения, а инструментальный анализ следует проводить в каждом случае индивидуально (6). Исследования

показывают, что тембр определяется изменениями в высоте тона и качеством звуков. (рус. тембр - англ. "quality", т. е. качество звука). Так А. М. Антипова считает, что громкость и длительность играют определенную роль в создании тембральной окраски голоса (1, 9). Очевидно, что данные компоненты взаимосвязаны и выступают в различных комбинациях, выдвигая то одну единицу, то несколько единиц на первый план.

В лингвистической литературе широко распространены два термина: качество голоса и тембр. Оба термина могут определяться как синонимы. Качество голоса (тембр) признается как самостоятельная характеристика, по ней идентифицируется личность говорящего. Так И.Я. Блинов определяет тембр, как выразительное средство (2, 44). В нем есть норма, свойственная каждому говорящему. Выразительность тембра начинает сказываться в отклонении от нормы. Это отклонение может быть вызвано как естественными, так и произвольными причинами. Тембр, по мнению И.Я. Блинова, является дополнительной тональной окраской – природной или произвольной. Следовательно, качество голоса (тембр) определяется с позиции голосовых характеристик индивида. При рассмотрении индивидуальных характеристик качества голоса намечаются два подхода: с позиции постоянного качества, присущего говорящему, и с позиции меняющихся характеристик, к которым прибегает говорящий с целью передачи различных эмоций.

В своей книге "Phonetics" J.D. O'Conner также соединяет такие понятия, как "voice quality" и "attitude", т. е. качество голоса (тембр) и проявление отношения говорящего к излагаемой информации. Так, "breathy voice" (хриплый) часто ассоциируется со страхом или испугом. "Creaky voice" (скрипучий) используется при повышенной громкости тона для выражения силы чувств, либо предполагает обдумывание, неуверенность и сопровождается понижением тона. "Falsetto" (фальцет) не всегда сопровождается большей высотой тона для выразительных целей. Поэтому в восклицание "Wonderful" голос может падать от высокого "falsetto" до очень низкого "creaky voice", а "whisper" (шепот) используется, когда мы хотим выразить что-то сокровенное т. е. передать информацию не для всех. Он также может использоваться при произнесении безударных слогов для создания контраста, например, как в восклицании "Fantastic", где "Fan-" и "-tic" произносятся шепотом (7, 267).

Данные “отношения говорящего”, выражения чувств, эмоций могут сопровождаться, что чаще всего и происходит, комбинаторно для достижения большей эмоциональности и достоверности сообщаемой информации

Д. Браун в книге “Listening to Spoken English” (“Восприятие английской речи на слух”) имеет сходную концепцию тембральной окраски высказывания (5, 140). Она выделяет два основных качества – “breathy” и “creaky”, дополняя их описательными терминами. Так, “breathy” (хриплый) может иметь следующие разновидности: panted (часто и тяжело дыша); gasped (задыхаясь); whispered (шепотом, шепча); breathed (тихо, почти шепотом); huskily (сухо, сипло); breathlessly (запыхавшись, затаив дыхание). Варианты “creaky”: (скрипучий): purred (мурлыкающий); gratingly (скрипуче, раздражающе); murmured (приглушенно, ворчливо); majestically (величественно, торжественно); earnestly (настоятельно, убедительно). Анализ тембральных оттенков звучания радиорекламных текстов показывает, что при построении высказывания идет определенный выбор тембральной окраски в зависимости от цели и задачи сообщения.

Именно на узнавании тембральной окраски голоса известных актеров и политических деятелей (в сочетании с другими средствами фонетического оформления высказывания) строятся некоторые рекламные тексты воздействующего типа. Выразительные возможности просодики и, в частности, тембральная имитация голосов Е.Леонова, А.Папанова, А.Миронова, В.И.Ленина, Л.И.Брежнева, Б.Н.Ельцина и др. придают даже заурядному рекламному объявлению особый эмоциональный настрой, делают его более запоминающимся, а следовательно, и более эффективно воздействующим. Например, в рекламе ювелирного магазина “Версаль” осуществляется имитация голоса “мушкетера” М.Боярского : *“Кольцо для моей королевы, колье для моей фаворитки”* В создании рекламного образа, таким образом, наряду с хрипловатым голосом и узнаваемым тембром известного актера, используется определенный исторический контекст, обращение к прецедентной ситуации, известной слушателям по книгам А.Дюма или кинофильмам.

Обратимся к еще одному из проанализированных нами рекламных сообщений и проследим, как одна и та же фраза, имея разные цели высказывания, произносится с разной интонацией, ударением, уровнем громкости и, соответственно, имеет разную тембральную окраску:

Подводя краткие итоги сказанному, можно сделать вывод о том, что рекламно-информационное сообщение – это особый вид сообщения. Сухой, неинтересный блок информации, построенный на фразах: Что купить?, Где?, Насколько эффективно? – здесь неприемлем. Фонетические средства оформления подразумевают умелое использование фонетических стилей, варьирование шкалы громкости, правильный выбор необходимого ударения, определенной тембральной окраски – все это составляет “полотно” рекламного сообщения, сообщая ему необходимую экспрессию и действенность.

Библиографический список:

1. Антипова А. М. Система английской речевой интонации. Москва, 1979.
2. Антипова А. М. Ритмическая система английской речи. Москва, 1984.
3. Кантер Л. А. Системный анализ речевой интонации. Москва, 1988.
4. Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. Москва, 1976.
5. Brown G. Listening to Spoken English. Moscow, 1984.
6. O'Conner J. D. Phonetics. London, 1973.

ПЕРЕВОД КАК ФОРМА РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Л.Ю. Образцова

Ивановская государственная сельскохозяйственная академия

Иваново, Россия

kengurusha@inbox.ru

В настоящее время психология пришла к концепции познания как активной деятельности субъекта; на передний план выступают вопросы оптимальной регуляции усвоения программ деятельности, укрепления вторичных мотивов и выработки умственных операций; понимания учения как динамической внутренней структурированной активности, являющейся функцией определенным образом организованной системы. Современные методы познания включают в себя применение алгоритмических моделей учения, способствующих изменению в структуре психической деятельности субъекта.

Процесс перевода, как один из видов познавательной деятельности, рассматривается теорией речевой коммуникации. В качестве коммуниканта, принимающего информацию, выступает субъект познания; иноязычный текст является с одной стороны, коммуникан-

том, передающим информацию, с другой стороны, выполняет роль объекта познавательной деятельности. Целью взаимодействия между двумя коммуникантами является оптимальная информационная корреспонденция, получение субъектом наиболее адекватного и полного смыслового соответствия. Степень идентичности содержания языкового текста и смысла, передаваемого через перевод, определяет результативность познавательных действий субъекта, его разрешающей способности.

В вербальном учении иноязычный текст как источник информации по форме представляет собой закодированное сообщение, состоящее из функционирующих элементов, кодов, связанных в одну структурную систему, систему словесных знаков, которую субъект трансформирует в систему родного языка. Познавательная проблема возникает при наличии противоречия между предлагаемой к разрешению информации в виде языковых знаков и символов и семантическим содержанием этой информации. Задачей субъекта, разрешающего проблему, является поиск методов переработки информации, выполнение определенного количества преобразований, приводящих к решению проблемы.

Для адекватного декодирования языковой информации предполагается усвоение субъектом грамматического и логического строя языка, т.е. системы кодов, на основе которых знаки соединяются в слова и предложения; происходит установление связи между формальными и смысловыми знаками грамматических понятий. Так как познавательная деятельность в данном аспекте протекает одновременно во взаимосвязанных синтаксических и семантических системах, то конкретные грамматические формы, выражаемые формальными признаками, сигналами, не должны отрываться от значений слов и предложений, т.е. от смысловой стороны сообщения.

Чтобы знак в качестве смысловой единицы в системе знаков мог вступать в процесс коммуникации, он должен обладать определенными свойствами, или признаками, знание которых является для субъекта отправным моментом установления связи между знаками и их дезигнатами.

Решение проблемы начинается с анализа ситуации, которую субъект воспринимает как неупорядоченную совокупность знаков и отношений. Далее анализируются визуальные знаковые признаки (сигналы) и закодированные знаковые отношения, составляющие ло-

гическую структуру языкового кода, познание которой приводит к нахождению алгоритма и метода решения данной задачи.

Поиск решения имеет целевой характер, он заключается в открытии средств (системы операций), дающих возможность достижения конечной цели. Операцию можно рассматривать как внешний и внутренний мыслительный акт или комбинацию актов, на основе которых субъект выбирает ответ на знак, являющийся носителем смысла. В психологии операции, как манипуляции со знаком или символом, являются средством развития мыслительных процессов. Мыслительные процессы управляют исполнительными операциями, ведущими к декодированию языкового сообщения.

Разработана теория поэтапного характера формирования умственных операций, ведущих к разрешению познавательной задачи. Совокупность операций, повышающих вероятность выбора оптимального варианта решений, составляет алгоритм умственных действий. Выбор рациональных алгоритмов становится возможным потому, что отдельные процессы учения программируются с точки зрения того, сколько информации дает определенный знак и определенный шаг. Использование алгоритмов становится программой для решения определенного класса задач, способствует преодолению устарелого предположения, что учение заключается в сохранении в памяти изолированных сведений, значительно сокращает время на поиск верного решения познавательной задачи, порождает положительную мотивацию субъекта как следствие эффективной умственной деятельности.

Многолетний опыт применения алгоритмов в обучении переводу иноязычных текстов (логический метод) доказывает, что данный подход дает возможность заменить отдельные пробы и ошибки общими стратегиями и их иерархической организацией; выявить функциональные взаимоотношения грамматических элементов структуры предложения как единицы текста; выстроить логическую последовательность умственных действий в соответствии с предлагаемыми моделями (алгоритмами); обеспечить оптимальную смысловую идентичность переводимой информации.

ОБ ИНТЕРАКТИВНОМ ПОДХОДЕ К ПРОЦЕССАМ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЧИ

Н.Л. Овшиева
Калмыцкий госуниверситет
Элиста, Россия
ovinalya@mail.ru

Значительный прогресс в изучении реального общения, который наблюдается за последние годы, обусловил появление нескольких парадигм исследования. Метафора для описания способа, с помощью которого читатели (или слушающие) перерабатывают и понимают дискурс, была заимствована из области вычислительного моделирования понимания языка. Лингвисты исследуют процессы интерпретации речи с трех исходных позиций в соответствии со стратегиями, применяемыми в процессе переработки информации. При первом подходе используется восходящая (bottom-up) стратегия переработки информации (1; 2; 3); при втором подходе – нисходящая (top-down) стратегия переработки информации (4; 13; 5; 6; 7); при третьем подходе – применяются две стратегии, взаимодействие которых ученые предлагают назвать интерактивно-компенсаторной моделью переработки дискурса (8; 9). Рассмотрим каждый из них в отдельности.

Лингвисты, которые предпочитают «восходящий» подход, изучают способы, посредством которых предложения сочетаются в большие единицы дискурса и сосредотачивают внимание на той роли, которую играют определенные аспекты языка при создании дискурса. При этом подходе целые исследования могут быть посвящены коммуникативной роли локального аспекта языка (такого, как использование *you know* в разговорах) (10, 286). Этот подход применяется в теории общего языкознания. Поскольку в фокусе анализа в теории общего языкознания находится разработка теории грамматического описания формы и значения предложения, любой взгляд на переработку предложений в основном имел тенденцию быть «восходящего» типа. Сходную точку зрения можно найти в некоторых подходах исследователей Искусственного Интеллекта (ИИ) к данным языка, в работах которых «... цель исследования – создать синтаксический анализатор для анализа приемлемых предложений в английском языке. В обоих этих подходах предложение, содержащее грамматическую ошибку, скорее отвергается, а не получает правдоподобную интерпретацию» (6, 234).

Основной предмет обсуждения в различных теориях интерпретации текста (или речи) - это взаимоотношение между кодом и контекстом. Это взаимоотношение можно определить (в терминах Халлидея) как различие между контекстом и со-текстом (9, 17). В этих теориях ученые объясняют, каким образом можно вывести значения при помощи контекста.

Лингвисты, использующие восходящую стратегию переработки информации, под контекстом прежде всего имеют в виду языковой контекст (или со-текст, в терминологии Халлидея). Так, например, согласно Н.Н. Амосовой, непосредственное окружение любой языковой единицы – микроконтекст - всегда ответственно за реализацию ее значения. Она определяет микроконтекст как контекстуальный минимум, состоящий из ядра (например, реализуемого существительного) и индикатора для условий реализации (например, прилагательного) (1). Именно языковой контекст – речевое окружение слова – актуализирует одно из свойственных слову значений, сужая, конкретизируя значение полисемантического слова или модифицируя коннотативные компоненты его значения.

В соответствии с поэтапными процессами интерпретации текста – от декодирования семантического содержания минимальных отрезков текста (или микроконтекстов) к постижению идеи произведения - И.Р. Гальперин выделяет виды информации, различающиеся по своему прагматическому назначению, в частности: а/ содержательно-фактуальную (СФИ), б/ содержательно-концептуальную (СКИ), в/ содержательно-подтекстовую (СПИ) (2, 27). Различие между СФИ и СКИ можно представить себе как информацию бытового характера и информацию эстетико-художественного характера (2, 28). В информации последнего вида выявляется индивидуально-авторское понимание отношений между явлениями, описываемыми средствами СФИ, а также замысел автора. Декодирование СКИ осуществляется посредством рефлексивных процессов осознания концепта - идеи произведения. Согласно И.Р. Гальперину, СКИ – явление нелингвистическое и может лишь опосредованно выявляться в содержательно-фактуальной информации. В отличие от СКИ, подтекст (или содержательно-подтекстовая информация) – это «явление чисто лингвистическое, но выводимое из способности предложений порождать дополнительные смыслы благодаря разным структурным особенностям, своеобразию сочетания предложений, символике языковых фактов» (2, 44). Содержательно-подтекстовая информация может выводиться читателем в виде экспрессивных или стилистических коннотаций.

Поскольку замысел художника воплощен в произведении и только из него может быть реконструирован, процесс интерпретации текста, по мнению В.А. Кухаренко, «... по сути дела, сводится к скрупулезным поискам средств выражения концепта, концентрирующего в себе результаты авторского освоения действительности и пропагандирование их читателю» (3, 75-76). Поэтому для проникновения в глубинную сущность произведения необходимо его неоднократное прочтение, «...чтобы ничего не пропустить, чтобы не ограничиться снятием линейно (от строки к строке) развертывающейся сюжетной информации ...» (3, 13).

Анализируя художественные тексты с позиций стилистики, В.А. Кухаренко обращает особое внимание на экспрессивные возможности синтаксиса, такие, например, как повтор актуализируемой единицы и нарушение предсказуемости развертывания непосредственного окружения. Экспрессивные возможности единиц всех уровней языковой структуры реализуются в контексте, на фоне которого происходит выдвигание языковой единицы на передний план (*foregrounding*), обозначенное как актуализация. «Именно они наиболее часто сообщают языковой единице дополнительные значения, увеличивают содержательную и функциональную нагруженность» (3, 12). Здесь можно провести параллели между отдельными случаями актуализации языковых средств (и актуализирующим контекстом в целом) и способами усиления эмотивной силы высказывания, рассматриваемыми в сфере коммуникативной грамматики (11, 153-156).

Итак, интерпретация текста «восходящего» типа - это по существу со-текстуальный анализ - анализ моделей сочетаемости языковых форм, фонологических, лексических или грамматических. Однако этот анализ не может предоставить нам интерпретацию значимости этих моделей (сочетаемости) для дискурсной интерпретации. По мнению Г. Виддоусона, идея со-текста состоит в том, что она предполагает ограничения, которые могут быть наложены на значение в языковом плане, и поэтому значение в языковом плане содержится в самом тексте. Со-текстуальные связи являются семантическими по своему характеру и лишь релевантны для прагматического процесса в той мере, в которой их можно реализовать в контекстуальном плане (9). Эквивалентом со-текстуальных лексических отношений в лексических терминах можно считать коллокации. Существуют переменные правила, согласно которым частотность появления разных форм

ограничена языковым окружением в разной степени вероятности. Иногда ограничения настолько сильны, что сочетания являются фиксированными и становятся устойчивыми словосочетаниями, например, как пословицы и поговорки.

Однако понимание конвенционального значения лексических и грамматических структур – это только первый шаг на пути к успешной интерпретации языковых сообщений. Эти аспекты значения, можно считать, «вписаны» в текст в семантическом отношении, контекстуальные же аспекты значения могут быть выведены в прагматическом отношении только посредством соотнесения с тем, что обозначено текстом. Контекстуальное значение слова (и высказывания) позволяет понять то, что хотел передать говорящий/ пишущий. «Предполагаемое значение говорящего» получило наименование в прагматике «прагматического значения» (7, 97).

Согласно Спербер и Уилсон, выведение прагматического значения – это не просто семантический вопрос признания внутренних отношений в пределах предложения или между предложениями в со-тексте (т.е. процесс декодирования), а скорее инференциальный процесс. Именно инференциальный процесс создает прагматическое значение высказываний. Вполне очевидно, что то, что люди имеют в виду под своими высказываниями в прагматическом отношении, не может быть эквивалентным тому, что соответствующие предложения означают в семантическом отношении как образцы языкового кода. Но это не означает, что семантическое значение не подразумевается в этом процессе.

При «нисходящем» подходе ученые уделяют много внимания тому, что выводится в контекстуальном плане, и слишком мало внимания - тому, что выражено в языковом плане. В то время как Браун и Юл (судя по их комментариям о со-тексте, во всяком случае) думают, по-видимому, о значении как закодированном в предложения на странице, Спербер и Уилсон думают о нем как о функции высказываний, выводимой в голове, без достаточного учета конкретики используемого языка. Основной первый принцип в этих позициях состоит в том, что значение – это по существу вопрос функциональных отношений: определенные языковые элементы находятся под воздействием друг друга, и их значения соответственно сужаются. Но это очень общий семантический принцип, который действует внутри как в рамках предложений, рассматриваемых вне со-текста, так и между пред-

ложениями в тексте, или между высказываниями и контекстами. В отличие от Брауна и Юла (и до них Халлидея), считающих, что значение можно вывести из текста, Г. Виддоусон согласен со Спербер и Уилсон, что оно всегда привносится в текст.

Д. Спербер и Д. Уилсон обращают внимание на когнитивные аспекты интерпретации речи. Они подчеркивают, что вычисление эффекта пропозиции прежде всего предполагает дедукцию. То есть, роль контекстуальных предположений состоит в том, чтобы сочетаться с содержанием высказывания в качестве предположений в доказательстве. Однако следует отметить, что в этом описании пропозиции рассматриваются не просто как логические объекты, а как психологические репрезентации. Соответственно, дедуктивные инференции – это психологические вычисления, совершаемые над этими репрезентациями.

В теории релевантности контекст характеризуется не как текст, сопутствующий дискурсу (или со-текст), а как психологический контекст, т.е. набор предположений, хранимых в памяти. В теории релевантности Д. Спербер и Д. Уилсон дают психологическое определение контекста: «Набор предпосылок, используемых в процессе интерпретации высказывания (не говоря уже о предпосылке, что высказывание, о котором идет речь, было создано) составляет то, что обычно известно как контекст. Контекст – это психологический конструкт, подмножество предположений слушающего о мире» (4, 15-16). Цель слушающего в процессе интерпретации речи – интегрировать новую информацию со старой или, другими словами, вывести информацию, которая является релевантной. При этом слушающие не просто интересуются тем, чтобы получить больше информации о мире. Они стремятся получить больше данных в поддержку своих существующих убеждений и предположений. Возможно также, что развитие и уточнение представлений слушающего о мире может быть следствием удаления старых предположений. В каждом случае воздействие, которое может быть достигнуто, является результатом переработки новой информации в контексте существующих предположений. (5, 238).

Когда мы «строим» интерпретации текста, используя «нисходящие» способы, нам требуется намного больше информации, чем та, что содержится в словах на странице. Эти способы могут служить практическим целям создания и понимания устных и письменных дискурсов. Цель искусного писателя, например, состоит в том, чтобы

помочь читателю следить за ходом событий, изложенных в письменном дискурсе. Поэтому если писатель пытается описать событие, которое можно было бы понять, то читатель пытается наложить схему на письменный дискурс. Он выводит инференции, используя фоновые знания, для того, чтобы создать связную интерпретацию того, что, по его мнению, намеревался передать писатель. Иными словами, мы действительно создаем то, о чем текст, исходя из наших ожиданий того, что обычно происходит. «Наше понимание того, что мы читаем, не является непосредственно результатом того, какие слова и предложения находятся на странице, а из той интерпретации, которую мы создаем в наших умах о том, что мы читаем» (7, 112).

Контекст – это динамичное, а не статическое понятие. К контекстуальным предположениям можно отнести способы, которыми реальность третьего лица создается посредством обычая или общего опыта. К ним можно отнести такие конструкты социального знания, как членство в общности, социальной группе, нормы взаимодействия, конвенции повседневного общения. Конвенциями являются условия речевого акта, определяющие разные иллокутивные акты, а также обычные рутинные процедуры контроля над интерактивностью, сменой ролей первого и второго лица. Иными словами, это фреймы референции, которые предоставляют нам координаты пропозиционального значения.

Контекстуальные предположения являются необходимыми условиями контекстуального значения, поскольку эти конструкты предоставляют возможность интерпретации. «... эти схематические предположения являются в сущности руководящими указаниями, которые предоставляют возможность для маневра, и, конечно, они корректируются в коммуникативном процессе» (9, 11). Их можно назвать переменными, которые приобретают разные ценности в зависимости от события и ситуации общения.

Сторонники «нисходящего» подхода считают, что инференциальный и декодирующий процессы совершенно отличаются друг от друга: «Инференциальный процесс начинается с набора предпосылок и имеет результатом набор умозаключений, которые логически следуют из предпосылок, или, по крайней мере, подтверждаются предпосылками. Процесс декодирования начинается с сигнала и кончается извлечением сообщения, которое связывается с сигналом посредством кода, лежащего в его основе» (4, 12-13). Однако в последующей своей работе Уилсон допускает возможность того, что декодирование

является частью инференциального процесса. Она пишет: «Предполагаемая интерпретация высказывания не декодируется, а выводится путем умозаключений, посредством неявного инференциального процесса – процесса формирования гипотезы и оценки – в котором языковое декодирование и контекстуальные предположения обуславливают определенный диапазон возможных гипотез, и они (гипотезы) оцениваются в свете определенных общих принципов коммуникации, которым, как надо полагать, следуют говорящие» (13, 43-44).

Д. Спербер и Д. Уилсон интересуются процессом выведения инференций, посредством которого реализуется значение, т.е. процедурной работой, которую необходимо проделать, чтобы определить коммуникативные намерения на основе контекстуальных предположений. Однако их не интересует, на что оказывают влияние эти процедуры, откуда происходят эти контекстуальные предположения. Короче, их интересуют процедурные, а не схематические условия контекстуального значения. Как в таком случае протекают эти инференциальные процедуры? Г. Виддоусон анализирует пример из работы Д. Уилсон (13):

Представьте следующий сценарий. Я – страстный игрок в теннис и недавно начал играть с новым партнером в паре в клубе. Когда мы встречаемся, Вы спрашиваете меня о том, что за человек мой новый партнер в паре, и я отвечаю:

“He has much in common with John McEnroe”.

Если учитывать подходящий фрейм референции, то это высказывание можно интерпретировать как подразумевающее, что новый партнер в теннисе является раздражительным человеком или что у него наблюдаются вспышки раздражения на корте. Это решающее условие имеет отношение к тому, на что ссылается язык, т.е. на пропозициональное содержание высказывания. По крайней мере, для читателей английской бульварной газеты предполагаемая интерпретация этого высказывания будет сразу же очевидна. Почему так происходит? Согласно теории релевантности, мы обращаем больше внимания на ту интерпретацию, которая релевантна для данного события, когда мы соединяем то, что действительно было сказано в тексте, с существующими предположениями в контексте и выводим значение из этого сочетания, тот контекстуальный эффект, который невозможно было бы вывести только из текста или контекста самостоятельно.

Несмотря на свою обоснованность, это положение Д. Спербер и Д. Уилсон является довольно общеизвестным фактом. Следует отме-

тить, что это вопрос сочетания, а не просто добавления: информация из текста не со-существует, а взаимодействует с информацией контекста. Поэтому реципиент связывает выраженную пропозицию с тем, что он/она знает об этом конкретном игроке в теннис, и таким образом делает вывод о требуемом и релевантном контекстуальном значении. Отсюда следует, что значение – это функция взаимодействия языка и контекста, т.е. значение того, что говорят люди, превышает точное значение тех слов, которые они используют, чтобы сказать это.

Г. Виддоусон, напротив, считает, что нет смысла выводить контекстуальные эффекты лишь из выраженной пропозиции, не принимая во внимание способ выражения. Ибо построение самой фразы может сигнализировать об отношении говорящего, например, определенная формальность в выражении может сигнализировать об ироническом отношении говорящего, т.е. предупреждать слушающего о предполагаемой импликации. Трудность, по-видимому, заключается в том, что Уилсон выхватывает это высказывание из контекста взаимодействия и трактует его изолированно, как предложение. Поэтому переработка высказывания это вопрос декодирования его семантического содержания, вне контекста (9, 14). Отсюда следует, что существует прямое соответствие между усилием по переработке и лингвистическим кодированием. Г. Виддоусон не согласен с этим положением: «Дело в том, что принцип наименьшего усилия не просто применяется к переработке информации вообще, а подразумевается в интеракции и является частью принципа кооперации. Вот почему он является важным в прагматическом отношении. Если он нарушается, то он обязательно создает имплицатуры» (9, 14-15).

Более того, следует отметить, что если пропозиция отрицается (*He does not have much in common with John McEnroe*), велика вероятность, что скорее имеются в виду способности нового партнера в теннисе, а не его темперамент. «Что все это означает для меня, это то, что язык не только предоставляет пропозиции как предпосылки для того, чтобы процесс выведения умозаключений продолжал работать во взаимодействии с пред-существующими контекстуальными предположениями, но и сам может, формой слова, передавать свои собственные контекстуальные импликации. Понять иронический эффект этого высказывания – это не вопрос знания о Джоне Макенрое, а вопрос знания языка» (9, 17).

Помимо знания потенциальных импликатур (особенно конвенциональных импликатур), которые могут возникать при использовании разных поверхностных структур (12), говорящий может намеренно создавать контекстуальные импликации, используя определенные грамматические структуры и лексические единицы. Например, в ситуации, когда один из американских заложников, находясь в очень опасной ситуации - в плену в Иране, - в ответ на вопрос журналиста на пресс-конференции 'Are you being treated badly?' отвечает: 'Considering I am a hostage, I am being treated fairly'. Используя придаточное предложение причины 'Considering I am a hostage...', он ограничивает свое описание более узким контекстом. В рамках этого более узкого диапазона возможных способов обращения с людьми, являющимися заложниками, он выбирает ответ в категориях: «справедливое» vs. «несправедливое» обращение. В терминах коннотаций, 'fair treatment' имеет позитивные коннотации (8, 127-128). Отвечая таким образом, одним коротким высказыванием, говорящий достигает своей цели – необходимости удовлетворить интересы разных слушающих.

Сторонники теории релевантности полагают, что общение может быть только познавательным. Поэтому пренебрежение другими факторами, особенно факторами взаимодействия, ведет к курьезным выводам. В отличие от максим Г.П. Грайса - правил игры для интерактивного управления интенциями, - теория релевантности по существу занимается тем, как думать, чтобы прийти к релевантной интерпретации. При этом она зависит не только от контекстуальных эффектов, но и от усилий по переработке. Фактор эффекта и фактор усилия действуют друг на друга и представлены как бы в комплементарной оппозиции. Поэтому релевантность объясняется следующей формулой: «Чем больше контекстуальные эффекты, тем выше релевантность; но чем больше усилий требуется по переработке, чтобы достигнуть этих эффектов, тем меньше релевантность» (13, 46).

Основные положения теории релевантности как описания условий контекстуального значения вызывают сомнения. Во-первых, она отделяет сам процесс выведения инференций от интеракции, а следовательно от интерактивного контекста, который создается во взаимодействии в реальной деятельности интерпретации. Во-вторых, эта теория проводит слишком отчетливое различие между инференциальным процессом и процессом декодирования. В результате, процесс выведения инференций отделен как от контекста, так и от кода.

Виддоусон возражает против положения о том, что инференциальный процесс отличается от декодирования. Более того, он полагает, что инференциальный процесс может проявляться и обычно наглядно проявляется как интеракция. Так, например, может оказаться, что допущения со стороны первого лица об общем контекстуальном предположении являются неоправданными. В этом случае, например, второе лицо, возможно, скорее обратит больше внимания на мастерство Макенроя в теннисе, а не на его темперамент. Поэтому можно представить следующий обмен:

A: How is your new tennis partner?

B: He has much in common with John McEnroe.

A: Good server?

B: Bad temper. (9, 12).

Из этого примера видно, что процедуры, направленные на рассмотрение предполагаемых контекстуальных предположений и устанавливающие таким образом релевантность, не ограничены скрытой инференцией, опирающейся на пред-существующие знания, как, по видимому, полагают Д. Спербер и Д. Уилсон. По мнению Г. Виддоусона, эти процедуры «также проявляются как взаимодействие, в котором релевантные контекстуальные предположения открыто обсуждаются и не просто устанавливаются, а создаются в самом интерактивном процессе» (9, 13). Это свойство процедур интерпретации (подвергаться процессу обсуждения) подтверждает положение о гибкости и податливости схематических знаний, о том, что контекст – не статичное, а динамичное понятие. Эти схемы или общие контекстуальные предположения, по своей природе, непостоянны и подвержены непрерывной модификации. Их также можно обсуждать в процессе непосредственного взаимодействия. Мы не всегда выводим релевантность в глубине нашего ума. Возможно, мы находим путь к релевантности через взаимодействие, открыто. «То есть, общие знания – это скорее результат, а не предпосылка для успешной коммуникации» (5, 21).

В процессе взаимодействия мы также создаем контекст. Существуют бесчисленные примеры текстуальной неточности и двусмысленности в реальном общении, которые просто проходят незамеченными, поскольку мы, конечно, вполне естественно дополняем то, что мы читаем тем, что мы знаем. Это верно в отношении всех текстов, неполноту которых мы восполняем нашими мыслями. «Когда слушающие/читатели обладают лишь частичным знанием контекста, они

могут использовать текстуальную информацию, те элементы контекста, которые они знают, а также релевантные фоновые знания, чтобы вывести путем умозаключений недостающие контекстуальные элементы» (12, 45). В этой связи переводчики в ООН часто высказывают мнение, что они скорее переводят человека, а не язык. Очень трудно делать синхронный перевод с одного языка на другой, поскольку значение слова выявляется в контексте. Оно зависит от других слов или общей «схемы» предмета обсуждения. Поэтому многие переводчики ООН предпочитают конструировать контекст - категоризовать тему обсуждения и тех людей, которых они переводят, - для того, чтобы понять человека и содержание разговора. Другими словами, переводчики совершенствуют свои умения, когда они конструируют когнитивные схемы, помогающие им соотносить знание предмета и моделей поведения лица с тем текстом, который им предстоит переводить.

По мнению Г. Виддоусона, проблема взаимоотношений между языком и контекстом заключается в неоднозначном толковании термина «декодирование». Если мы решим, что он означает то, что мы начинаем с лингвистического сигнала и относим его только к коду, в таком случае, конечно, мы ограничены рамками предложения и на самом деле отделены таким образом от контекста. Как следствие, невозможно вывести никакого прагматического значения. Суть интерактивного подхода состоит в том, что «... мы можем начать с сигнала, и мы допускаем, что он активизирует (приводит в действие) прагматические возможности – возможные гипотезы на языке Уилсон, – которые мы подтверждаем на фоне контекстуальных предположений. Другими словами, мы превращаем семантическое значение в прагматическое значение. В этом смысле декодирование вообще не отличается от выведения инференций, лишь своим предварительным условием в процессе. Вы начинаете с того, что есть в языке, а затем видите, что Вы сделали с ним» (9, 16). Процесс понимания текста, таким образом, является интерактивным процессом – фоновые знания читателя взаимодействуют со словами и структурами текста. Более того, именно эти схемы или ментальные модели позволяют читателям устранять неясности или выбирать ту или иную интерпретацию текста из альтернативных интерпретаций (8, 109).

Иными словами, процесс определения границ значения должен развертываться от кода к тексту и далее к контексту. «Мы можем думать о языке как о формальном кодировании наиболее общих черт контекста, наиболее часто приводимых аспектов реальности в рамках

определенного общества, той части схематических знаний, которые в семантическом отношении включены в код. Семантическое значение как конвенционально кодированное можно рассматривать, согласно этому взгляду, как составляющее диапазон ограничений – координат или (используя ныне популярный термин) параметров, которым предоставляются разные прагматические обстановки в зависимости от разных контекстуальных предположений» (9, 21). Предложение по своей природе предоставляет некоторую обстановку этим координатам, но лишь в общем неопределенном виде, поэтому требуется дальнейшая прагматическая тонкая настройка, посредством соотнесения с контекстуальными предположениями. В рамках изолированного предложения наблюдается некоторая семантическая детализация, некоторое сужение значения. Предложение – это проекция что-то вроде несфокусированной пропозиции. В отличие от предложения, текст, стимулирующий со-текстуальные связи, проектирует более лучшую сфокусированную прагматическую картину. Но она все еще далека от удовлетворительной и не ограничивает диапазон возможных контекстов, к которым она может относиться. Чтобы ответить на вопросы о том, какова связь между двумя высказываниями в минимальном тексте, например, или о каком событии идет речь в тексте, нам необходимо создать сценарий, чтобы придать смысл этим высказываниям. Для этого нам необходимо выйти за пределы текста к контексту. Текст помещает значение в фокусе в рамках более узкого диапазона волн, но все еще необходима тонкая контекстуальная настройка.

До тех пор, пока не проведена тонкая настройка, прагматический потенциал значения остается нераскрытым. Процесс сужения значения необходимо осуществлять вплоть до контекстуальных деталей. Это возможно только при условии интерактивного подхода, когда отрицаются оппозиции: «грамматическая» vs. «ориентированная на пользователя» точки зрения, декодирующий vs. инференциальный процессы, со-текстуальные vs. контекстуальные отношения. Только при интерактивном подходе можно найти способы активизации этого континуума и осознать, что код – это виртуальная коммуникация, и как, по существу, он используется, чтобы соответствовать условиям контекстуального значения (9, 23).

Интерактивный подход к процессам интерпретации речи требует от читателя, соответственно, энциклопедических фоновых знаний. «В настоящее время, самое большее, что мы можем сказать, это то, что связанный текст, у которого мало «отсутствующих звеньев», требует

много места, чтобы передать очень мало информации, но не требует большой интерпретирующей «работы», посредством выведения инференций, со стороны читателя. Однако, обычно тексты, которые читатель привычно встречает, характеризуются минимальным количеством формальной связности и предполагают огромный объем существующих фоновых знаний, и обычно требуют от читателя выведения любых инференций, каких бы он ни пожелал, чтобы достигнуть понимания того, что передается» (6, 269-270).

Итак, на основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. В отличие от восходящей модели переработки информации, когда процессы переработки информации разворачиваются во времени, осуществляются поэтапно, при «нисходящем» и интерактивном подходах рефлексивные процессы протекают одномоментно (on-line) в процессе восприятия речи. При этом если при «нисходящем» подходе решающую роль в процессе интерпретации речи играют стереотипы мышления как условия контекстуального значения, а не код и со-текст, то при интерактивном подходе интерпретация речи (или текста) предполагает установление связи между высказываниями говорящих (или языком в тексте) и схематическими конструктами знания, мнениями или убеждениями говорящих (пишущих) за пределами речи (или текста). Таким образом создается дискурс.

Библиографический список:

1. Амосова Н.Н. Английская контекстология. Л., 1968.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования/ Отв. ред. Г.В. Степанов: Практическое руководство для филологов. М., 1981.
3. Кухаренко В.А. Интерпретация текста: Учебное пособие для студентов педагогических институтов. – 2-е изд., перераб. М, 1988.
4. Sperber, D., D. Wilson. Relevance: communication and cognition. Oxford, 1986.
5. Blakemore , D. The organization of discourse // Linguistics: The Cambridge Survey. Vol.4: Language; the socio-cultural context /Ed. by Fr. J. Newmeyer. Cambridge, 1988, pp. 229-250.
6. Brown, Yule 1983 Brown, G., Yule, G. Discourse analysis. Cambridge, 1983.
7. Yule, G. The Study of Language: An Introduction. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

8. Kenworthy, J. Language in action: an introduction to modern linguistics. L., N.Y., 1991
9. Widdowson, H. The conditions of contextual meaning // Context in language learning and language understanding. Cambridge, 1998, pp. 6-23.
10. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. – Cambridge University Press, 1995.
11. Leech, G., J. Svartvik. A Communicative Grammar of English. 2nd ed. Harlow & Associated companies: Pearson Education Ltd., 1994.
12. Gabrielatos, C. Inference: Procedures and Implications for ELT // Методология исследования: дискурс в обучении иностранному языку: Международный сб. науч. тр./ Отв. ред. З.П. Мильруд. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002, с. 30-52.
13. Wilson, D. Relevance and understanding. In G. Brown et al., 1994.
14. Blakemore, D. Understanding utterances. An introduction to pragmatics. Oxford, 1992.

О ПРОБЛЕМЕ АДЕКВАТНОЙ ПЕРЕДАЧИ АВТОРСКОЙ ИНТЕНЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Е.С. Перекопская

**Тамбовский государственный университет им. Г.Р.Державина
Тамбов, Россия**

Поэтический текст является конструкцией, в которой все элементы находятся во взаимном соотношении, а поэтическая функция всегда осложнена эстетическими, семантико-стилистическими коннотациями. При этом остро встает вопрос о значении и смысле поэтического слова. Эстетическая функция непременно предусматривает двойной (непосредственный и опосредованный) смысл слова в поэтическом произведении. Слово в поэтическом языке выступает как знак искусства и мотивируется его законами, а не законами практического языка (1; 25). Выбор слова, как известно, обусловлен авторской интенцией. Рассмотрение авторской интенции имеет решающее значение для интерпретации поэтического текста, а, следовательно, для его адекватного перевода. Особая важность рассмотрения авторской интенции при интерпретации поэтического текста диктуется абсолютным антропоцентризмом художественной коммуникации. Слово в поэтическом тексте получает в дополнение к своему системному значению семантико-прагматические “приращения”, связанные с тем или иным образом авторской “картины мира”. Особенностью поэти-

ческого текста является то, что его интенциональная составляющая всегда не тождественна его семантической стороне. Понятие интенции тесно связано с понятием мысли, которому невозможно найти точное определение. Так, Л.С. Выготский определил мысль как внутренний опосредованный процесс, как путь от смутного желания к опосредованному выражению через значение. Напротив, семантическая сторона формируется на последних этапах порождения поэтического текста, являясь результатом выбора и сочетания конкретных лексем.

При интерпретации поэтического произведения особое внимание следует уделять коммуникативно-прагматической обращенности текстовой информации к адресату-читателю. Поскольку невозможно найти двух людей с одинаковым речевым опытом, с одинаковым мироощущением, интенциональный аспект поэтического текста создает наибольшие трудности при переводе. Процесс перевода осложняется еще и тем, что поэтический текст обладает особой символической системой, для которой свойственна многозначность, и невозможно представить себе одно, наиболее “правильное” его толкование. Рассмотрим это на примере отрывка из стихотворения Р.М. Рильке, переведенного Б.Л. Пастернаком.

(1) Wie ist das klein, womit wir ringen,
Was mit uns ringt, wie ist das gross;
Und so vom grossen Sturm bezwungen,
Wir würden weit und namenlos. (R.M.Rilke. Der Schauende)

(2) Как мелки с жизнью наши споры,
Как крупно все, что против нас!
Когда б мы поддались напору,
Стихии, ищущей простора,
Мы выросли бы во сто раз. (перевод Б.Л.Пастернака)

Прагматическое содержание в двух последних строках четверостишия Р.М.Рильке глубоко скрыто, выражается лишь на имплицитном уровне, и его интерпретация требует от реципиента особой духовной деятельности. Прилагательные “weit” и “namenlos” являются очень многозначными, и если прилагательное “namenlos”, характеризующее субъект “wir”, логически совместимо с ним, то прилагательное “weit”, употребленное по отношению к данному субъекту, имеет яркий метафорический оттенок. Б.Л.Пастернак в своем художественном переводе этой строфы удачно передает форму конъюнктива частицей “бы”, а семантика прилагательного “weit” частично передается глаголом “выросли”, но семантико-прагматический оттенок прилага-

тельного “*namenlos*” остается практически невыраженным. Думается, что само прагматическое ядро, прагматический смысл данной строфы является более открытым по сравнению с текстом оригинала. Внутренний смысл выражается уже эксплицитно. Мы видим продукт интерпретационной деятельности Б.Л.Пастернака и в оценочной семантике перевода, поскольку слово “выросли”, употребленное по отношению к субъекту и имеющее оттенок семантики духовного роста, обладает явной положительной коннотацией, тогда как в тексте оригинала имеет место нейтральная эмоциональная окраска.

Таким образом, при сопоставлении текстов оригинала и перевода имеет смысл говорить о взаимодействии двух пластов, двух интенциональных систем, двух мироощущений, что порождает бесконечно многообразную палитру прагматических оттенков и смыслов.

Библиографический список:

1. Г.О. Винокур. О языке художественной литературы. М.; Высшая школа, 1991.

ДИАЛОГОВАЯ СИСТЕМА АВТОМАТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ НАУЧНОГО ХИМИЧЕСКОГО ТЕКСТА

И.В. Переселяк

**Ивановский филиал Московского коммерческого университета
Иваново, Россия**

В информационном обществе проблемы прикладной, в частности, компьютерной лингвистики, приобретают важное значение в связи с многократным возрастанием информационных потоков и необходимостью целенаправленного отбора и анализа необычной информации.

В центре этих задач находится проблема автоматического анализа и синтеза целостных текстов для получения разнообразных видов семантики сжатых текстов, т.е. автоматизация с помощью компьютера процессов индексирования, аннотирования и реферирования, которая подразумевает моделирование сложных операций преобразования первичной информации во вторичную. Именно от решения этих проблем зависит уровень информированности отечественных ученых, эффективность научных исследований, расширение возможностей обмена научной информацией, интеграция мировой науки.

Диалоговые системы поиска информации в научном тексте должны создаваться совместными усилиями лингвистов, специалистов-экспертов некоторой специальной предметной области (ПО)

знаний и программистов. Так как в подобных системах осуществляется задача семантического анализа текста и его последующая компрессия, необходимо обеспечить различные базы знаний, т.е. обращение к энциклопедической информации, что позволяет отнести эти системы к интеллектуальным.

Нами разработана экспериментальная вопросно-ответная система поиска информации в тексте научной журнальной статьи, действующая в диалоговом режиме на обычном персональном компьютере. Проблемно-ориентированная система обрабатывает тексты ПО "химия протона", т. е. рассчитана на определенную группу специалистов и на решение четко поставленных информационных задач для сотрудников Института химии растворов РАН. В результате работы алгоритма обрабатываются тексты научных публикаций на английском языке, из которых пользователь получает краткие ответы на запросы по основному содержанию статьи в виде фрагмента текста, представляющих собой именные словосочетания с переводными эквивалентами.

Задача подобной диалоговой системы состоит в формировании общего представления о содержании текста, которое дает пользователю возможность быстро получить информацию и решить, стоит ли обращаться к полному тексту статьи. Таким образом, пользователь получает аналог информативного реферата статьи.

Выбор уровня именных словосочетаний в качестве основной языковой единицы, с помощью которой осуществляется автоматический анализ текста, способствует значительному упрощению как процедур анализа текста, так и построению рациональной структуры лингвистического обеспечения системы. Известно, что анализ текстов в данных системах осуществляется с помощью формальных процедур и лексикографической базы данных, включающих не только лингвистические сведения, но и принципы представления логических, предметных и прагматических правил организации текста для распознавания его содержания (2, 44).

Научный текст, как это неоднократно подчеркивалось исследователями стиля научной литературы, репрезентирует результат речемыслительной деятельности, оформляемой в виде некоторой комбинации естественно-языковых знаков. Будучи особой знаковой моделью некоторого мыслительного содержания, текст воспроизводит фрагмент целостной концептуальной системы знания о некоторой ПО, проблемную ситуацию, а также часть системы знаний автора

текста. Семантика научного текста представляет собой, таким образом, сложное структурированное образование, которое не находится во взаимнооднозначных отношениях с языковыми явлениями, что является серьезным препятствием на пути формального анализа семантики текста. Смысл текста, как считают специалисты, принципиально не формализуем в рамках кибернетических подходов (3, 75).

Основное предметное содержание научного текста концентрируется, как известно, в номинативных конструкциях, которые образуют языковой материал этого текста, насчитывая до 75% от общего лексического состава (1, 54). Именные словосочетания представляют собой семантически целостные фрагменты текста, обладая большим разнообразием синтаксических структур и средств из лексического наполнения и морфологического оформления. Именные терминологические словосочетания (ИТС) устойчивого характера, являясь наименованиями понятий, выполняют функцию носителей единиц знания. Выбираемые алгоритмически из текста информационно-значимые ИТС могут служить ответами на вопрос, сохраняя естественно-языковую форму и семантическую, и коммуникативную достаточность. Таким образом, единицами автоматического словаря (АС) для анализа научного текста чаще всего служат именно ИТС, причем создание подобного словаря связано с общими проблемами отраслевой терминологии и терминографии.

Идентификация в специальных текстах ИТС представляет собой во многих случаях сложную задачу, т.к. не существует однозначных подходов к определению их границ, лингвистического статуса и степени их устойчивости. Но именно не однословные номинальные конструкции составляют большинство терминов во многих терминосистемах, причем наиболее частотными оказываются двухсловные и трехсловные словосочетания, которые обозначают сложные понятия, как правило, это объекты и их признаки. Устойчивые ИТС закладываются в лингвистическую информационную базу диалоговой системы в качестве базы данных АС.

Структура запроса строго задается в виде меню и соответствует информационным запросам пользователей и их прагматическим установкам.

Аналогичные диалоговые системы для автоматического анализа научных текстов можно создать для множества предметных областей; их работа может совершенствоваться за счет усложнения процедур анализа, введения синтаксического компонента и все более совершенных баз знаний.

Библиографический список:

1. Герд А.С. Логико-понятийная структура научного текста и его семантика// Вопросы семантики. Калининград, 1978.
2. Котов Р.Г., Новиков А.И., Скокан Ю.П. Прикладная лингвистика и информационная технология. М., 1987.
3. Файн В.С. Машинное понимание естественного языка в рамках концепции реагирования // Интеллектуальные процессы и их моделирование. М., 1987.

АКТИВИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБУЧАЕМЫХ В УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНО- ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБЩЕНИЯ

В.Д. Португалов

Российская Правовая Академия

Москва, Россия

Социологические исследования профессиональной деятельности выпускников вузов свидетельствуют о целом ряде недостатков в работе новоиспеченных специалистов: отсутствие творческой инициативы, пассивность, неумение осуществлять профессиональные контакты и т.д.

В связи с этим важной задачей является активизация личностных и деятельностных характеристик обучаемых, развитие их творческих способностей в условиях профессионально-ориентированной деятельности.

Одним из средств для достижения данной цели является использование профессионально-ориентированных деловых игр. Проведение деловых игр предусматривает совместную деятельность, в процессе которой происходит активное личностное включение каждого студента в совместную работу, осуществляется развитие межличностных отношений, создается социально психологический климат в группе, способствующий ее сплочению и превращению в творческий коллектив.

Как известно, деловая игра характеризуется следующими основными признаками:

1. Наличие объектов моделирования и распределения ролей между участниками игры.
2. Взаимодействие участников игры.

3. Наличие общей цели игрового коллектива, достижение которой обеспечивается взаимодействием участников игры.
4. Автооценка результатов игры.
5. Побуждение каждого из участников игры действовать "как в жизни" и др.

Основными компонентами деловой игры, как правило, являются:

1. Постановка целей и задач игры.
2. Изучение исходной информации.
3. Решение поставленных задач в процессе игры.
4. Анализ игры и подведение итогов.

Необходимо отметить, что профессионально-ориентированное общение в процессе деловой игры требует от учащихся более высокого уровня владения иноязычной речью по сравнению с уровнем повседневного общения. Профессиональное общение на иностранном языке требует дополнительного усвоения вокабуляра конкретной специальности, оно характеризуется несколько иной грамматикой и т.д. Вместе с тем, оно опирается на повседневное общение, и обучение ему представляет собой второй этап коммуникативной подготовки студентов.

Несмотря на возможное разнообразие моделей обучения на данном этапе подготовки, можно выделить ряд общих моментов, характерных для различных моделей:

1. В качестве основы преподавания остаются базовые положения метода активации.
2. Большое внимание уделяется обучению монологической речи. В соответствии со стратегией метода активации обучение устной речи должно строиться от диалога к монологу; этот путь согласуется с принципами коммуникативной лингвистики и психологии общения, а также с возможностями учащихся. При обучении монологической речи реализуются основные принципы метода активации. Предложенные задания должны моделировать ситуации общения, максимально приближенные к естественным, обеспечивать необходимую мотивацию речевого акта, содержать коммуникативно-познавательные задачи и т.д.
3. Наиболее эффективным представляется такое обучение, при котором речевые ситуации будут строиться с включением чтения, а в ряде случаев, и письма. Например, можно построить задание таким образом, чтобы без чтения какого-то текста (документа, технического описания, письма) нельзя было бы действовать в речевой ситуации.

4. На этапе обучения профессиональному общению отбор текстов должен осуществляться с учетом специфики специальной литературы. Очевидно, не все без исключения тексты абсолютно пригодны для поставленной задачи. Целесообразно отбирать тексты, которые имеют определенную коммуникативную окраску и содержание которых может служить предметом для дальнейшего обсуждения, диспута и т.д.

При реализации данного этапа обучения предпочтительнее вначале предлагать учащимся материалы научно-популярного характера и только затем переходить к узкоспециальным материалам.

С внедрением в учебно-воспитательный процесс деловых игр существенно меняется роль преподавателя – организатора этого процесса. От сотрудничества преподавателя со студентами, их взаимоотношений и взаимодействий зависит эффективность проведения деловой игры, активизация психических возможностей всех членов группы. Знание преподавателем личностных особенностей обучаемых позволяет максимально реализовать творческие резервы каждого из них.

Новые функции преподавателя состоят в том, что он является не только источником информации, но сценаристом и режиссером, разрабатывающим план игры и распределяющим роли с учетом личностных параметров обучаемых, организатором социально-психологического климата и межличностных отношений в группе.

Опыт использования деловых игр подтверждает их важную роль в подготовке современного специалиста, развитии профессионально-деловых качеств, осуществлении социального взаимодействия в коллективе и активизации творческого потенциала личности.

ВЛИЯНИЕ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ НА ИЗМЕНЕНИЕ ИЛЛОКУТИВНОЙ ФУНКЦИИ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

И.Н. Праслова

**Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
Тамбов, Россия**

В традиционной грамматике описанию повествовательного предложения как предложения определенного коммуникативного типа уделяется очень мало внимания. Оно характеризуется как исходный, нейтральный тип предложения. Точное определение повествовательного предложения дает В.Г. Адмони, который считает основной функцией предложения повествовательного типа выражение

определенного содержания, сообщение о нем другим людям. Однако это сообщение, как отмечает автор, “всегда само по себе имеет активный динамический характер - в повествовательном предложении всегда что-нибудь утверждается или отрицается. Таким образом, повествовательное предложение отнюдь не является пассивной регистрацией того или иного факта, явления и т.п., а активным и целенаправленным компонентом человеческого общения” (1; 188).

Специфика повествовательного предложения состоит в том, чтобы довести до сведения адресата сообщение о фактах, событиях, явлениях и т.п.: “Die Spezifikation einer Äußerung als Aussage entspricht der Operation, ein gegebenes Abbild der Wirklichkeit zur Kenntnis zu nehmen, d.h. als relativ bestätigtes, relativ verlässliches, der Wirklichkeit entsprechendes Wissen aufzubewahren. Wenn eine Aussage vorliegt, will der Sprecher, daß der Hörer den dargestellten Sachverhalt glaubt” (3; 93).

Разграничивая употребление повествовательного предложения в плане информации и плане коммуникации, Е.В. Милосердова подчеркивает, что в плане коммуникации его исходная семантика, заключающаяся в обозначении какого-то очевидного факта, часто “не имеет ничего общего с теми коммуникативными целями, которые преследует говорящий, используя его в своей речи, и именно поэтому его истинный смысл никогда не будет исчерпываться его денотативным содержанием. Оно, это объективное содержание, является всегда лишь отправной точкой, поводом для передачи глубокого субъективного смысла, который и составляет истинный мотив, настоящую цель его произнесения”, и который в устах говорящего призван оказать влияние на слушателя (2; 81).

На изменение иллокутивной функции повествовательного предложения, как правило, влияет включение в его структуру модального глагола. Иными словами, функционирование самого повествовательного предложения становится зависимым от модального глагола, так как он способен трансформировать его в другой тип. Эта зависимость связана с тем, что модальные глаголы, являясь составной частью предикативной основы предложения, с одной стороны, и способные в силу своего лексического значения выражать субъективное отношение к чему-либо, с другой стороны, находятся, таким образом, на пересечении семантической и прагматической осей предложения-высказывания.

Анализ показывает, что некоторые модальные глаголы благодаря своей семантике способствуют переходу повествовательного предложения в другой коммуникативно-функциональный класс, на-

пример, побуждение. Это относится в первую очередь к глаголам müssen, können, sollen, dürfen. Например:

(1) “Sie sollen ruhig bleiben und nicht sprechen, meldete sich die Ärztin”... [Kriminalistenpunsch, S. 48].

(2) “Du sollst ins Soziologische Seminar gehen und da mit dem GD reden” [Der Campus, S. 231].

(3) “...Und die Uhr unter dem Glassturz auf dem Vertiko, die sollst du nicht aufziehen und ich auch nicht, das kann nur sie allein.” [Kleiner Mann, S. 35].

Данные предложения могут быть легко трансформированы в императивные, ср.:

(1)’ “Bleiben Sie ruhig und sprechen Sie nicht!”

(2)’ “Geh ins Soziologische Seminar und rede da mit dem GD!”

(3)’ “Zieh die Uhr unter dem Glassturz auf dem Vertiko nicht auf!”

Но сопоставление этих параллельных форм обнаруживает их прагматические расхождения: резкость, даже некоторая грубость императива в структурах с модальным глаголом sollen уходит на задний план и может даже исчезать. Поэтому тот факт, что говорящий предпочитает предложения, содержащие модальный глагол sollen, императивным формам, объясняется прагматическими предпосылками, обусловленными ситуативными и индивидуальными причинами.

В высказываниях с модальным глаголом sollen на первый план выдвигаются интересы слушателя. Употребление данного глагола для выражения побуждения к действию может придать высказыванию различные прагматические оттенки – от категоричного требования/приказа до вежливого совета, рекомендации/просьбы.

Библиографический список

1. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973.
2. Милосердова Е.В. Семантика и прагматика модальности. Воронеж, 1991.
3. Grundzüge einer deutschen Grammatik / von einem Autorenkollektiv unter Leitung von K.E. Heidolph, W. Flämig, W. Motsch. Berlin, 1984.

НЕМЕЦКО-РУССКИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ТРАНСФЕРЫ В РАМКАХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е.Б. Рябых

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

Тамбов, Россия

profkom@tsu.tmb.ru

Едва ли можно оспорить тот факт, что в языке любого народа, как в зеркале, отражается действительность, непосредственным создателем и созерцателем которой он является, и что в настоящее время ведутся активные поиски способа её познания. Одним из возможных способов, на наш взгляд, является перевод с исходного текста (ИТ) на конечный текст (КТ), так как та или иная культура может раскрываться только посредством перевода «чужих» объектов. При этом, как отмечает Т.А. Фесенко, воспринимаемый переводчиком исходный текст никогда не будет наполнен для него тем смыслом, который вкладывал в него автор, поскольку каждая культура имеет в своей основе собственную систему социальных стереотипов, образов и когнитивных схем, а за каждым вербальным знаком стоит фрагмент образа мира данной конкретной культуры, репрезентируемый, в частности, концептами (7; 179). Следовательно, переводу должны подвергаться не вербальные знаки, а стоящие за ними концепты, которые трактуются как некие смыслы в отличие от словарно закрепленных значений.

Ни у кого не вызывает сомнения, что эта действительность не просто копируется, а в значительной степени преломляется в сознании народа, проходя сквозь линзы национального мировоззрения. Однако определенная её часть воспринимается тождественно представителями различных народов.

Метафора, интерпретируемая в данной работе как лингвоментальный конструкт, обусловленный взаимодействием или сопоставлением двух сущностей, явлений на основании сходства или аналогии между ними, то есть нахождения их общих признаков (1; 8), способствует как выявлению «национальных смыслов» и, следовательно, выделению особенностей различных менталитетов, так и обнаружению «устойчивых универсальных смыслов», присущих ряду народов и способствующих их непосредственному сближению. Во многом это становится возможным благодаря тому, что она играет немаловажную роль в процессе концептуализации, под которым по-

нимается осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов или других ментальных структур (2; 22). Однако, по мнению М.В. Никитина, в любом случае, даже при формировании нового концепта, некий его образ уже предпослан процессу метафоризации: метафорически выражаемый концепт уже зарожден в сознании, в какой-то форме, хотя бы интуитивно, уже существует в нем. В познавательном плане метафора не генерирует новые понятия и представления, а служит повивальной бабкой, помогая им выйти на свет из сумерек сознания (5; 257). При этом метафора не только проясняет и выражает один концепт через другой и его имя, а, как отмечает Е. Эткинд, взаимно отражает их – «сопрягаемые явления, все снова и снова друг в друге отражаясь, объясняют друг друга» (4; 134).

Сопоставим метафорическое осмысление концептов «ЛУНА» и «СОЛНЦЕ» в инвариантных и вариантных поэтических текстах немецкого и русского языков и попробуем выявить в них «устойчивые универсальные» и «национально-специфические» смыслы. По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, в близких концептах разных культур национальная специфика проявляется в том, что сопоставимые концепты оказываются неполностью совпадающими по своему содержанию, причем именно несовпадения могут быть очень существенны для межкультурной коммуникации (6; 20).

В результате осмысления концептуальных метафор, русской и немецкой лингвокультур складывается образ «ЛУНЫ» (*die Luna*) как мягкой, кроткой, нежной и печальной женщины, которая все еще любит своего красавца мужа, как заботливой, но несчастной матери, богини.

Показателен следующий пример:

*Aber des Nachts, / Am Himmel, wandelt Luna,
Die Arme Mutter, / Mit ihren verwaisten Sternenkindern.*

А ночью / По небу бродит луна,

Бедная мать, / Со своими сиротками-звездами.

(Heine H., «Sonnenuntergang», s. 107 /

Гейне Г., «Закат солнца», с. 89 (пер. М. Михайлова)

К образу «ЛУНЫ», характерному для русской культуры, следует также добавить, что у нее есть сердце, через которое она «профильтровывает» все свои чувства:

Die weiche Luna! Weiblich gesinnt / Liebt sie noch immer den schönen Gemahl

(Женским незлобивым сердцем / Все ещё любит луна / Своего красавца мужа) (там же)

В ИТ автор обращает особое внимание на различия между мужским и женским типом мышления («*weiblich gesinnt*»), в то время как автор КТ заостряет особое внимание на том, что ЛУНА любит «*женским сердцем*». При этом автор ИТ и переводчик репрезентируют образы сознания своего лингвокультурного сообщества. Если в немецком языке упор делается на рассудочность немецкого характера, то для русской ментальности характерно обращение к душе, сердцу.

Метафорическое осмысление концепта «СОЛНЦЕ» (*der Sol / die Sonne*) представителями двух лингвокультур во многом совпадает. Оно предстает как в образе бога, так и богини, но в русском языке это выражается имплицитно и проясняется только из контекста, например:

*Einst am Himmel glänzten, / Eh'lich vereint,
Luna, die Göttin, und Sol, der Gott, /
Und es wimmelten um sie her die Sterne, / Die kleinen, unschuldigen Kinder.*

*Некогда в небе сияли, / В брачном союзе,
Луна – богиня и Солнце – бог; /
А вокруг их роились звезды, / Невинные дети – малютки.*

(там же)

Ср.: *Die Sonne sei / Eine schöne Frau, die den alten Meergott
Aus Konvenienz geheiratet...*

*Солнце-Красавица, что ради почета /
Вышла замуж за дряхлого бога морей...*

(Heine Н., «Untergang der Sonne», s. 127 /

Гейне Г., «Закат солнца», с. 101 (пер. Г. Ратгауза)

К образу «СОЛНЦА», характерному для представителей двух рассматриваемых лингвокультур, следует также добавить, что оно может быть гордым, упрямым и безутешно покорным, а также радовать окружающих своим теплым и светлым взглядом, за что воспето, хвалимо и любимо, например:

Versteht sich! bricht dann aus in Tränen / Die stolze Sonne und klagt ihr Elend...

Конечно же, горько рыдает / Гордое солнце и жалуется на судьбу...

(Heine Н., «Untergang der Sonne», s. 128 /

Гейне Г., «Закат солнца», с. 102 (пер. Г. Ратгауза)

Отметим, что в данном отрывке из стихотворения Г. Гейне «Закат солнца» авторы ИТ и КТ репрезентируют образы сознания своего лингвокультурного сообщества, так как автор КТ, заостряет внимание на том, что солнце «*жалуется на судьбу*», в то время как автор ИТ обращает внимание на его беду, жалкое состояние («*ihr Elend*»). Если представители русского лингвокультурного сообщества часто ищут причину своих неудач в других и полагаются на случай, то представители немецкого социума не привыкли жаловаться на судьбу.

Ментальные миры могут быть как отражением мира действительного (базисный ментальный мир), так и конструироваться сознанием (вторичные ментальные миры – мнимые и смешанные) (5; 256). Сообразно этому концепты могут быть как отражением сущностей действительного мира, так и в той или иной мере конструктами самого сознания. Как отмечает В.И. Карасик, на более ранних этапах своей истории человек, по-видимому, противопоставлял себя природе, и природные силы (стихия, животный мир, происходящие с человеком естественные процессы) наделялись сверхъестественными характеристиками и, в соответствии с человеческим свойством все приравнивать к человеку, одушевлялись (3; 5). В связи с этим концептуальные метафоры «*ЛУНА - БОГИНЯ*», «*СОЛНЦЕ – БОГ, БОГИНЯ*», на наш взгляд, являются конструктами самого сознания.

Итак, метафорическое осмысление концептов «*ЛУНА*» и «*СОЛНЦЕ*» в инвариантных и вариантных поэтических текстах немецкого и русского языков во многом совпадает, что в данном случае объясняется «общим мифологическим фондом» культур, различия в структуре которого касались только деталей и в целом не были особенно велики. Однако выявление национально-специфических особенностей является существенным для оптимизации межкультурной коммуникации.

Библиографический список:

1. Бабурина Е.В. Явление интерференции в создании и переводе метафоры (на материале англоязычных и русскоязычных художественных текстов): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Пермь, 2001.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2000.
3. Карасик В.И. Языковая личность как индикатор культуры // Проблемы лингвокультурологии и теории дискурса. Сб. науч. трудов. Волгоград, 2003, 5-15.

4. Несытые слова: Сборник памяти М.В. Тростникова / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М., 2000.
5. Никитин М.В. Метафора: уподобление vs. интеграция концептов // С любовью к языку: Сборник научных трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. Москва – Воронеж, 2002. С. 255-270.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2002.
7. Фесенко Т.А. Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода: Учебное пособие. Тамбов, 2002. - 228 с.

Список источников примеров

1. Гейне Г. Избранные сочинения. - М.: Художественная литература, 1989. – 702 с.
2. Heine H. Ausgewählte Werke. In zwei Bänden. B. I. – М.: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1951. – 576 s.

К ВОПРОСУ О ВЕРБАЛЬНОМ ОБОЗНАЧЕНИИ ЖЕСТОВ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Л.А. Самокатова

**Шуйский государственный педагогический университет
Шуя, Россия**

При сравнении оригинальных текстов с их русским переводом, довольно часто обнаруживаются явления, связанные с разным видением мира носителями французского и русского языков. В частности, много интересных наблюдений можно сделать при анализе описания различных жестов на французском языке и способы передачи их на русский язык.

В своей работе мы не будем касаться вопросов, посвященных жестам, которые различаются в двух языках, и жестам, которые одинаковы, но по-разному интерпретируются. Нас интересуют жесты, которые одинаково выглядят и одинаково интерпретируются носителями как французского, так и русского языков, но их вербальное обозначение в двух языках различается. В частности, по-разному обозначаются в русском и французском языках движения рукой и пальцами руки. Это в первую очередь связано, как известно, с неполным совпадением области значения французских лексических единиц *main, bras, doigt, paume* и их русских соответствий *рука, палец, ладонь*. Во-вторых, нельзя забывать о случаях разной сочетаемости слов в русском и французском языках. И, наконец, может меняться угол зрения, под которым рассматривается какой-либо жест при переходе, скажем,

от французского языка к русскому. Попробуем проиллюстрировать сказанное с помощью ряда примеров, взятых из французских художественных произведений и из их переводов на русский язык.

1) *J'ouvris les doigts et Julia resta en arrière.* (P. Voileau, T. Narsejac. Les louves) – *Я разжал пальцы, и Жюлия осталась позади.* (Пер. Т. Чугуновой)

2) *Il ferma les doigts.* (P. Voileau, T. Narsejac. Les louves) – *Он сжал ладонь.* (Пер. Т. Чугуновой)

Анализируя первый пример, мы видим, что французы мыслят данный жест как «раскрывание» пальцев, которые были до этого «закрыты», тогда как русские пальцы «разжимают», поскольку те были «сжаты». Аналогичную природу во втором примере имеет соответствие *fermer* ® *сжать*. Кроме того, обнаруживается возможность перевода слова *doigts* как *ладонь*. Этот перевод не предусмотрен словарем. В данном случае имеет место замена как один из видов переводческих трансформаций. Подобную замену мы встречаем в переводе фразы:

Clément ramassa le chapeau de paille, abandonné sur la dalle, et en glissa le bord entre les doigts d'Hermantier. (P. Voileau, T. Narsejac. Les visages dans l'ombre) – *Клеман поднял соломенную шляпу, забытую на плите, и сунул ее полями в ладонь Эрмантье.* (Пер. Г. Беляевой)

Тот факт, что специальные лексические единицы для обозначения каждого пальца во французском языке более компактны, чем русские словосочетания «большой палец», «указательный палец» и т.д. позволяет французам использовать их чаще. И это не утяжеляет фразы. При переводе на русский язык иногда приходится опускать данные лексические единицы, чтобы не делать фразу слишком громоздкой, жертвуя при этом точностью и наглядностью. Например:

Simon [...] essuya prestement ses lunettes avec ses pouces. (M. Druon. Les Grandes Familles.) – *Симон торопливо протер очки.* (Пер. Я. Лесюка)

Русский читатель может себе представить, что очки были протерты, скажем, носовым платком, а не большими пальцами рук. Но эта потеря не столь существенна в данном случае, зато внимание читателя не привлекается излишней громоздкостью фразы.

Определенные трудности перевода, как известно, возникают при несовпадении сочетаемости слов. Например, во французском языке существует параллель *le dos de la main* – *le dos du doigt*. В русском языке аналогичной параллели нет, говорят "тыльная сторона руки" но

не говорят "тыльная сторона пальца". В этом случае переводчики могут либо использовать выражение "согнутый палец", например:

...il leur arrive, au plus fort d'une course, de s'appuyer encore sur le dos des doigts, à la façon des chimpanzés. (Vercors. Les animaux dénaturés) – ...бывает, что при быстром беге они опираются на **согнутые пальцы**, точно так, как это делают шимпанзе. (Пер. Г. Сафроновой и Р. Закарянц)

Либо вообще не передают слово *dos*:

Il [...] frappa du dos de l'index les trois coups rituels. (Hervé Bazin. Madame Ex) – ...он [...] трижды постучал в дверь **указательным пальцем**. (Пер. Ю. Жукова и Р. Измайловой)

Здесь оказалось возможным опущение слова *dos*, поскольку в дверь стучатся, как правило, внешней стороной согнутого пальца, т.е. это само собой разумеется.

Вопрос о правомерности того или иного переводческого решения можно решать неоднозначно. Например, в следующем отрывке сочетание *le dos de la main* было переведено просто как *ладонь*:

Est-ce qu'il y a seulement de l'encre dans son stylo? Il essaye la plume sur le dos de sa main et ensuite lèche sa peau. (P. Voileau, T. Narsejac. Les visages dans l'ombre) – *Есть ли только в ручке чернила? Он пытается определить на ладони, пишет ли перо, пробует кожу на вкус.* (Пер. Г. Беляевой)

В оригинале герой пишет пером по внешней стороне кисти руки, тогда как русское слово *ладонь* ассоциируется, прежде всего, с другой, внутренней стороной. Т.е. в переводе получилось описание несколько другого жеста. Как один из возможных вариантов более точного перевода мы можем предложить следующий:

Только есть ли в ручке чернила? Он черкает пером по тыльной стороне ладони, затем пробует кожу на вкус.

С другой стороны отсутствие дословного перевода сочетания *тыльная сторона* позволяет не перегружать фразу. Нам кажется, что в данном случае оба решения можно признать правомочными.

Следует отметить, что русское выражение «тыльная сторона» по-французски может передаваться не только словом *dos*:

Il essuya le menton d'un revers de bras. (P. Voileau, T. Narsejac. Les visages dans l'ombre) – *Он вытер подбородок тыльной стороной руки.* (Пер. Г. Беляевой)

Из-за несовпадения области значения лексем *bras* и *рука* читатель оригинала и читатель перевода могут по-разному представить себе данный жест. Слово *bras* позволяет французскому читателю

французского варианта понять, что человек вытер подбородок рукавом, в то время как читающий русский перевод может подумать что, возможно, речь идет о тыльной стороне ладони.

Продолжая разговор о разной сочетаемости слов в русском и французском языках, приведем еще один пример, где встречается сочетание *le creux de la main*.

Il la reçut dans le creux de sa main. (P. Boileau, T. Narsejac. *Les visages dans l'ombre*)

Речь идет о лампочке (т.е. гладком, округлом предмете), которую вложили в руку слепому человеку, и он ее при этом обхватил пальцами. По-французски очень точно передана форма, которую приняла кисть руки. Переводчик произвел замену: *main* → *ладонь*. При этом слово *creux* осталось не переданным.

Он взял ее на ладонь. (Пер. Г. Беляевой)

Является ли данный перевод адекватным? Читатель русского перевода не получает исчерпывающей информации, какую форму приняла кисть руки, но поскольку эта деталь совершенно несущественна в данном контексте, ею вполне можно пренебречь при переводе.

Некоторые движения во французском языке обозначаются более наглядно, чем в русском языке. Приведем пример:

Quand le navire commença lentement de s'éloigner du quai, Frances leva un peu la main, la porta à ses lèvres, et Doug fit le même. Et ils s'agitèrent les doigts sans cesser de sourire, jusqu'à ce que le bâtiment eût disparu derrière le mole. (Vercors. *Les animaux dénaturés*) – *Когда судно отвалило от берега, Френсис поднесла руку к губам, и Дуг сделал тоже самое. И так, не переставая улыбаться, они посылали друг другу воздушные поцелуи, пока пароход не скрылся за молем.* (Пер. Г. Сафроновой и Р. Закарьянц)

Сравнивая оригинал с переводом, мы должны признать, что в оригинале более наглядно передан жест воздушного поцелуя, действительно часто сопровождающийся характерными движениями пальцев. В соответствующем русском вербальном эквиваленте эта деталь отсутствует, как бы остается незамеченной. Приведем еще один пример (отрывок из эмоциональной, подкрепленной жестиком речью персонажа):

“[...] *Les Pluvignec, tu sais bien...*”

Geste tranchant de la paume droite.

“... *n'ont pas de conviction.*” (Hervé Bazin. *Vipère au poing*)

– [...] *Ты же знаешь, у Плювиньегов...*

Резкий взмах правой рукой.

– ... *нет убеждений.* (Пер. Н. Немчиновой)

Поскольку французское вербальное обозначение более конкретно, то у читающего оригинал возникает вполне конкретный образ: прямая ладонь, рассекающая воздух. У читающего перевод возникающий образ менее определенный. Но следовало ли переводчику стремиться к точному словесному воспроизведению данного жеста? Думается, что нет, ибо более конкретное вербальное обозначение данного жеста органично для французского языка, но не является таковым для русского языка. Мы получим тяжеловесную фразу, которая привлечет излишнее внимание, что не было предусмотрено автором оригинала. Переводческая трансформация в данном случае оправдана.

Рассмотрим еще одну фразу:

Douglas, d'un mouvement de main par-dessus l'épaule, envoya son rendez-vous au diable... (Vercors. Les animaux dénaturés)

Тот факт, что движение ладонью производится действительно выше уровня плеча, подмечен французами и нашел свое вербальное выражение. Для носителя русского языка эта деталь несущественна, поэтому перевод может звучать так:

Дуглас, махнув рукой, послал к черту свое деловое свидание. (Пер. Г. Сафроновой и Р. Закарьянц)

Очень наглядно во французском языке вербальное обозначение характерного жеста, когда человек, напряженно прислушиваясь, прикладывает руку к уху.

Hermantier fit quelques pas dans l'allée, mais il eut beau s'appliquer, mettre en cornet sa main autour d'une oreille, puis de l'autre, c'était fini. La cloche s'était tue. (P. Boileau, T. Narsejac. Les visages dans l'ombre)

Поскольку в русском языке не существует такого же наглядного словесного обозначения для данного жеста, приходится довольствоваться нейтральной конструкцией «прикладывать руку к уху», пояснив цель этого прикладывания: «чтобы лучше слышать».

Эрмантье сделал несколько шагов по аллее, но напрасно он старался прикладывать к уху то одну, то другую руку, чтобы лучше слышать, – все кончилось. Колокол замолчал. (Пер. Г. Беляевой)

В следующем отрывке речь идет о слепом человеке, который передвигается, держа руки на уровне груди ладонями вперед, чтобы не наткнуться на препятствие.

Et peu à peu, presque à son insu, sa démarche se fit plus incertaine,

ses mains s'ouvrirent devant sa poitrine comme pour la protéger d'un choc. (P. Voileau, T. Narsejac. *Les visages dans l'ombre*) – Мало-помалу, почти невольно, походка его сделалась более неуверенной, ладонями он прикрывал грудь, словно хотел защититься от удара. (Пер. Г. Беляевой)

В оригинале то, что ладони были направлены вперед, а не прижаты к груди (как можно подумать, читая перевод) заключено в выражении *ses mains s'ouvrirent*. Поскольку подобрать краткое и емкое русское соответствие, довольно затруднительно, эта деталь была потеряна, и русский читатель, скорее всего, представит человека, прижимающего ладони к груди.

В следующем отрывке героиня так торопливо надевает свой халат, что обе руки оказываются в рукавах одновременно. Переводчики опустили эту деталь, перевод стал менее образным.

Aline soudain se jette sur sa robe de chambre, enfle les deux bras à la fois, noue la ceinture d'un coup sec. (Hervé Bazin. *Madame Eх*) – Алина вдруг хватается свой халат, натягивает его, нервно завязывает пояс. (Пер. Ю. Жукова и Р. Измайловой)

Сравнивая французские оригинальные тексты с их русскими переводами, иногда можно обнаружить явные переводческие ошибки. В качестве образца, иллюстрирующего нашу тему, можно предложить следующую фразу:

Hermantier riait, les pouces aux aisselles, les doigts tambourinant sa poitrine. (P. Voileau, T. Narsejac. *Les visages dans l'ombre*) – Эрмантье посмеивался, то заложив руки под мышки, то барабанил пальцами по груди. (Пер. Г. Беляевой)

В оригинале описана поза человека, который посмеивается довольный собой. Нельзя сказать, что данная поза характерна для всех людей. Но, тем не менее, мы легко можем себе представить человека с согнутыми в локтях руками, при этом большие пальцы у него упрутся под мышки, а остальными пальцами он постукивает себя по груди, не меняя положения рук. В переводе получается, что герой постоянно двигает руками, да и выражение *заложив руки под мышки* можно интерпретировать как «заложив правую руку под левую мышку и наоборот», что не соответствует оригиналу. Следует признать, что данный перевод не является адекватным. Но выполнить абсолютно точный перевод в данном случае не представляется возможным, так как в русском языке нет готового вербального обозначения данной позы. Чтобы в переводе передать общий вид позы, придется пренебречь какой либо деталью. К примеру:

Эрмантье посмеивался, упершись руками под мышки и барабана пальцами по груди.

В целом анализ примеров, посвященных описанию различных жестов, заставляет нас взглянуть под другим углом зрения на, казалось бы, общеизвестные явления человеческой жизни, понять, насколько же может отличаться видение этих явлений носителями разных языков.

То, что русские переводы описаний различных жестов зачастую оказываются не такими образными и наглядными, не означает, что русский язык беднее в средствах выражения. Анализ вербального обозначения жестов в произведениях русских авторов и их переводах на французский язык, несомненно, выявит противоположные случаи более ярких русских описаний, которых нельзя добиться средствами французского языка.

КОМПЕНСАЦИЯ КАК ВИД ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Л.А. Самокатова

**Шуйский государственный педагогический университет
Шуя, Россия**

Среди разнообразных видов переводческих трансформаций особое место занимает компенсация. В силу своей специфики она в большей степени, чем другие виды трансформаций требует от переводчика творческого подхода. Мы можем найти примеры удачных переводческих решений в произведениях художественной литературы.

Довольно часто у переводчика возникает необходимость передать средствами русского языка какие-либо отклонения от нормы французской речи, скажем, речи ребенка.

– *Chtéchine, dit Félix encore trop porté sur les chuintantes pour être aisément comprehensible.* (Э. Базен. Анатомия одного развода.)

Разные фонетические системы русского и французского языков являются причиной некоторых различий в дефектах произношения французских и русских маленьких детей. Переводчики должны подобрать неправильности произношения, которые характерны для русских детей, поэтому они вынуждены изменить лексическое наполнение фразы.

– *Я лисую, заявил Феликс, еще не научившийся отчетливо произносить букву «р», и потому его трудно понять.* (Пер. Ю. Жукова и Р. Измайловой)

Если в речи персонажей встречаются грамматические ошибки, то из-за расхождения в грамматической системе двух языков не всегда возможна адекватная передача их на другой язык. В таких случаях приходится подбирать грамматические ошибки, свойственные русскому языку.

“Pourquoi qu’elle n’écrit jamais?”

– *On dit: Pourquoi n’écrit-elle jamais?* (Э.Базен. Змея в кулаке.)

– *Почему же она никогда не напишет?*

– *Следует говорить – почему она никогда не пишет.* (пер. Н. Немчиновой.)

Во время работы над романом Э.Базена «Анатомия одного развода» переводчики дважды столкнулись с использованием автором в тексте латинских слов. Вот как, например, они решили данную проблему в первом случае.

– *Rosa, rosae, rosam... déclinaît tendrement Louis.*

Un vieux code, ridicule et charmant, entre père et fille: A tous les cas, dans tous les cas, la petite rose à papa! (Э.Базен. Анатомия одного развода.)

– *Роза, розочка, розанчик ты мой... – нежно говорит Луи.*

Это их код, смешной и нежный, давно существующий между отцом и дочерью. Всегда и всюду – папина розочка! (Пер. Ю.Жукова и Р.Измайловой)

К сожалению, переводчики были вынуждены опустить тот факт, что имя девочки изменяется по падежам, хотя это дважды повторяется в оригинале и глаголом *décliner* и выражением *à tous les cas, dans tous les cas*, где обыгрывается двойное значение слова *cas* (*случай* и *падеж*).

В романе Э.Базена «Змея в кулаке» встречаются отрывки с использованием игры слов, что делает их перевод весьма затруднительным. Тем не менее, следует отметить, что переводчица Н. Немчинова хорошо справилась с этой задачей, и мы хотим привести здесь некоторые удачные переводческие находки в качестве примера использования приема компенсации.

“La Belle Angerie”? *Un nom splendide pour séraphins déchus, pour mystiques à la petite semaine. Disons tout de suite qu’il s’agit d’une*

déformation flatteuse de la “Boulangerie”. Mais ajoutons que “l’homme ne vit pas seulement de pain, mais de toute parole qui sort de la bouche de Dieu”, et l’altération du toponyme se trouvera justifiée, car je vous jure que, Boulangerie ou Belle Angerie, on y a toujours fabriqué du pain azyme. (Э.Базен. Змея в кулаке.)

В приведенном отрывке объясняется происхождение названия родового имения, где происходит действие романа. Перед переводчиком стояла сложная задача передать средствами русского языка созвучие слов *Belle Angerie* и *Boulangerie* таким образом, чтобы русское название было достаточно компактным, т.к. оно повторяется на протяжении всего романа. Адекватный перевод данного отрывка был возможен. Найденное переводческое решение: «Хвалебное» и «Хлебное».

«Хвалебное». Великолепное название для песнопения падших ангелов, для мелкотравчатых поэтов. Однако поспешим пояснить: речь просто-напросто идет об искажении слова «Хлебное». Но добавим также, что не хлебом единым жив будет человек, но словом, исходящим из уст божьих», и искажение наименования может быть оправдано, ибо, поверьте, в «Хлебном» ли, в «Хвалебном» ли всегда выпекали опресноки. (пер. Н. Немчиновой)

Еще одним камнем преткновения для переводчика было прозвище, которое дети дали своей матери: *Folcoche* (сокращение от *folle cochonne*). Как подобрать подходящее русское слово, чтобы оно было таким же хлестким, тоже происходило от сокращения двух слов и звучало по-русски естественно, как обычные русские прозвища? Решение данной проблемы было найдено, на наш взгляд очень удачно: *Психимора* (от *психическая кикимора*).

В другом месте романа автор обыгрывает идиому *faire une belle jambe*, где сталкивает переносное значение всего выражения и прямое номинативное значение слов, входящих в их состав.

Mme Rezeau n’osa pas dire: “Ça me fait une belle jambe!” mais, par suite d’une silencieuse association d’idées, elle caressa longuement le tibia. (Э.Базен. Змея в кулаке.)

Хотя в русском языке нет аналогично построенной идиомы, переводчице удалось найти подходящее русское выражение, в связи с которым можно использовать слово *нога*.

Мадам Резо не осмелилась ответить: «На это мне плюнуть да растереть», но по безмолвной ассоциации мыслей зашаркала ногой по полу. (пер. Н. Немчиновой)

В следующем отрывке автор использует такой стилистический прием, как звукопись.

Le train repartit vers le Craonnais, terre des choux, des chouans, des chouettes et des choucas, qui crient autour des clochers: “Je-croa, je-croa!” (Э.Базен. Змея в кулаке.)

Переводчик обязан передать данный прием средствами русского языка, и ему неизбежно приходится подбирать слова, отличные от слов оригинала, но имеющие подходящее звучание.

Поезд двинулся дальше, в Краонэ, в край кочанной капусты, коснеющих шуанов, кроликов, круглоглазых филинов и каркающих ворон, кружащих над колокольнями: «Веррррую, вер-р-рую, вер-р-рую!» (пер. Н. Немчиновой)

Приведем еще один пример.

Je ne prends pas de décisions sous la contrainte. Sous la contrainte de ce toit refermé sur moi comme l’accent circonflexe du mot chaîne. (Э.Базен. Змея в кулаке.)

В оригинале крыша сравнивается со значком французской орфографии $\hat{}$, который отсутствует в русском языке. Похожую форму в русском языке имеют только кавычки, но они не могут располагаться сверху, так как крыша. За отсутствием другого выбора, было использовано сравнение с кавычками, хотя образ получился не такой, как в оригинале.

Я не принимаю решений, когда что-нибудь давит на меня. А на меня давит островерхая крыша мансарды, стесняя мою свободу, как кавычки, в которые заключают какое-нибудь слово. (пер. Н. Немчиновой)

Нередко сразу несколько факторов вступают в противоречие, и переводчик вынужден отказаться от варианта, который на первый взгляд кажется очевидным. Например, как перевести следующие реплики слепого человека и его служанки:

– *Marceline... Le chat, là, sur moi... Comment est-il?*

– *C’est une chatte, Monsieur.* (П.Буало, Т.Нарсежак. Лица в тени)

Очевидный вариант «*Этот кот на мне... Какой он? – Это кошка, месье*» оказывается неадекватным, т.к. в данном контексте слово *chat* означает видовую принадлежность животного безотносительно его пола и его лексическим соответствием в этом плане является слово *кошка*. Поэтому у переводчика есть основания написать:

– *Марселина... Эта кошка, на мне... Какая она?*

– *Ну кошка, женского пола, месье.* (пер. Г. Беляевой)

К сожалению, данный вариант не слишком удачен с точки зрения стиля.

Как видно из приведенных выше примеров, переводчик часто встает перед дилеммой: сохранить ли ему лексическое наполнение оригинального текста, или изменить его, руководствуясь иными соображениями. Часто поиск приемлемого переводческого решения очень сложен и требует от переводчика творческого, нестандартного подхода. Использование компенсации как вида переводческих трансформаций расширяет возможности перевода и делает переводимым то, что на первый взгляд перевести невозможно.

К ПОНЯТИЮ ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

А. Е. Свиридова

**Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
Тамбов, Россия**

Понятие дискурса является одним из наиболее многозначных, получающих множество интерпретаций в современных структурно-семиотических исследованиях. По замечанию В. И. Карасика, авторы данных исследований трактуют это явление в столь различных научных системах, что “само понятие “дискурс” стало шире понятия “язык” (6; 271).

Не подлежит сомнению, что рассмотрение понятия “дискурс” поставлено в соотношение с категорией “текст”, что ввело дискурс в систему координат лингвистики текста.

Дефинируем каждое из вышеназванных понятий.

Согласно “Лингвистическому энциклопедическому словарю”, *текст* (от лат. *textus* – ткань, сплетение) – это “объединённая смысловой связью последовательность знаковых (вербальных) единиц, основными свойствами которых являются связность и цельность” (7; 507).

По определению И. Р. Гальперина, “Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершённостью, объективированное в виде письменного документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющей определённую направленность и прагматическую установку” (3; 18).

И. П. Сусов считает правомерным использование термина “текст” по отношению не только к письменной, но и к устной речи, а также при трактовке текста как средства динамического взаимодействия коммуникантов, причём в последнем из названных случаев отмечается тенденция использования термина “дискурс”. Другими словами, если текст принадлежит истории, то дискурс направлен на сиюминутный аспект актуального коммуникативного события (8; 25).

Итак, *дискурс* (от фр. *discours* – речь) – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; речь, рассматриваемая как компонент, участвующий во взаимодействии людей и как компонент их сознания (когнитивных процессах); речь, “погружённая в жизнь”.

Одной своей стороной дискурс обращён к прагматической ситуации, которая привлекается для определения связности дискурса, его коммуникативной адекватности, для выяснения его пресуппозиций. Другой стороной дискурс обращён к ментальным проблемам участников коммуникации: этнографическим, психологическим и социокультурным правилам и стратегиям порождения и понимания речи.

В расширенном понимании, предложенном Т. А. ван Дейком, дискурс – это сложное единство языкового выражения (формы), значения и действия (5).

Э. Бенвенист говорит о том, что дискурсивные знаки, “обозначающие не только ситуации, но и события, факты, являющиеся “предметами мысли”, отличаются разнообразием структуры и выражаемого ими смысла” (1).

К критериям дискурса, выделенным В. З. Демьянковым, относятся произвольный фрагмент текста (однотипных текстов); обязательная концентрация вокруг конкретного концепта; создание общего контекста, описывающего действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п. К элементам дискурса он относит излагаемые события, их участников, перформативную информацию и “не-события”, то есть экстралингвистические факторы – тип источника, тематику и адресацию текста. Ю. С. Степанов дополняет данное определение, указывая на такие признаки дискурсивных текстов, как “особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика”, в конечном счёте называя дискурс “особым миром” (4; 85).

Многие учёные придерживаются мнения, что в основе языкового дискурса лежит диалог. Дискурс – именно обращённость с определённой целью. Диалогический дискурс интерпретируется в современной прагмалингвистике как речевое взаимодействие двух (или более) коммуникантов, направленное на решение той или иной задачи общения.

Многоаспектность исследуемого объекта позволяет когнитологии, социологии, социалингвистике, общей теории коммуникации, текстологии, стилистике, психологии, психалингвистике и другим дисциплинам строить достаточно различающиеся предметные области.

Рассмотрим понятие дискурса с точки зрения вышеназванных наук подробнее.

С позиций *когнитивной лингвистики* дискурс можно определить как когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения и осознанием его воспринимающим индивидом.

Понятия *социологии* позволяют интерпретировать дискурс как социально детерминированный феномен.

Социалингвистика как научная дисциплина, развивающаяся на стыке языкознания, социологии и социальной психологии, изучает дискурс в качестве общения людей, рассматриваемого с позиции их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной социально-речевой ситуации. Речь приобретает смысл и может быть понята только в структуре неречевого контекста, которым является взаимодействие коммуникантов и организующее это взаимодействие общение.

Теория коммуникации определяет дискурс как актуализацию коммуникативно-речевой семантики в речевом акте. Грамматика Duden (9; 824-826) называет следующие понятия в теории коммуникации, сильно влияющие на человеческое общение:

- 1) ситуация,
- 2) значение невербального в коммуникации,
- 3) связь коммуникации с интенцией.

При рассмотрении проблематики дискурса в рамках теории коммуникации мы исходим из риторической предпосылки, согласно которой речь служит средством управления деятельностью людей.

Текстология и её методы позволяют выявить параметры дискурса в отношении жанров, типов и сортов текстов. Тексты разных типов

устойчиво отличаются друг от друга своими структурами. В основе типологии лежит различие типов коммуникативного намерения (интенции), социальных установок автора, выступающее на операциональном уровне как различие социальных или социально-психологических функций конкретных текстов.

Ещё в прошлом веке Гумбольдт писал о том, что нельзя изучать человека без языка, а язык - без человека. Постулаты *психолингвистики* гласят, что дискурс только тогда может быть успешным, когда он станет соответствовать закономерностям общей психологии. Прежде всего имеются в виду особенности восприятия слова и зрительного образа, особенности формирования целенаправленных ситуаций.

Наконец, *стилистика* языка, или структурная стилистика, изучает различные функциональные стили, то есть стили, характеризующиеся комплексом типичных признаков. Но строгих границ между ними не существует, более правомерным представляется говорить об их смешении. В.В. Виноградов указывает на сложность определения предмета науки стилистики: “В области искусствознания, литературоведения и стилистики трудно найти термин более многозначный... – и соответствующее ему понятие – более зыбкое... чем термин стиль и понятие стиля” (2; 7). Функции, характерные для того или иного типа дискурса, позволяют разграничить отдельные его подвиды в соответствии с разработанной В. В. Виноградовым стилевой классификацией.

Таким образом, проблематика дискурса относится к числу наиболее актуальных и наиболее мощно разрабатываемых в настоящее время направлений современного языкознания и смежных с ним наук.

Библиографический список:

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
2. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
4. Голованевский А. Л. Оценочность и её отражение в политическом и лексикографическом дискурсах // Филологические науки: № 3;0 2002, С. 78-87.
5. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
8. Сусов И. П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: процессы и единицы. Калинин, 1988.
9. G. Drosdowski. Duden: Band 4 "Grammatik". Dudenverlag: Mannheim –Leipzig – Wien – Zuerich.

ДИНАМИКА РЕГИСТРАЦИИ ОРФОГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ В БРИТАНСКИХ ОРФОЭПИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

А. Н. Смирнова

**Ивановский государственный химико-технологический
университет
Иваново, Россия**

Влияние написания на произношение – следствие естественного воздействия письменности через правописание на фонетическую систему языка. В различные периоды языкового развития под влиянием некоторых лингвистических и социальных факторов процесс сближения написания и произношения может усиливаться или замедляться.

Орфографическое произношение («*spelling pronunciation*» – *SP*) является одним из критериев, который позволяет судить о характере фонетических тенденций в литературном языке. Известный британский фонетист Дж. Уэллз дает следующее определение этому явлению понимая под *SP* произношение слова, которое, в отличие от традиционного, точно соотносится с его написанием: «...is the pronunciation that, unlike the traditional pronunciation, corresponds closely to the spelling» (8, 723).

Необходимо отметить, что несмотря на почти безоговорочное отрицание орфографического произношения и подмену реального произношения узкоклассовым, *Public School English*, Д. Джоунз, Г. Уайлд и другие орфоэписты вынуждены были в своих словарях (еще в начале XX в.) отмечать постепенное и все более широкое внедрение орфографического произношения даже в искусственное, тщательно оберегаемое от влияния правописания нормативное британское произношение (*RP*). Мы рассматриваем это как несомненное свидетельство влияния графико-фонетических ассоциаций при формировании норм литературного произношения, свидетельство невозможности установления строгих норм произношения без учета орфографиче-

ского фактора. Влияние орфографического произношения настолько значительно, что даже Д. Джоунз и Г. Уайлд отметили в своих словарях, например, распространившееся произношение слов *often*, *waistcoat* с /t/, *forehead* с /h/, *Sunday*, *Monday* с /e /, *where*, *which*, *white* с /h/ и т.п. Можно себе представить, как трудно было Д. Джоунзу и Г. Уайлду признать «засорение» *Public School English* подобными «языковыми уродствами». Почти все случаи SP в словаре Д. Джоунза, как было установлено нами в результате анализа словарей первых лет издания, имеют авторский комментарий, где указывается степень распространенности орфографического произношения, сфера его употребления и т. д.

"Spelling pronunciations", о которых мы обычно не задумываемся, услышав произношение слова (или прочитав его по правилам) уже в варианте, приближенном к его написанию, обычно регистрируются в словарях. При этом старое, прежнее произношение входной единицы, далекое от написания слова, имеет помету "old-fashioned" (устаревшее). Анализ словарных материалов словаря Д. Джоунза EPD (1-15 изд.) дает многочисленные примеры, иллюстрирующие это наблюдение.

Приведем некоторые из них:

quint (*organ stop*) ' (in piquet) [kw nt, *old-fashioned* kent].
casement ' [old-fashioned -D' -]-s.
stomacher, -s 'st m k * [old-fashioned - t *-, d *].
rhubarb 'ru:b :b [old-fashioned -b b]
straitwaistcoat, -s D' D' [-stk-, *old-fashioned*-D'].

Внедрение принятого обществом варианта произношения, приближенного к написанию, часто можно проследить по словарным пометам. Сравним, например, регистрацию слова **housewife** в первом (1917) и последнем изданиях (1977) EPD:

1-е изд.	14 -е изд.
housewife (<i>woman</i>), -ves `hauswai f	housewife (<i>woman</i>), - ves 'ha swaI' f -vz
	[rarely 'h zi f],vz
housewife (<i>needle-case</i>) `h zi f, - ves	housewife (<i>needle-case</i>) fes,-ves 'h zi f,-fs,- vz

Характерно, что новое произношение обычно получает слово только в одном из своих значений. Таким образом, произношение может быть средством выражения семантических различий (см. пример с **housewife**), а также:

fortune 'f :t u:n

Fortune (*surname*) 'f :tju:n /EPD/

Из приведенных примеров легко заключить, что при изменении произношения слова - от традиционного к орфографическому - "озвучиваются" все его составные части, а произношение гласных в ударных и безударных слогах подчиняется обычным правилам чтения. Другой действующий здесь закон, как мы полагаем, это - закон аналогии, когда производное слово (например, **stomacher**) начинает произноситься как основное слово (**stomach**).

Наиболее ярко тенденция к SP проявляется, как известно, при фонетической реализации имен собственных. Многие населенные пункты получили свои наименования в глубокой древности, а многовековая эволюция языка привела к разительному несоответствию между их написанием и произношением. Традиционное местное произношение названий городов **Wolstanton** / 'w lst n /, **Ponterfract** / 'p mfrlt /, **Featherstonehaugh** / 'f n :/, несомненно, может озадачить и носителей языка, не проживающих в этой местности. Не случайно, что при составлении произносительного словаря британских собственных имен (5, 61), когда проводился опрос жителей тех населенных пунктов, произношение и написание в названии которых плохо соотносятся друг с другом, были зарегистрированы факты изменения произношения под влиянием вновь прибывших в эту местность.

Социальные условия XX века - века информации и коммуникации - создали предпосылки (через средства массовой информации, миграционные процессы и т. д.) к неизбежному восстановлению некоторых непроизносимых звуков, которые, однако, сохранились в написании многих населенных пунктов. Г. Уальд отмечал в начале века большое распространение новых произношений топонимов под влиянием написания: «Произношение названий местностей в английском языке сейчас так искажается под влиянием их написания, что сейчас во многих случаях невозможно понять связь между старым вариантом и новым произношением» (10, 256).

С 1936 года Консультативный комитет на BBC, в соответствии с языковой политикой того времени, стал рекомендовать дикторам новое произношение ряда имен собственных, приближенное к написанию. Так, звук /l/ был восстановлен в **Almonbury**, **Calverton**,

Malvern, Scalby и др. названиях; звук /w/ - в **Gamrick, Wolwick** и др.; звук /t/ в **Winston, Caston** и др.; /d/ в **Coldeston, Shipdam, Woodnesberough** и т.д.

В настоящее время можно выделить несколько тенденций, указывающих на постепенное изменение произношения топонимов с целью их «сближения» с написанием:

- а) в географических названиях, оканчивающихся на **-ham, (Eltham, Waltham)** традиционное произношение /'elt m/, /'w lt m/ часто заменяется на /- m/;
- б) топонимы **Greenwich, Norwich**, произносимые местными жителями /'grɪnɪd /, /'n rɪd / часто реализуются как /'grɪnwɪt /, /'n rwɪt /.

Необходимо заметить, что одни и те же топонимы могут иметь различное произношение в ВЕ и АЕ. Так, хорошо известны случаи, и они обычно фиксируются словарями, когда британское название сохраняет традиционное произношение, а соответствующее американское имеет произношение, более точно передаваемое написанием. Например, /'grɪnɪd / в Англии и /'grɪnwɪt / в штате Коннектикут; /' dɪnbr /, /'edɪn b r / в Шотландии и /' d(I)n b / в Америке; /'m lb r / в Англии и /'m :rɪ b / в Массачусетсе (4,85).

Сближение написания и произношения наблюдается также в американском варианте произношения личных имен. Известно, что новое произношение получили имена Leopold /'li p ld/ вместо старого /'l pld/, Ralph /'r lf/ вместо британского /'ref/, Theobald /' i b ld/ вместо /'tɪbld/, Walter /'w lt / вместо /'w :lt/, /'waltr/ (4, 102).

Мы разделяем мнение Дж.Уэллза о том, что "spelling pronunciation" является в настоящее время одним из самых сильных факторов воздействия на произношение. Среди "новых" случаев орфографического произношения он отмечает произношение в словах:

tortoise (-t s, -t z вместо -t s);

sword (на ВЕ не распространяется);

covert (новое произношение в RP - 'k 'v :t, GA ' ko 'v rt). (7, 10).

Влиянием написания Дж.Уэллз объясняет распространение на некоторые слова явления "континентальной огласовки" (continental vowelism), (или "continental pronunciation" в терминологии Ч.Барбера) (6, 72-74). При этом процессе орфографическим <a, e, i> придается произношение как в словах **palm, face, fleece**, а не **face, fleece, price** соответственно (2, 20-23).

Нередко источником нетрадиционного произношения, как отмечает Дж.Уэллз, может быть подчеркнуто "иностранное" произношение некоторых терминов (*adagio*, *raj*), топонимов (*Taj-Mahal*, *Munich*) (6,59-61).

Проблема SP обычно обсуждалась в специальных ортологических пособиях, в фонетической литературе, а на наличие варианта произношения слова, приближенного к его написанию, обычно указывалось (как правило, с соответствующей пометой) в словарной статье орфоэпического словаря. Нововведение в лексикографической практике появилось в 2000 г. – во 2-м издании LPD Дж. Уэллза. Введение во второе издание этого авторитетного орфоэпического словаря, наряду со справочными материалами о других актуальных фонетических явлениях, специальной информационной статьи о *Spelling Pronunciation* (LPD, 2000) свидетельствует, на наш взгляд, косвенно о широком распространении этого явления в современном английском произношении.

Анализ материалов данного словаря показал также, что имеющаяся в нем подробная система специальных знаков, в том числе, запретительных и предупредительных, позволяет исследователям (как и пользователям словаря) установить широко распространенные, узуальные, но не всегда корректные произносительные варианты, среди которых – большое количество фонетических реализаций слов, основанных на их написании. Несомненно, что это отражает динамические возможности английской произносительной системы, имплицитно регистрирует «слабые звенья» этой системы, указывает на актуальные узуальные тенденции, зарождающиеся в разных социолектах.

Библиографический список:

1. Зиндер Л. Р. Очерк общей теории письма. Л., 1987.
2. Barber Ch. *Linguistic Change in Present-day English*.-Edinburgh - London: Oliver and Boyd, 1964.
3. Jones D. *Everyman's English Pronouncing Dictionary*. 14 ed. Rev. By A. C. Gimson. London: Dent, 1977.
4. Kenyon J.S., Knott T.A. *Pronouncing Dictionary of American English*.-Springfield (Mass.): Merriam Company Publishers, 1944.
5. Miller J.(ed.) *BBC Pronouncing Dictionary of British Names*.- Oxford, 1971.

6. Wells J. C. Accents of English. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
7. Wells J. C. Longman Pronunciation Dictionary. 1997.
8. Wells J. C. Longman Pronunciation Dictionary. 2000.
9. Wells J. C. The changing Language // University College London, 1999. – June-July. — P. 10-11.
10. Wyld H.C. A History of Modern Colloquial English. Oxford, 1936.

К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Е.Б. Староверова

**Ивановский государственный энергетический университет
Иваново, Россия**

Качественное международное общение в деловой среде включает в себя эффективное использование языка, в основном английского, как общепринятого языка делового общения в сочетании с пониманием и осознанием культурных различий, влияющих на процесс общения.

Каждый год тысячи выпускников вузов ищут работу. Многие мечтают о работе менеджера в многонациональной компании. К сожалению, лишь немногие из них имеют четкое представление о требованиях, предъявляемых современным рынком. Чтобы успешно работать в мире бизнеса, человеку нужно развивать общие языковые навыки. Однако отличное знание языка не сможет компенсировать отсутствие знаний в области межкультурной коммуникации.

В России преподаватели курса «Деловой английский» сталкиваются с такими проблемами, с которыми никогда не столкнутся западные преподаватели. Это связано с тем, что социальная и бизнес-среда в России сильно отличаются от западной, поэтому бизнесмены и специалисты иногда оказываются в сложной ситуации при общении с коллегами из других стран.

Курс «Деловой английский» должен расширять базовые знания студентов в области бизнеса, а также он должен предлагать практический подход к тем темам и практическим ситуациям, с которыми студенты столкнутся в своей будущей работе. Знание межкультурных особенностей может помочь им в разрешении трудных ситуаций. Партнеры по бизнесу простят ошибки в грамматике или произношении, а ошибки в поведении могут привести к катастрофе.

Каждый менеджер, работающий в многонациональной среде, должен знать культурные различия и должен избавиться от своих собственных стереотипов. Следует обратить особое внимание студентов на то, что больше, чем технические навыки, работодатели ценят лояльность, ответственность, желание учиться, способность адаптироваться.

Общие знания о других культурах можно получить, читая литературу и посещая лекции. Учиться разрешать трудные ситуации лучше на практических занятиях (семинарах) при помощи ролевых игр и моделирования ситуаций.

В условиях рыночной экономики требуются люди, знающие как вести бизнес в конкурентной среде и как общаться эффективно. Бизнесу необходимы менеджеры, умеющие управлять сложными механизмами в многонациональной среде.

О РОЛИ ИЗУЧЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ОБЩЕНИЯ В ЧАТЕ ДЛЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.А. Ткаченко

**Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
Тамбов, Россия**

В последние десятилетия развилось и расширилось новое средство коммуникации, которое в состоянии изменить наше общество так, как это уже сделали телефон и телевидение. Речь идет о все более разрастающейся международной компьютерной сети. Интернет перестал быть просто системой хранения и передачи сверхбольших объемов информации и стал сферой жизнедеятельности огромного числа людей. Интернет стал особой технологической средой, которая обеспечивает доступ к любой информации, заложенной в ней с помощью существовавших уже ранее символических систем. Его возможности, такие как оперативность, быстрота и доступность связи между пользователями на дальних и близких расстояниях, позволяют использовать интернет не только как инструмент для познания, но и как инструмент для общения представителей разных культур. Поэтому интернет можно без сомнения назвать одной из форм межкультурного взаимодействия.

Очевидно влияние английского языка на общение в рамках интернета. Однако и английский язык подвергается определенному влиянию и трансформации в области его функционирования в интернете. Так, некоторые исследователи отмечают, что едва ли не впервые в истории носителей языка, пользующихся им как вторым язы-

ком, оказалось больше, чем тех, для кого он – первый язык. Эта тенденция уже имела место до появления интернета, однако получила толчок с его развитием.

Кроме этого интернет дает возможность пользователям общаться в реальном времени, синхронно, не только со своими соотечественниками, но и с представителями других стран на их родном языке. Или же встречаться в виртуальном пространстве со своими единомышленниками, проживающими во всем мире. Особое значение здесь имеет чат как один из видов коммуникации, опосредованной компьютером. Этот способ общения представляет богатый языковой материал для исследования, так как он возник сравнительно недавно, но уже успел приобрести характерные ему черты и особенности как коммуникации письменной по форме и устной по содержанию. В некоторых немецкоязычных чатах, представленных большим выбором тем для общения, существуют так называемые виртуальные каналы, ориентированные на российских немцев. Язык, на котором общаются эти пользователи, сложно назвать чисто немецким или же чисто русским. Это один из примеров того, что интернет, а в данном случае – чат, как современнейшее изобретение человечества, является как бы виртуальным зеркалом, в котором особым образом проецируется все то, что происходит или существует в реальности.

Проводимые социологические опросы доказывают, что пользователями интернета и, соответственно, чатов, является в подавляющем большинстве молодежь, причем молодежь, как правило, образованная. Это именно та социальная группа, которая более всех остальных склонна к словотворчеству. Графический способ реализации коммуникации в чате накладывает определенные ограничения на использование средств, присущих устной речи. Основная причина состоит в том, что чаттеры ощущают недостаток возможности выражения эмоций, которое в устном общении осуществляется с помощью паравербальных и невербальных средств. Этот факт послужил появлению в чате различных способов замены данных средств, которые можно отнести к семиотическим инновациям, присущим синхронной коммуникации, осуществляемой посредством компьютера. Причем следует заметить, что подобные семиотические инновации являются универсальными практически для всех чатов, и их почти одинаково применяют пользователи, говорящие на разных языках мира.

К подобным семиотическим инновациям относятся, прежде всего, идеографические способы - «смайлики» (от английского «smiley» - «улыбка»). В их основе лежат знаки пунктуации. К наиболее упот-

ребимым из них относятся: :-)) – выражение радости; :-)))) – выражение очень большой радости; :-(– выражение очень большой грусти (злости, обиды). Компьютерные возможности позволяют в настоящее время создание разнообразных программ, облегчающих работу пользователей. Поэтому во многих чатах при наборе определенной комбинации знаков пунктуации или слов на экране в результате возникает настоящий рисунок.

Таким образом, самые распространенные смайлики представляют собой человеческое лицо с определенным выражением. Возможно, это связано с тем, что человеческое лицо обладает большими возможностями выражения эмоций. Но это может быть обусловлено и тем, что в реальной жизни взгляд фиксируется, как правило, на лице собеседника, и этот факт дает предпосылку для предположения того, что коммуникация в чате концепционально приближается к устной коммуникации.

В сообщениях участников чата смайлики используются, прежде всего, как дополнение к реплике, несущей основную информационную нагрузку. Так, в немецкоязычном чате www.chat.de можно встретить подобные сообщения: «*TECHNIQUE1307 man man man hat hier auch einer im sommer geb ??? 😊*». Как и в приведенном примере, смайлик чаще всего занимает последнюю позицию в сообщении, пропозициональное содержание которого предлагается реципиенту при учете критерия того, что должно быть выражено смайликом (радость, ироническое подмигивание, неудовольствие и т.д.). Отмечены также случаи, когда сообщение состоит лишь из одного смайлика: «*Shalii: 😊*», что может выступать дополнением к предыдущему сообщению данного чаттера. Однако определенная часть высказываний в чате служит зачастую для демонстрации готовности к общению, чтобы в процессе коммуникации оставаться «в центре событий». Поэтому даже если пользователь не может ничего добавить к актуальному, происходящему в коммуникации, от него ожидается, что он регулярно сообщает о себе, чтобы показать свою заинтересованность и внимание.

Однако в некоторых случаях смайлики употребляются не для выражения эмоций, а для идеографической замены слов: «*Bunny_86_w: krich ich auch nen 😊?*», где данный смайлик 😊 появляется на мониторе компьютера в результате введения чаттером в активное окошко команды «/kuss/», поэтому под этим сообщением чат-

тер подразумевает фразу «Kriege ich auch einen Kuss?» («А мне поцелуй?»).

Использование прописных букв применяется для выделения в чате реплик, которые в устном общении были бы отмечены громкостью голоса: «**paby: mal nach GOLDY schreien muß**»; а способом замены интонации в чате служит редупликация букв, слов или знаков препинания: «**Bonzai: hääääää?????? paby?ich?? goldi?hassu wat am helm?????**». При этом редупликация гласных встречается чаще, чем согласных.

Указанные выше способы замены паравербальных и невербальных средств требуют больше временных затрат при создании сообщений в чате, так как печатание реплики само по себе длится дольше, чем ее произнесение, даже если данный пользователь имеет большой опыт общения в чате. Поэтому чаттеры прибегают к определенным сокращениям слов. Ярким примером этого явления можно считать общепринятые пользователями интернета акронимы или аббревиатуры, которые, впрочем, не являются новыми в языке, но приобретают благодаря коммуникации в интернете новое звучание и являются, как правило, англицизмами. К наиболее употребимым акронимам в сфере интернета относятся «LOL» («laughing out loud» - «очень громко смеяться»), «g» («grin» - «ухмылка»), «fg» («fat grin» - «широкая ухмылка»), «4ever» («forever» - «навсегда»), «cu» («see you» - «увидимся»).

Таким образом, чат как форма виртуальной синхронной коммуникации отражает тенденции, характерные для реальности. Изучение особенностей этого вида общения имеет большое значение для межкультурной коммуникации, так как нашу жизнь без интернета сегодня представить так же сложно, как и несколько десятилетий назад сложно было бы представить себе возникновение глобальной сети, связывающей миллионы людей по всему миру.

КУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

Т.Н. Ткаченко

**Тамбовский государственный университет им. Г.Р.Державина
Тамбов, Россия**

Межкультурная коммуникация ориентирована на взаимопроникновение культурно–коммуникативных смыслов и достижение взаимопонимания в контексте современного информационного общества.

При изучении иностранного языка нет необходимости в усвоении нового смыслового мира, поскольку он имеется в рефлексивной реальности. Проблема межкультурного барьера оказывается преувеличенной. Смысловые миры людей разных наций в основном схожи, так как мы живём в одном мире. Изучая иностранный язык, нужно ориентироваться не на поиск эквивалентных замен в другом языке, а на осознание и усвоение функциональных особенностей нового кода.

Словарный состав представляет собой основной показатель характерных черт различных культур. Результаты сопоставительного анализа списков общеупотребительной лексики немецкого и английского языков показали, что 84,7% лексических единиц являются общими для обоих языков. Сравнение словарных значений свидетельствует о высоком уровне сближения семантического потенциала этого слоя лексики в указанных языках и подчеркивает однородность общеупотребительной лексики в различных языках, в различных культурах. Данное совпадение наводит на мысль о совпадении культурной значимости общеупотребительной лексики в аспекте межкультурного общения.

Усвоение общеупотребительной лексики в семантической и синтаксической проекциях в высказывании можно считать первоочередной задачей начального этапа обучения иностранному языку в вузе. Очевидно, что при формировании иноязычного вокабуляра студента следует опираться на общеупотребительную лексику, развивая способности обучаемых к межкультурной коммуникации. Наиболее полное представление об общеупотребительности слова в том или ином языке можно получить, обратившись к процедуре стратификации лексики по методике распределительного словаря. Такой тип дистрибутивно-статистического исследования лексики ориентируется на представленность/непредставленность слова в каждой выборке, а

не на частотность слова в общем обследованном массиве. В соответствии с концепцией распределительного словаря можно получить дистрибутивные параметры слов в речи, определить границы общей лексики языка, обследовать лексику подязыков. Общеупотребительность слова — это один из показателей его культурной значимости в данном обществе, так как очевидна тесная связь между жизнью общества и лексикой языка.

УЧЕБНЫЙ ДИАЛОГ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Е.В. Тучина

**Ивановский государственный университет
Иваново, Россия**

В настоящее время перед обществом в целом и образованием в частности стоит задача формирования активной, инициативной личности. Постепенно утрачивает свои позиции традиционное обучение, а ему на смену приходят новые образовательные технологии, одной из которых является диалоговая. В рамках данной технологии обучение в вузе строится как процесс диалогического взаимодействия преподавателя и студентов на основе субъект – субъектных отношений. Не вызывает сомнений, что учебный диалог (в частности, дискуссия, которую мы считаем оптимальной формой его организации), возможны лишь тогда, когда у обучаемых имеется уже некоторый запас знаний по теме разговора, и некоторые вопросы вызывают неоднозначные точки зрения. Это, прежде всего, возможно на определённом этапе изучения дисциплин гуманитарной направленности. Впрочем, в настоящее время немало внимания уделяется обучению диалогической речи на занятиях по иностранному языку. Чем более широкое распространение получает идея обучения языку как средству общения, тем больше возрастает удельный вес диалогической речи в учебном процессе. Одновременно всё более очевидным становятся трудности формирования диалогических речевых навыков и, прежде всего, – навыков межличностного речевого общения. Между тем, следует отметить тот факт, что смысл, который вкладывает в понятие «диалог» большинство преподающих иностранный язык, часто весьма далёк от его истинной сущности. На диалогическом уровне владения иностранным языком нужно не только уметь «объясниться», получить информацию от собеседника и даже не просто уметь войти в контакт и поддержать его, а уметь вести беседу, соответствующую

духовным потребностям собеседников, их культурному и интеллектуальному уровню, как по содержанию, так и по форме (2, 224). Более того, участники подлинного диалога, как правило, стремятся прийти к определённым результатам – выводам, решениям, а иногда и к совместным действиям. В ходе диалога они пытаются не только выяснить точки зрения друг друга по определённому вопросу, взаимно повлиять на них, но и развить собственную позицию, уточнить, аргументировать, дополнительно обосновать. В действительности же мы нередко наблюдаем следующее: учащиеся получают задание (как правило, на дом) – составить диалог по изучаемой теме и вместе с этим – установку – использовать как можно больше лексики по данной теме. В итоге, в погоне за количеством, учащиеся почти всегда забывают о качестве, и поэтому диалог превращается в формальный обмен высказываниями, а учащиеся говорят не то, что считают «своим» и правильным в действительности.

Отметим, что истинный диалог, непредсказуемый в содержании высказываний его участников, ориентированный на признание субъективности каждого из собеседников, возможен лишь на достаточно высоком уровне владения иностранным языком, (прежде всего, на языковых факультетах вузов). Впрочем, в настоящее время интерес к иностранным языкам настолько велик, что существует масса специализированных школ с углублённым изучением какого-либо иностранного языка, а достаточно свободное владение одним из них – необходимым требованием к специалисту в любой области. Учёные, занимающиеся исследованием проблем иноязычной речи, сходятся во мнении, что высший уровень владения – уровень свободной беседы (обсуждения, диалога, дискуссии). При этом выделяют качественные и количественные характеристики данного уровня владения. Количественные характеристики: темп речи, отсутствие пауз хезитаций (неуверенности), число реплик в соответствии с программой, степень развёрнутости реплик. Качественные характеристики: чистота речи, структурное разнообразие реплик диалога, наличие средств языковой экспрессии и т. д. (1, 45).

Таким образом, как уже было отмечено выше, филологов – исследователей диалогической речи интересует, прежде всего, её внешняя структура, оформление мысли, в то время как внутренняя сущность диалога часто остаётся за пределами их исследований.

В практике обучения иностранным языкам преподаватели часто сталкиваются со случаями, когда учащиеся не могут воспроизвести в речевой деятельности иноязычные слова, которые, казалось бы, они

хорошо знают. Причин этому много, но главная из них состоит в том, что учащиеся усваивали эти слова в неречевой атмосфере и поэтому не готовы к их воспроизведению. Кроме того, работа с новой лексикой осуществляется в большинстве случаев по принуждению со стороны преподавателя, а не по внутреннему побуждению учащихся. При обучении иностранным языкам мы всегда стараемся организовать процесс усвоения лексики так, чтобы учащиеся как можно лучше запомнили иностранные слова. Однако доказано, что ориентация на запоминание не отдельных слов, а интересных и важных мыслей, смысла высказываний, требующих нужных слов для их выражения, является более продуктивным. Задача преподавателя – создать на занятии условия, при которых у учащихся возникает потребность в иностранных словах, что, в свою очередь, будет способствовать их лучшему запоминанию и их более свободному воспроизведению в процессе речевого общения.

Серьёзной ошибкой преподавателей иностранного языка является и то, что они задают, как правило, составлять диалог учащимся в парах, и в то время, когда двое воспроизводят составленный заранее диалог, остальные члены группы безучастно наблюдают за ними. Между тем, в такой вид работы должны быть вовлечены все члены группы, они должны иметь возможность высказаться тогда, когда у них появляется в этом потребность (задать вопрос, высказать уточнение, дополнение и т. д.). Преподаватель должен также принимать участие в диалоге, а не ограничиваться контролирующей функцией, фиксируя ошибки в речи учащихся и количество использованной и неиспользованной ими лексики.

Естественная групповая беседа характеризуется тем, что в ней на равных правах участвуют преподаватель и студенты; каждый из её участников высказывается по нескольку раз; учащиеся имеют возможность обращаться друг к другу и к преподавателю, как и он к ним, непринуждённо, естественно в зависимости от содержания беседы. Перечисленные черты группового диалога возможны лишь при естественной мотивированности речи, которая и обуславливает инициативность реплик её участников, наполнение высказываний глубоким содержанием, экспромтность в совершении речевых поступков, исходя из реальных нужд общения.

Дискуссия как вид учебной работы в значительной степени приближает занятие по определённому предмету к тому, что понимается под групповым диалогом.

Библиографический список:

1. Бим И.Л., Корнаева З.В. Проблема минимизации и оптимизации школьного курса и обучение диалогической речи // ИЯШ, 1981, № 6.
2. Славгородская Л.В. Функция текста при обучении научной диалогической речи // Дидактико-педагогические основы обучения иностранным языкам научных работников. Л., 1988.

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

С.Ю.Тюрина

Ивановский государственный энергетический университет
trn1999@mail.ru

Перед прагмалингвистикой в аспекте межкультурной коммуникации (МКК) стоит специфическая задача - выяснить, как в речи на иностранном языке проявляются конвенционализированные в родной культуре различия между сказанным и задуманным.

В современных исследованиях выделяют следующие уровни использования языка, на которых обнаруживаются системные межъязыковые расхождения:

1. Основное внимание при анализе межкультурных различий на *уровне языковой системы* уделяется расхождениям в объеме значений словарных единиц. Значение слова не всегда можно узнать, заглянув в словарь. Для выявления подлинного объема значения слова необходимо учитывать, как оно семантически соотносится с другими единицами лексикона.

2. На *уровне речеупотребления* интересными для межкультурного делового общения являются прагматические клише (ПК). Стереотипность ПК определяется следующими параметрами: стиранием лексического значения и предсказуемостью употребления в стандартных ситуациях.

Одни ПК семантически мотивированы (*Добрый вечер!*) другие или совсем не мотивированы, или мотивированы в меньшей степени (*Добро пожаловать! Пока*). Буквальные значения лексических элементов в таких случаях стерты, хотя их актуализация при желании может проводиться в коммуникативных целях (например, если в письме перед подписью употребляются притяжательные местоимения *твой/твоя; Ваш/Ваша*, которые одни носители языка употребляют стереотипно, другие - в зависимости от близости отношений) или

юмористических. Иллюстрацией актуализации буквального значения ПК в юмористических целях может служить австрийский анекдот: "Двое встречаются в лифте, один говорит другому *Gruss Gott* - стандартное австрийское ПК приветствия, дословно «Передай привет богу», - а тот отвечает: "Так далеко я не еду".

Таким образом, суть ПК заключается не в буквальном значении лексического состава, а в прагматической функции в ситуации общения. Употребление ПК закреплено за определенными ситуациями. Неупотребление ожидаемого клише воспринимается как отказ от общения или даже как демонстративное неуважение к собеседнику.

Степень стереотипности ПК коррелирует с их предсказуемостью в данной ситуации. В ситуации встречи в первой половине дня, например, ожидается формула приветствия *доброе утро*.

Успешность коммуникации во многом зависит от правильности интерпретации высказываний. Так, например, и в английском, и в немецком языке принято формулировать отказ не прямо, а в виде высказывания, содержащего обоснование или объяснение этого отказа. Вежливая просьба шефа к сотруднице: "Will you type the document, please" означает, тем не менее, приказание, подлежащее немедленному исполнению.

Для диалогических ПК, к тому же существует разная степень обязательности реактивной реплики. Например, для формул приветствия она достаточно высока, а для формул выражения благодарности она значительно ниже. Среди диалогических ПК можно выделить симметрические пары (формула приветствия - формула приветствия) и комплиментарные (извинение - принятие извинения; выражение благодарности - минимизация повода). При этом одни формулы, как правило, инициальные, другие - преимущественно реактивные, третьи - либо инициальные, либо реактивные.

К уровню речеупотребления относят также межкультурные различия в использовании невербальных и паравербальных средств. Так, например, причиной неудачи немецко-финских переговоров оказались различия в паузации немецкой и финской речи. Финны воспринимали немецкий речевой стиль как невежливо резкий, поскольку неправильно интерпретировали речевые паузы: то, что немцы воспринимают как сигнал окончания выступления, для финнов является лишь сегментирующей паузой. Существенное значение имеет также и высота тона. Немецкие менеджеры-женщины, работающие с американскими коллегами, сознательно снижают высоту тона своего голоса,

так как знают, что их коллеги ассоциируют авторитетность с низким тоном голоса и воспринимают высокие женские голоса как визгливые и резкие.

3. Межкультурными различиями *на уровне текстовых норм* объясняются некоторые трудности при переводе рекламных текстов. У американцев, у немцев принято сильно подчеркивать свою компетентность и преимущества фирмы, её продукции; русские же воспринимают это как хвастовство. Существенны также различия в культуро-специфичных нормах типов текстов, например, в разговоре по телефону. Существуют различия и в представлении о типичном развитии типичных ситуаций, т.е. различия во фреймах, например во фрейме "деловая встреча". Для японцев это - ритуал, подтверждающий решения по детально обсужденным ранее вопросам. Американцы же ждут от этой ситуации именно принятия решений. Неудивительно, что японо-американская деловая встреча может привести к взаимному отчуждению и к срыву сотрудничества.

В заключение отметим, что для успеха МКК важно не просто абсолютизировать речевые нормы и традиции культуры, а видеть в чужой нечто ценное и достойное уважения. Такой подход позволит трактовать межкультурное общение как коммуникацию, в которой соблюдается баланс интересов обеих сторон.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В "КРИТИКЕ ЧИСТОГО РАЗУМА" И.КАНТА

Т.А.Фесенко

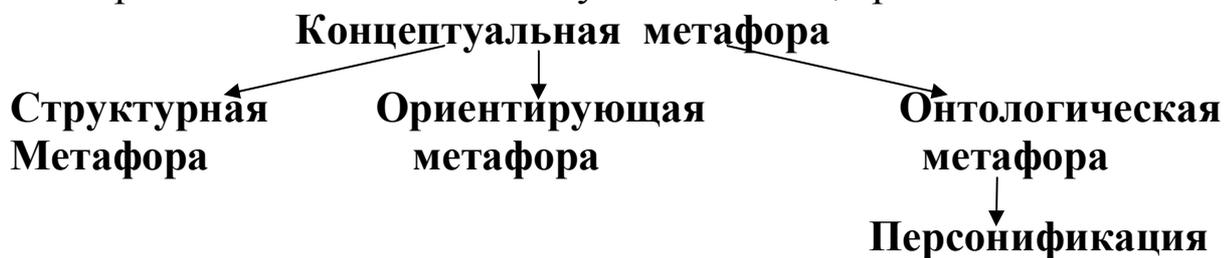
Тамбовский государственный университет им. Г.Р.Державина

Тамбов, Россия

tafessenko@rambler.ru

Основопологающей для когнитивных исследований процесса метафоризации в различных типах дискурса остается предложенная Лакоффом и Джонсоном типология концептуальных метафор (1980), первое место в которой отводится структурной метафоре (structural metaphor), когда весь структурный образ переносится с одного понятийного поля на другое. Иными словами, один концепт может быть метафорически структурирован «через обозначения другого концепта» (3, 14), к примеру, «любовь – это путешествие» и т.д. «Ориентирующие» метафоры служат выражением пространственной ориентации, онтологические метафоры, в свою очередь, по мнению авторов, выражают концептуализацию абстрактных идей (предметов) как материальных объектов, и, наконец, персонификация рассматривается

ими как частный случай онтологических метафор, когда в качестве «материального объекта» выступает человек, ср.:

Данная типология отнюдь не является «идеальной», на что указывал, в частности, в своей рецензии Лолер (5; 201,205), в силу чего, вероятно, она не находит применения в последующих работах авторов. Вместо этого «ориентирующие метафоры» стали обозначаться как концептуальные, базирующиеся непосредственно на схеме – представлении, а вместо структурных и онтологических метафор авторами стали различаться «онтологические и эпистемические корреспонденции» (4; 386f.).

Необходимо отметить важный, на наш взгляд, момент: когнитивная теория метафор Лакоффа «вплетена» в общую «когнитивно – лингвистическую канву» его концепции, а отдельные, «не вписывающиеся» в нее языковые элементы рассматриваются Лакоффом как «идеализированные когнитивные модели». Под этими моделями автором понимаются «образные структуры знаний», создающие когнитивный фон для нашего понимания как окружающего мира, так и вербальных единиц.

Структурный характер когнитивных моделей определяет их типологию. Лакофф различает четыре основных типа идеальных когнитивных моделей: пропозициональную, образно – схематическую, метонимическую и метафорическую модели:

Основная структура	Трансляция (перенос)
Пропозициональная	метонимическая
Образно – схематическая	метафорическая

Так, наши знания об огне репрезентируются, по Лакоффу, простейшей пропозициональной когнитивной моделью, тематизирующей, в первую очередь, связанную с огнем «опасность». В более сложных моделях речь идет о переносе (проекции), примером чему служат метафорические или метонимические модели. Лакофф вводит также понятие «сценарий» для обозначения подкласса тех пропозициональных когнитивных моделей, которые являются выражением «упорядоченной последовательности действий или событий», моделируя, например, «человеческую деятельность как посещение ресторана» и др.

В нашей работе мы проследим использование концептуальных метафор в научном дискурсе, в частности, в сочинении И.Канта «*Kritik der reinen Vernunft*» (1781/ 87).

Метафорический сценарий науки, реконструируемый на основе «Критики чистого разума» И. Канта, включает две базовые концептуальные модели: А) «*Wissenschaft ist eine Entdeckungsreise*»; Б) «*Wissenschaft ist Gebaeudebau*». Первая метафора (А) обуславливает, на наш взгляд, использование второй концептуальной модели (Б). Поясним этот тезис следующими иллюстрациями. Чтобы подчеркнуть развитие науки, И. Кант употребляет метафоризацию «путешествие» (*Reise*), причем в движении находятся все научные дисциплины, а не только отдельные ученые, движущиеся по своему «методологическому пути», ср.: «*Mit der Naturwissenschaft ging es weit langsamer zu [als mit der Mathematik], bis sie den Heeresweg der Wissenschaft traf*» (2; В XII). И если все ученые, вступившие на этот путь, маршируют колоннами, то себя И.Кант метафоризирует в образе первопроходца, функцию которого он может выполнить благодаря своей «Критике...», в то время как наука «докритического периода» изображается им как «бесцельное блуждание», ср., например: “*Kultur und Vernunft durch den sicheren Gang einer Wissenschaft ueberhaupt< in Vergleichung mit dem grundlosen Tappen und leichtsinnigen Herumstreifen derselben ohne Kritik*” (2; В XXXf).

Особенно обращает на себя внимание следующий пример, иллюстрирующий «автопортрет» И.Канта как «первопроходца» науки. Эта метафорическая «самостилизация» представляется несколько комичной, если принять во внимание тот факт, что кенигсбергский философ всю свою жизнь провел в этом восточнопрусском городе, не покидая его: “*Wir haben jetzt das Land des reinen Verstandes nicht allein durchreiset, und jeden Teil davon sorgfaeltig in Augenschein genommen, sondern es auch durchmessen, und jedem Dinge auf demselben seine Stelle bestimmt. Dieses Land aber ist eine Insel, [...] es sonst ueberall keinen Boden gibt, auf dem wir uns anbauen koennten...* (2; В 294 f). Область возможного знания представлена автором как географическая «территория». Для изображения этой «*Terra incognita*» Кантом используются также топографические детали ландшафта. Автор приходит к заключению о том, что эта область возможного знания имеет для человека свои пределы, иначе говоря, это – своего рода остров, чьи естественные границы одновременно служат границами данной области знания. В рамках этой метафорической модели Кант тематизирует

ненаучные спекуляции как «напрасные попытки» преодолеть заданные границы и покинуть «остров» на «корабле или по воздуху» (per Schiff, fliegenderweise). В последнем предложении вышеприведенного примера мы обнаруживаем связующее звено между двумя базовыми метафорами кантовского сценария науки: целью Канта - первопроходца было обнаружение «твердой почвы», на которой могла быть основана наука (могла «поселиться наука»).

Таким образом, как мы отмечали, первая метафора обуславливает логичное использование второй базовой метафоры – «Bau des Wissenschafts – gebaeudes» («Построение здания науки») на твердой почве, обнаруженной в результате путешествия: «[Die Vernunftspekulation versucht] *ihr Gebaeude so frueh, wie moeglich, fertig zu machen, und hintennach allererst zu untersuchen, ob auch der Grund dazu gut gelegt sei* » (2, В 9). В данном высказывании явно усматривается предупреждение автора: нельзя возводить здание, не позаботившись заранее о прочном фундаменте. То есть в это предложение «вплетена» конвенциональная метафора «Theorien sind Gebaeude» (3, 46). Используя эту метафору в качестве концептуальной основы своих воззрений, Кант изображает свою роль ученого – теоретика следующим образом: [Die Erkenntniskritik beschaeftigt sich] mit einer nicht so glaenzenden, aber doch auch nicht verdienstlosen *Arbeit*, naemlich: *den Boden zu jenen majestaetischen [...] Gebaeuden eben und baufest zu machen, in welchem sich allerlei Maulwurfsgaenge einer vergeblich aber mit gutter Zuversicht, auf Schaetze grabenden Vernunft vorfinden, und die jenes Bauwerk unsicher machen* (ibid: В 375f).

Иными словами, теоретик – это своего рода инженер или прораб, «подготавливающий площадку для постройки». И хотя эта задача чрезвычайно скромна, она, тем не менее, обуславливает надежность всего «здания». Автор подчеркивает важность научной «систематизации» и «повышает» роль ученого – теоретика до «архитектора», ответственного за планирование «здания – науки»: Nicht technisch [...], sondern *architektonisch [...]* kann dasjenige entspringen, was wir *Wissenschaft* nennen (ibid: В 861).

Итак, можно сделать вывод о том, что кантовский сценарий науки включает в себя две фазы: А) в первой фазе «Wissenschaft als Entdeckungsreise» научные дисциплины концептуализируются как «войска на марше». Целью данной экспедиции является поиск «твердой почвы» эмпирического, по возможности, познания; Б) вторая фаза «Wissenschaft als Gebaeudebau» являет собой конечную цель пре-

дыдущей «экспедиции»: для «заселения» необходимо надежное здание на твердой почве.

Научные теоретические системы – это здания, конструируемые из «строительного материала» - знаний, причем, эмпирическая наука – строительство на более надежной основе.

Таким образом, наука понимается И. Кантом как конструктивная деятельность, а теоретическая система, значение которой фокусируется в «архитектурном» компоненте, является, по Канту, результатом научной деятельности.

Библиографический список:

1. Geeraerts D. Cognitive Semantics and the History of Philosophical Epistemology, in: Geiger R. & Rudzka-Ostyn, B. (Hrsg.). "Conceptualizations and Mental Processing in Language". Berlin, New York, 1993, S.53 – 79.
2. Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Hamburg 1986 (1781\87)
3. Lakoff G. & Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago\ London 1980
4. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago\ London 1987
5. Lawler J.M. Metaphors We Live By, by George Lakoff and Mark Johnson. Review Article, in: Language 59, 1983, S. 201 – 207

А. С. ПУШКИН И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Ц. Цэрэндорж

**Ивановский государственный университет
Иваново, Россия**

Историческая роль Пушкина в создании русского литературного языка на национальной основе неоспорима. Приведем только две цитаты, имеющие отношение к теме данной статьи. Первая принадлежит И. С. Тургеневу: «...Ему одному пришлось исполнить две работы, в других странах разделенные целым столетием и более, а именно: установить язык и создать литературу. <...> Нет сомнения, что он создал наш поэтический, наш литературный язык и что нам и нашим потомкам остается только идти по пути, проложенному его гением» [5, т. 12, с. 344–345]. Эта же мысль звучит и в книге А. И. Федорова «Роль Пушкина в формировании современного русского литературного языка» (1993): «Словарный состав современного русского литературного языка по сравнению с первой половиной XIX в. уве-

личился в четыре раза. Многое изменилось в русском литературном языке: стали архаичными десятки слов, известных в текстах Пушкина; вышли из употребления некоторые грамматические формы, синтаксические конструкции. Но основа современного русского литературного языка, заложенная Пушкиным, сохранилась, потому что главным источником обогащения этого языка продолжает оставаться живая русская народная речь» (6, 159). Целью данной статьи является анализ фразеологического состава текстов Пушкина в сопоставлении с фразеологией современного русского литературного языка.

Основная часть встречающихся в текстах Пушкина фразеологических единиц остается актуальной и в наши дни. Многие из них фиксируются в толковых и фразеологических словарях русского литературного языка в той же форме и в тех же значениях, в каких они употреблены в текстах Пушкина: **бить баклуши, на бобах, ради бога, за глаза, во все горло, с грехом пополам, дело в шляпе, держать ухо востро, во весь дух, душа в душу, ждать у моря погоды, под рукой, не сводить глаз, слава богу, как снег на голову, спустить шкуру, по уши, час от часу, в двух шагах** и т. п. Например: *«Всяк со страхом поклонился, Остеречься всяк решился, Ухо всяк держал востро И хранил свое добро»* Царь Никита и сорок его дочерей (Ср.: «ДЕРЖАТЬ УХО ВОСТРО. Быть настороже, начеку» [7, 138]); **душа в душу**: *«Мы тотчас поладили, и хотя по контракту обязан был учить меня по-французски, по-немецки и всем наукам, но он предпочел наскоро выучиться от меня кое-как болтать по-русски, – и потом каждый из нас занимался уже своим делом. Мы жили душа в душу»* Капитанская дочка (Ср.: «ДУША В ДУШУ. В полном согласии, дружно (жить, прожить и т. п.)» [7, 149]); **час от часу**: *«Между тем здоровье Андрея Гавриловича час от часу становилось хуже»* Дубровский; *«Лиза час от часу более нравилась Алексею»* Барышня-крестьянка (Ср.: «ЧАС ОТ ЧАСУ. Постепенно, с течением времени. О постепенном усилении или ослаблении чего-либо» [7, 516]); **в двух шагах**: *«Ночь была темна, небо покрыто тучами, в двух шагах от себя нельзя было ничего видеть»* Дубровский (Ср.: «В ДВУХ [в трех, нескольких] ШАГАХ от кого, от чего. Совсем близко, недалеко» [7, 531]).

Очень незначительное число фразеологических единиц, встречающихся у Пушкина, не фиксируется фразеологическими словарями русского литературного языка, например *точить топор на кого*: *«В неравный спор Зачем вступает сей безумец? Он сам, надменный*

вольнодумец, Сам точит на себя топор. Куда бежит, зажавши вежды? На чем он основал надежды?» Полтава.

Некоторые из таких фразеологических единиц, которые не описаны в современных словарях, фиксируются в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (2). Например, в текстах Пушкина встречаем фразеологическую единицу **с голосу спадать**: «- Громче! – сказала графиня. – что с тобою, мать моя? с голосу спала, что ли?.. *Погоди: подвинь мне скамеечку, ближе... ну!*» Пиковая дама. В словаре Даля эта фразеологическая единица отмечена в речениях «*Она уже отпела, стала спадать с голосу*», «*Терять голос, спадать с голоса после многолетнего пения*» и толкуется следующим образом: «утратить певчий голос, особенно при переходе в возмужалость, в старость». Как видим, у Пушкина данная фразеологическая единица употребляется с иным оттенком значения.

Некоторые же единицы зафиксированы в словарях в другом виде, чем в текстах Пушкина. Примерами могут послужить единицы **сердце шевелить**: «*Мы любим слушать иногда Страстей чужих язык мятежный, И нам он сердце шевелит*» Евгений Онегин (Ср.: ШЕВЕЛИТЬ УМ *перен.* Пробуждать к чему-н., тревожить <..> *Новые надежды шевелили ум.* (4, т. IV с. 1328–1329); *перен.* Волновать, тревожить, побуждать к деятельности. Роман Тургенева [*«Отцы и дети»*].. замечателен еще тем, что он шевелит ум, наводит на размышления. Писар. Базаров, 1 [3, т. 17 с. 1325–1326]) и **последний лепт давать**: «*Оно [вино] сверкает Ипокреной; Оно своей игрой и пеной (Подобием того-сего) Меня пленяло: за него Последний бедный лепт, бывало, Давал я*» Евгений Онегин (Ср.: ЛЕПТА <..> 2. *перен.* Посильное подаяние, вклад [из евангельского рассказа о лепте вдовицы] (книжн. устар.). *Трудовая л. Внести свою лепту.* (4, т. II, 47); ЛЕПТА <..> 2. Посильное подаяние, пожертвование; вклад в общее дело. *Скромная лепта. Мы тотчас Скудную лепту от наших избытков послали.* Фет, Герман и Доротей. <..> *Внести, принести свою лепту. Я хочу принести свою лепту в сокровищницу воспоминаний об этом достопамятном своею странностью явлений.* Черныш. Замеч. на «Посл. слово ..». *Желая внести свою лепту в «Складчину» и не имея ничего готового, я стал рыться в своих старых бумагах и отыскал прилагаемый отрывок из «Записок охотника».* Тург. Письмо Я. П. Полонскому, 13 янв. 1874 [5, т. 6, 166]). Как видно из примеров,

употребление этих фразеологических единиц в текстах Пушкина также отличается индивидуальностью.

В текстах Пушкина наблюдаются и случаи более существенного преобразования фразеологических единиц, когда видоизменяется их форма, значение, сочетаемость и другие параметры. В основном у Пушкина наблюдается замена одного из компонентов фразеологической единицы. Например, у фразеологической единицы **камень с души [с сердца] свалился у кого** со значением «кто-либо испытывает чувство душевного облегчения, избавления от чего-либо гнетущего, тягостного, неприятного» [7, с. 192] Пушкин заменяет компонент **камень** на **жернов**, и фразеологизм приобретает вид **жернов с сердца свалился**: «*Бибиков с нетерпением ожидал сего перелома. Для укорения военных действий выехал он из Казани, и был встречен в Бугульме известием о совершенном поражении Пугачева. Он обрадовался несказанно. То-то жернов с сердца свалился (писал он от 26 марта жене своей)*» История Пугачева; у фразеологической единицы **распахивать душу перед кем** «откровенно делиться мыслями, переживаниями с кем-либо; чистосердечно рассказывать о себе» [7, с. 385] заменяется компонент **распахивать** на **обнажать**: «*[Борис:] Ты, отче патриарх, вы все, бояре, Обнажена моя душа пред вами: Вы видели, что я приемлю власть Великую со страхом и смиреньем*» Борис Годунов.

Замена компонента у фразеологической единицы **обливать [поливать] грязью [помоями] кого** «незаслуженно оскорблять, порочить, обвинять в чем-либо предосудительном» (7, 290) в примере «*Но не похвально ему [выходя] за русскую ласку марать грязью священные страницы наших летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцев*» («Опровержение на критики») осложняет значение фразеологизма семей интенсивности и степени проявления признака. Кроме того, в данном контексте изменяется и сочетаемость данной фразеологической единицы, приводящей к обновлению образности.

Другой случай – это вставка слов в границы фразеологизма. Например, **на бранном воздухе**: «*Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами*» Метель (Ср.: «НА <СВЕЖЕМ> ВОЗДУХЕ. Вне помещения, на улице (быть, находиться и т. п.» [7, 75]); **на авось какой**: «*Балда говорит: «Буду служить тебе славно. Усердно и очень исправно, В год за три щелка тебе по лбу, Есть же мне давай вареную*

полбу». Призадумался поп, Стал себе почесывать лоб. Щелк щелку
ведь розь. Да понадеялся он на русской авось» Сказка о попе и
работнике его Балде (Ср.: «НА АВОСЬ. В расчете на счастливую
случайность, на счастливый исход; наудачу» [7, 29]) и др. Ср. также:
показать хребет («Дело не продолжалось и двух часов. Ибо (сказано
в Журнале Петра Великого) непобедимые господа шведы скоро хре-
бет свой показали, и от наших войск вся неприятельская армия весь-
ма опрокинута» Полтава) и «ПОКАЗЫВАТЬ СПИНУ.
1. Отвернувшись, уходить, не желая объясняться, разговаривать с
кем-либо или выражая невнимание, пренебрежение и т. п. к кому-
либо. 2. Удирать, обращаться в бегство» [7, 335]; **вытаращить белки**
(«Графиня? Она, разумеется, сначала очень была огорчена твоим
отъездом; потом разумеется, мало-помалу утешилась и взяла себе
нового любовника; знаешь кого? длинного маркиза R.; что же ты
вытаращил свои арапские белки? или все это кажется тебе стран-
ным» Арап Петра Великого) и «ПЯЛИТЬ [таращить, пучить] ГЛАЗА
на кого, на что. Прост. Пристально, упорно, напряженно смотреть на
кого-либо или что-либо; засматриваться на кого-либо или что-либо»
(7, 373). В этих примерах наблюдается сочетание двух типов
видоизменений – это замена компонента и вставка слова в границы
фразеологизма.

Отбор и использование фразеологических единиц в текстах
А. С. Пушкина наглядно демонстрирует его ориентацию на живую
разговорную речь того времени. Пушкин вводит в свои тексты фра-
зеологические единицы из народной речи, но в то же время не отка-
зывается и от активного фонда фразеологии, использовавшейся в
письменных текстах его литературных предшественников. Анализ
использования фразеологических единиц в текстах Пушкина показы-
вает отчетливо выраженное стремление поэта к сознательному фор-
мированию активного фразеологического фонда русского языка. При
этом Пушкин не только дает образцы типового использования ото-
бранного им корпуса фразеологизмов, но и показывает потенциа-
льные возможности (в том числе и трансформированного) введения
фразеологической единицы в текст. Гениальность Пушкина и его ис-
ключительная роль в формировании современного русского литера-
турного языка нашла выражение и в том, что он сумел отобрать для
него именно ту часть фразеологии, которая сохранила свою актуа-
льность до наших дней.

Библиографический список:

1. Виноградов В. В. Пушкин – основоположник русского литературного языка. М., 1949.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В IV т. М., 1981.
3. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1950–1965.
4. Толковый словарь русского языка. Т. I–IV / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.
5. Тургенев И. С. Сочинения: В 12 т. М., 1986.
6. Федоров А. И. Роль Пушкина в формировании современного русского литературного языка. Новосибирск, 1993.
7. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1967.

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ПРЕДЛОЖНОЙ СИСТЕМЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА (диахронический аспект)

Г.Н. Чеботарева

**Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
Тамбов, Россия**

Как известно, современный немецкий язык является продуктом длительного, сложного процесса исторического развития. Для древневерхненемецкого периода характерной была нестабильность языковой ситуации. Как отмечает М.М.Гухман, «выделяются два языковых уровня: обработанный тип языка, представленный в устной поэзии, в языческих обрядах, в устном праве, в ораторской речи на народных собраниях, и язык повседневного общения, совокупность тех разговорных форм племенных диалектов, которые принесли с собой завоеватели» (3, 44).

Памятники древневерхненемецкого периода в своем подавляющем большинстве носили духовный характер. Они создавались и записывались в монастырях, которые были основными центрами образованности (Фульде, Фрейзинг, Рейхенау, Сан Гален и др.). В качестве языковых норм использовались языки греко-римской цивилизации - греческий и латынь. Как пишет М.М.Гухман, «греческое койне и средневековая латынь становятся тем эталоном, которому стараются подражать создатели письменности на германских языках» (3, 17). Роль древних германских рун в этот период незначительна, вместо них древневерхненемецкая письменность использует латинский ал-

фавит. Решающее место среди древневерхненемецких памятников занимают переводы с латинского языка или пересказы латинских источников (1, 28). Однако «ведущее положение занимают отныне не простые заимствования, а разные формы приспособления немецкой лексики к латинским образцам: кальки, т. е. буквальные переводы компонентов сложного слова, образование слов путем суффиксации, изменение семантической структуры немецкого слова под влиянием латинского образца» (3, 56).

Под влиянием сложившейся языковой ситуации древневерхненемецкого периода (дрвн.) оказалась и предложная система древне-немецкого языка. Как показывают материалы этимологического словаря Дудена, большинство предлогов того времени имели аналоги в латинском и греческом языках. В древнегерманские языки они перешли путем заимствования или калькированного перевода. Например:

дрвн. durch → лат. trans “jenseits, überweg”; дрвн. per → лат. per “hindurch, überhin”; дрвн. pro → лат. pro; дрвн. gegen → лат. contra „gegen“; дрвн. ano → греч. aneu “ohne”; дрвн. an[a] → греч. ana; дрвн. umbi → греч. amphi “um” (als Bestandteil des Wortes), лат. am[b]; дрвн. mit[i] → греч. meta “zwischen, mit, nach, hinter”; дрвн. fon → лат. po-, z. B. in po-sizion “ab-, weggelegt”; дрвн. in → греч. en “in”; лат. in “in”; дрвн. ubar → греч. hyper “über, überhinaus”, лат. super “über [-hin], über-hinaus”; дрвн. unter в двойном значении: 1) “zwischen” = лат. inter; 2) по значению предлог unter близок лат. infra и является противопоставлением предлогу über;

дрвн. fora → греч. para “an etwas entlang, über etwas hinaus”;

дрвн. aba → греч. apo “von, ab”, лат. ab “von” и другие.

Значительный вклад в развитие христианской идеологии и в создание письменности на территории франкского королевства внесли готские и англо-саксонские миссионеры (3, 22). Из языка готов были заимствованы следующие предлоги: гот. us = дрвн. ar, er, ir;

гот. at = дрвн. az (лат. ad); гот. and, который содержится только в соединениях в качестве приставок ant-, ent-; гот. fra, который уже в дрвн. встречался только в соединениях как far-, fer-, fir- (nhd. ver-); гот. afar = дрвн. after; гот. wiþra = дрвн. widar.

Г. Пауль пишет, что позже к старым образованиям в древневерхненемецкий период присоединяются hinter, gegān, nach, auf и aus, которые в готском языке использовались как наречия (9; Vd.4, S.4).

Большинство предлогов древнегерманских языков по своему происхождению являются наречиями места, которые служили в индоевропейских языках для пространственного определения значения

глагола-сказуемого. Эти наречия в процессе дальнейшего развития либо превращаются в предлоги, вступая в связь с приглагольными дополнениями и обстоятельственными словами, либо примыкают к глаголу, превращаясь в отделяемые приставки. В западногерманских языках древневерхненемецкого периода присутствовали предлоги *za*, *ze*, *zi*, которым противостояла форма *zuo*, выступавшая в предложении в роли наречия (9; Vd.4, S.5).

В древних памятниках можно было встретить и другие предлоги: *innan*, *obâr*, *samant*, *sît*, *bî*, *biûzzan*, *forûzzan*, *unzan*, *ur*. Г. Крёмер отмечает, что к концу древневерхненемецкого периода в языке существовало 27 предлогов, если не считать *fure* и *vore* за один предлог (памятники относятся к самому началу средневерхненемецкого периода: конец XI – начало XII века).

Дальнейшая судьба древних предлогов различна. Одни из них видоизменялись вследствие фонетических изменений и продолжали широко использоваться, другие выходили из употребления, а их остатки можно было встретить лишь в диалектах. Прежде всего вышли из употребления предлоги *ar*, *er*, *ir*, которые уже в средневерхненемецкий период встречаются только в соединениях. Предлог *ab* еще в течение древневерхненемецкого периода был вытеснен молодым предлогом *von*. В средневерхненемецком *ab* продолжил свое существование лишь на юго-западе Германии. В современном немецком языке он (дрвн. предлог *ab*) в большинстве случаев выступает как наречие, употребляется в качестве отделяемой приставки (напр.: *abhanden*, *abkommen*, *abtreten* и т.п.) и входит в состав двойного предлога с первым компонентом *von* (напр.: *von jetzt ab*, *von da ab*). Наряду с древневерхненемецким предлогом *bî* употреблялся предлог *bi*, который в средневековые времена встречается в соединениях типа *bezîte*. Предлог *bî* в результате дифтонгизации в нововерхненемецкий период приобрел форму *bei* (9; Vd.4, S.3-4). В течение средневерхненемецкого периода *ze* еще господствует как предлог, однако постепенно он вытесняется адвербиальной формой *zuo* (nhd. *zu*). Средневерхненемецкая форма *ze* сохранилась лишь в южно-немецком диалекте в сокращенном виде *z'* (9; Vd.4, S.3-4).

Ослабление гласных безударных слогов в средневерхненемецкий период, смешение отдельных падежных форм приводит к широкому использованию и дальнейшему усложнению предложных конструкций. Филичева отмечает, что «в средненемецкий период появилось около 20 новых предлогов, например: *zwischen* (между), *sunder* (без) (6, 190). Характер предлогов переняли такие соединения, как

innerhalb, ûserhalb, oberhalb, niderhalb, dis(e)halb, jenhalb, indeß, indessen, unterdeß, binnen и др. Например: binnen den Klostermauern (J.Mösers Werke), innerhalb dem (Lessing), innerhalb und außerhalb ihrem Vaterlande (Herde), innerhalb dem Kreise (Goethe), jenseits dem Jordan (Luther)

Первый этап нововерхненемецкого периода (XIV-XV вв.) является периодом массового возникновения так называемых «новых предлогов», обычно отыменных и обладающих абстрактным значением. Большинство из них возникает из предложных групп: von wegen > wegen, in kraft > kraft, nâch lût > laut, an statt > anstatt, nach Basage > basage, nach Vermöge > vermöge, in Folge > infolge, .

Профессор В.Г.Адмони связывает «массовую выработку специализированных предлогов с абстрактными логическими значениями» с появлением в немецком языке разного рода юридических документов, философско-теологических сочинений, требующих крайней точности в выражении сложного хода мысли (1, 117). О юридически-канцелярском происхождении подобных предлогов свидетельствует их семантика. Например, laut «согласно, с юридической точки зрения» в характерной для ранних немецких грамот формуле: wir thun kund und bezeugen laun und inhalt, dieser gegenwertigen schrift, das...

Однако предлоги нового слоя не были полностью изолированы в своем употреблении от основного потока развития немецкого языка. Некоторые из них (von...wegen, um...willen и др.) вскоре начинают употребляться в самых различных жанрах, например, um...willen- для выражения целевого значения.

В памятниках нововерхненемецкого периода можно встретить предлоги, произошедшие от имен прилагательных и причастий: nebst, nebens, nebest, nach, nächst, gemäß, längs, abzüglich, anlässlich, während, ungeachtet, ausgenommen, unweit, inmitten, seitlich.

Большинство предлогов более позднего времени, так называемые «unechte Präpositionen» (термин введен В.М.Жирмунским), представляют собой адвербиальные обороты, образованные из падежных форм, предложных конструкций и других застывших фразеологических групп типа: zufolge, entlang, gegenüber, entgegen, aufgrund, anstelle, anhand, abseits, diesseits, jenseits, ausschliesslich, einschliesslich, mangels, mittels и др.

В современном немецком языке насчитывается более чем 200 предлогов. Такое многообразие предлогов дало основание О.И. Москальской классифицировать их на: 1) старые (первичные) предлоги;

2) предлоги позднего образования (вторичные предлоги); 3) предлоги позднего происхождения. (5, 377)

Большинство лингвистов, среди них Г.Пауль, В. Юнг, О.И.Москальская, В.Г.Адмони и др., склонны считать, что процесс развития предлогов не является завершенным. Так, в современном немецком языке наблюдается новая тенденция полного перехода в предлоги некоторых прилагательных и наречий: *gelegentlich*, *vorbehaltlich*, *seitab*, *rechts*, *links*, *nördwärts* и т.п., например: *links des Hauses*, *rechts des Wegen*, *gelegentlich seines Aufenthalts*. Кроме того, в современном немецком языке развиваются предложные сочетания с именем существительным, которые функционируют в качестве предлогов: *in Anbetracht*, *mit Ausnahme*, *im Laufe*, *mit Hilfe*, *auf Kosten*, *in der Nähe*, *im Interesse*, *in Vergleich zu*, *zum Zwecke*, *auf dem Wege* и др.

Основное отличие предложного словосочетания от словосочетания, состоящего из самостоятельных слов, Н.А. Баскакова видит в характере конкретизации. Предложные словосочетания выражают не связи между двумя или более явлениями объективной действительности, а разные отношения между данными предметами объективной действительности, как-то: причинные, целевые, пространственные и др.

Таким образом, можно утверждать, что развитие предложной системы ведет к обогащению и максимальному использованию ресурсов немецкого языка, а не к вытеснению одних форм другими.

Библиографический список:

1. Адмони В.Г. Исторический синтаксис немецкого языка. М.,1963.
2. Баскакова Н.А. Предлоги с общим значением соотнесенности в немецком языке //Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. - Вып.4.- МГУ,1980. С.15-26.
3. Гухман М.М., Семенюк Н.Н. История немецкого литературного языка IX-XV вв. М.,1983.
4. Жирмунский В.М. История немецкого языка. М.,1965.
5. Москальская О.И. Грамматика немецкого языка: Теоретический курс. М., 1956.
6. Филичева Н.И. История немецкого языка. Курс лекций. М.,1959.
7. Чемоданов Н.С. Хрестоматия по истории немецкого языка. М.,1953.
8. Jung W. Grammatik der deutschen Sprache.- Leipzig, 1971.
9. Paul,H. Deutsche Grammatik.- 5Bd.-Halle(Saale),1955.

10. Duden. Das Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache.- 2., völlig neu bearb. u. erw. Aufl./ von Günther Drosdowski – Manheim; Wien; Zürich: 1989 (Der Duden: Bd.7).

КУЛЬТУРА РЕЧИ В СВЕТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

О.В. Чуксина

Тамбовский государственный технический университет

Тамбов, Россия

olg473@mail.tambov.ru

Как известно, в процессе межкультурной коммуникации взаимодействие представителей разных лингвокультурных общностей осложняется национальными компонентами культуры, такими как традиции, обычаи, быт, повседневное поведение, национальные особенности мышления и психологии. Способность к межкультурной коммуникации неразрывно связана с пониманием иного образа мысли, уклада жизни, способов решения жизненных и деловых проблем. Действительно, стабильность и благополучие мира во многом зависят от способности молодого поколения проявлять терпимость, уважать культурные и социальные особенности иных стран и народов, что вызывает необходимость подготовки специалистов в контексте «Культуры мира».

Одним из наиболее важных моментов, способствующих эффективности межкультурной коммуникации, на наш взгляд, является владение культурой речи. В лингвистическом аспекте культура речи подразумевает «владение говорящим литературной нормой, умение стилистически правильно строить высказывание, то есть употреблять языковые средства, адекватные ситуации общения, умение выражать свои мысли ясно, доходчиво, образно» (4; с.4). Данное определение демонстрирует прямую связь между адекватным употреблением языковых средств и четким выражением мысли. Предположительно, ясность, логичность мысли способствуют ясности ее выражения. Наоборот, бессвязность мысли, несмотря на высокий уровень владения языком, будет препятствовать культуре речи.

Культура речи обозначает совершенный уровень владения языком и может быть представлена как совокупность ряда характеристик. Эти характеристики демонстрируют качества, которыми должна обладать речь, чтобы оказать наилучшее воздействие на данного адресата в конкретной обстановке и в соответствии с поставленной за-

дачей. Традиционно выделяются такие характеристики, как богатство (разнообразие) речи, ее чистота, выразительность, правильность, функционально стилевая адекватность, образность. Между тем, немаловажны ясность или понятность, краткость, логичность, содержательность речи. Последние непосредственно определяются умением выражать мысли, то есть культурой мышления.

Базовой характеристикой речи, безусловно, является правильность, или соответствие литературной норме. В лингвистической литературе норма трактуется как принятое в речевой практике употребление языковых средств, совокупность правил, регламентаций, упорядочивающих употребление языковых средств в речи. Норма складывается в результате отбора элементов из числа существующих как наиболее пригодных для обслуживания коммуникативных потребностей общества. Норма характеризуется устойчивостью, стабильностью, так как национальный характер соединяет поколения и обеспечивает преемственность культуры. В то же время, понятие нормы предполагает динамизм, способность к развитию в соответствии с внутренними законами языка и запросами общества. С позиции культуры речи особое значение, на наш взгляд, приобретает владение стилистической нормой, обеспечивающей соответствие используемых языковых средств ситуациям общения или условиям коммуникации.

Понятие культуры речи тесно связано с идиоматичностью речи. Идиоматичной можно назвать речь, построенную не только согласно правилам лексической и синтаксической сочетаемости данного языка, но и с учетом его узуса, специфика которого проявляется в межкультурной коммуникации. Идиоматичность речи на иностранном языке достигается за счет употребления таких речевых средств как речевые стереотипы, готовые фразы, формулы речевого этикета и устойчивые словосочетания, клише, фразеологизмы, пословицы, предложения, фразовые глаголы. Заметим, что при изучении иностранного языка важно не только понимать значение идиоматичных выражений, но и правильно употреблять их в речи. Именно в идиоматических выражениях запечатлены понятия типичные для данной лингвокультурной общности, которые олицетворяют образ мысли ее представителей.

Наряду с правильностью немаловажное значение имеют точность, краткость, выразительность речи. Точность означает соответствие смысла высказывания передаваемому замыслу и способствует ясности речи, под которой подразумевают легкость восприятия напи-

санного, недвусмысленность. Краткость же определяется как отсутствием лишних слов.

Розенталь Д.Э. подчеркивает важность выразительности речи, которая достигается четким, ясным произношением, правильной интонацией, умело поставленными паузами. При достижении выразительности речи особое внимание следует уделять темпу речи, силе голоса, убедительности тона (3; 116). В то же время, убедительная, доходчивая, четкая передача материала должна сочетаться с объективным, правильным изложением фактов, логичностью, содержательностью речи.

В более широком контексте культура речи включает лингвистические знания, которыми располагает коммуникант, и которые обеспечивают нормативное употребление языка в процессе вербальной коммуникации. Следовательно, культура речи зависит от фоновых знаний коммуникантов, их тезаурусов и требует определенных сведений социокультурного характера. Отсюда культура речи рассматривается как составная часть культуры речевого поведения, которое определяется общими нормами культуры и конкретной социальной ролью говорящего. При этом речевое поведение представляет собой «всю совокупность речевых действий и их форм, рассматриваемых, прежде всего в социально-коммуникативном аспекте» (2; 17). Основными компонентами культуры речевого поведения, помимо культуры речи, являются культура речевого этикета, культура мышления и культура соматической коммуникации (1).

Понятие культуры речи неразрывно связано с понятием культуры общения. По мнению К.Н. Хитрика, эти два понятия перекликаются, вызывая представление о некоем коммуникативном совершенстве речи – правильности, выразительности, нормативности, то есть соответствии ее фонетическим, морфологическим, лексическим, грамматическим и другим нормам литературного языка. Культуру общения К.Н. Хитрик сводит к знанию субъектом речи знаков естественного языка и соблюдению правил их сочетания и применения в зависимости от условий обстановки, что автор называет ортологическим аспектом речи (5).

М.О. Фаенова под культурой вербального общения подразумевает «высокоразвитое умение осуществлять коммуникацию соответственно нормам, исторически сложившимся в данном коллективе, с учетом психологических механизмов воздействия на адресатов, а также используя лингвистические средства и способы реализации та-

кого общения, с целью достижения наибольшего запланированного прагматического результата» (4; с. 22).

На наш взгляд, культура общения – это не только способность оперировать в речи культурными концептами. Культура общения основывается на соблюдении всех правил культуры речи, и в то же время, обязательно включает знание этикета, стратегий и тактик поведения в ситуациях повседневного и профессионального общения.

Совершенствование культуры речи сопровождается формированием вторичной языковой личности обучаемых. Безусловно, личность говорящего проявляется в речи. Социальная и территориальная стратификация языка обнаруживают себя в произношении, лексике и синтаксисе. С другой стороны, для понимания речи имеет значение возраст, образование, профессия, пол, культура, знания, личностные характеристики человека.

Таким образом, культура речи определяется языковым сознанием личности. Изучая культуру, речи человека можно судить о содержании его языкового сознания и степени сформированности языковой личности. Речевая культура является важной частью речевого поведения личности в процессе межкультурной коммуникации.

Библиографический список

1. Гутнова З.К. Методика обучения идиоматичной диалогической речи на продвинутом этапе обучения английскому языку. Дис. ... канд. пед. наук. М., 2000 .
2. Колтунова М.В. Язык и деловое общение: Нормы, риторика, этикет. М., 2000.
3. Розенталь Д.Э. Культура речи. М., 1964.
4. Фаенова М.О. Методика работы над культурой речи на иностранном языке. Дис. ... канд. пед. наук. М., 1980.
5. Хитрик К.Н. Теоретические основы обучения культуре иноязычного речевого общения в специальном языковом вузе. Дис. ... док. пед. наук. М., 2001.

LINGUISTIC AND LEGAL ASPECTS OF TRANSLATING ENGLISH LEGAL TERMINOLOGY

T.B. Sheberstova, L.I. Ivanova
Ivanovo State University
Ivanovo, Russia

Active interaction of Russia with countries of the world community raised a wide range of issues concerning international business activities. Foreign and multinational corporations as well as domestic companies are involved in international deals all over the world. With rapid growth of international commercial transactions and, consequently, international disputes, the problems of legal translating acquired vital importance.

The English language has become the language of choice for conducting international legal and business transactions. In addition, the English language has become prominent as the operational language of many law firms and multinational corporations. Thus, interest in exploring English legal terminology and legal translating has recently grown up. In this context, the article reviews general peculiarities of legal terms and focuses on linguistic and legal aspects of translating English legal terminology.

While exploring legal terminology we have to determine the unit of this terminological system. In this article we define *a term* as a word or a word combination belonging to the specific field of usage, either specially created or borrowed for determining a specific concept and based on a definition. In that way, *a legal term* is a word or a word combination which stands for a general name of a legal concept, has a specific and definite meaning, and is often used in legislation and legal documents (5; 9; 10, p. 64).

Contemporary language of law makes several requirements relating to legal terms that should be taken into consideration in the process of translating. The legal term should meet the following important requirements:

- a) satisfy the rules and norms of a corresponding language,
- b) be systematic,
- c) correspond to a certain definition oriented to a certain concept,
- d) be relatively independent of the context,
- e) be precise,
- f) be as concise as possible,
- g) aim at one-to-one correspondence (within the certain terminological system),

- h) be expressively neutral,
- i) be euphonical (8, 8).

The language of law as a special sublanguage has its own content and a set of specific characteristics which vary with a language system. However, irrespective of a language, the major part of its distinctive features and peculiarities are explained by the influence of historical, cultural, social and political factors on the language community.

The English legal language is characterized by a specific set of terms. First of all, it comprises numerous Latin words and phrases (ex. *lex loci actus*, *res gestae*, *corpus delicti*, *lex domicilii*, etc.). It also has words of the Old and Middle English origin, including compounds which are no longer in common usage (*aforesaid*, *hereinabove*, *hereafter*, *whereby*, etc.). Besides, the English legal language includes a large amount of words derived from French (*appeal*, *plaintiff*, *tort*, *lien*, *estoppel*, *verdict* etc.). The language of law also uses formal and ceremonial words (*I do solemnly swear*, *Your Honour*, *May it please the court...*) and technical terms with precise meanings (*defendant*, *negligence*, *bail* etc). Thus, the present content of the English language of law is due to the influence of different languages and that has a historical explanation (2, p. 386; 3; 7, p.187).

Considering Russian legal terminology, we should keep in mind that it comprises fewer borrowings and compounds than the English one. A considerable part of legal terms is of a national origin including Old Russian (for example, *истец*, *ответчик*, *право*). This may be explained by the history of Russia and its legal system development as well. At the same time, contemporary Russian legal language is being enriched by the new legal terms derived from English (*лизинг*=*leasing*, *антитрестовский*=*antitrust*, *корпоративный*=*corporate* etc.) (1; 3; 4). Thus, English and Russian legal languages are characterized by their own specific features which are explained by the historical, political, social and cultural influences.

Dealing with the language of law implies two forms of transferring from one language to another – legal interpreting and legal translating.

Legal interpreting is meant for people who come before the courts (litigants, defendants, witnesses etc.) and who cannot communicate effectively in the language of legal procedures. According to the law, individuals who do not communicate in the language of legal proceedings have a right to speak their native language in court and use the interpreting services. Speaking of Russian legislation, similar rules of law are provided by the Arbitration procedure code (2002), the Civil procedure code (1964)

and the Criminal procedure code (2001). The interpreter's goal is to interpret from one language to another everything that is said in court, preserving the tone and level of the original language, adding and deleting nothing. The legal interpretation should be adequate, complete and correct.

Legal translating first of all implies translating legal documentation (laws, rulings, acts, legal contracts, agreements, administrative papers, forms and other law-related documentation). This kind of translating has been recently prevailing in the process of international relations development.

Faced with a legal text to translate, a legal translator must deal with the dual challenge of language and law, which he or she must reproduce as correctly as possible in the target language. This complex procedure of transferring from one language to another involves a number of risks inherent in language. That is why it is rather difficult to transfer the entire message of the source text from one language to another. Legal translation requires reproducing both form and content of the legal text. The latter also implies transferring text from one legal system to another. Therefore, legal translating is subject to various difficulties of transferring a meaning of a legal term and a translator must strive for a functional equivalence.

As it was mentioned before, any kind of translation has to meet the principal requirements of adequacy, accuracy and completeness. While accuracy and completeness are mainly aimed at the form of the legal text, adequacy is referred to its content. Adequacy of the legal translation is mostly achieved by following the principal rules of legal terminology in the target language. As V.I. Dal, a prominent Russian scholar, rightly said, "translation implies transferring the meaning of the original, but not the words" (6, III, p.39).

While translating it is important to know the legal terminology in both languages. The substitution of a legal term of the source text by its synonym (a word of common usage) in the target language may result in misinterpretation in terms of law. The distortion of a meaning of a legal term may lead to serious legal consequences.

For example, the legal phrase "*the party domiciled abroad*" is not equal to «зарубежная сторона» or even to «сторона, проживающая за рубежом». The correct way to express the same meaning in Russian legal language is «сторона, домицилированная за рубежом». It should be noted that *a domicile* as a legal term means "a place of permanent living" (if we speak of a person) or "a seat of the company /a principle place of business" (if we speak of a company), while the general meaning of this

word is “a place where you live” (1; 3; 4). Besides, since the legal term *party* (*сторона*) implies either a person or a company involved in a legal agreement or dispute, the second incorrect way of translation mentioned above relates only to a person and hence, is unequal to the legal term used in the source text. Inadequate translation obviously may influence on the appraisal of jural facts.

Thus, it should be taken into consideration that a legal translator or interpreter is liable for the correctness, completeness and adequacy of his legal translating. “The translator must appear before the court and translate completely, correctly and in proper time” (the Arbitration procedure code of RF, 2002: article 57 clause 4). On the one hand, the procedural codes mentioned above provide criminal liability for a wittingly false translation (the Arbitration procedure code of RF, 2002: article 57 clause 6; the Criminal procedure code of RF, 2001: article 59 clause 5).

On the other hand, interpreters are humans and making a mistake is possible. When an interpreter unintentionally makes a mistake, he is obligated to correct it immediately, and he is expected to do the same in case of written legal translating. The Russian law provides a right of a court interpreter to ask questions in order to clarify the translation. Poor legal translation may indeed cause injustices. Rarely, but some cases have successfully been appealed because of interpreter issues.

Therefore, it is obvious that the major drawback of traditional language training and document translation services currently available is that these organizations have little or no experience and knowledge of the law. In order to communicate effectively with others in English about specific legal concepts and ideas it is crucial for legal translators and interpreters to have a profound knowledge of the legal terminology in both languages.

All mentioned above allow us to determine the essential requirements that provide excellence in legal translating (interpreting) in the process of international communication.

First, one of the important requirements is a language proficiency which implies ample vocabulary, knowledge of standard grammar and stylistic components of legal language. The mastery of the target language must be equivalent to that of an educated native speaker.

Second, the high level of excellence requires up-to-date knowledge of the subject material and legal terminology in both languages. These are due to the translator’s competence in legal language.

Third, understanding of the procedures used in court as well as familiarity with principal legal concepts is necessary. In addition, a wide general

knowledge, mental and verbal agility of an interpreter contributes to the effective legal translation as well.

Taking into consideration the aforesaid, we may come to a conclusion that legal translators and interpreters should meet the essential requirements mentioned above in order to provide a complete, correct and adequate translation. Deep knowledge of legal language and proficiency in English legal terminology are the main factors providing the effective intercultural communication of legal professionals in the process of international cooperation.

Please, do not hesitate to contact the authors of this article by e-mail with any questions you may have: article_response@mail.ru

References:

1. BBC English Dictionary. Harper Collins Publisher, Ltd. London, 1992.
2. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge, 1992.
3. Duhaime's Law Dictionary/ <http://www.duhaime.org/dictionary>
4. Англо-русский юридический словарь. 2-е изд. /Андрианов С.Н., Берсон А.С., Никифоров А.С. М., 1998.
5. Володина М.Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации. М., 1993.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4х т. М., 1972.
7. Иванова Л.И., Шеберстова Т.Б. Особенности английского юридического термина и их отражение в переводе// Проблемы межкультурной коммуникации (лингвистические, социолингвистические и культурологические аспекты): межвузовский сборник научных трудов. Иваново, 2000.
8. Кияк Т. Р. Лингвистические аспекты терминоведения. Киев, 1989.
9. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: вопросы теории. М., 1989.
10. Язык закона / Под ред. Пиголкина А.С. М., 1990.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО - ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

Л.В. Шестакова

Российская правовая академия

Москва, Россия

Стремительные социально-экономические изменения, происходящие в нашем обществе сегодня, в значительной мере отразились и на высшей школе. Процессы реорганизации в различных сферах деятельности привели к новому социальному заказу – высшая школа должна выпускать специалистов, способных практически пользоваться иностранным языком как в общегуманитарных целях, так и в своей профессиональной деятельности. Изменилось отношение и самих студентов неязыковых вузов к иностранным языкам. Еще 15-20 лет назад английский язык был для большинства студентов (да и аспирантов) чем-то вроде вульгарной латыни – мертвым языком. Студенты годами сдавали "тыщи" и темы типа "My working day" или "My home town".

Основной упор в преподавании делался на обучение чтению и переводу иностранных научных и, главным образом, научно-технических текстов, а навыки устной речи часто ограничивались "птичьим языком": понял, что тебе сказали, и сказал так, что тебя поняли, а остальное – "от лукавого". Естественным результатом было то, что для очень многих выпускников неязыковых вузов часы, проведенные на кафедре иностранных языков, оказывались столь же докучливой обязанностью, как и занятия по кафедре физкультуры.

Сегодня ситуация изменилась кардинальным образом. Мотивация изучения иностранных языков чрезвычайно высока, т.к. владение иностранным языком становится средством самореализации молодого человека, помогает более эффективному осуществлению жизненной программы. Особым массовым спросом пользуется английский язык, т.к. даже для студентов это реальный инструмент живого общения (международные обмены, зарубежные стажировки); это – важнейший цензовый критерий для зарубежной учебы и работы на престижных и высокооплачиваемых позициях (TOEFL, GMAT); наконец, английский язык – неотъемлемый карьерный критерий любого CV или Resumé.

Новые реалии ставят перед высшей школой более сложные задачи, когда в соответствии с требованиями приходится менять подход к выбору принципов обучения, к изменению критериев отбора содержания предмета. Основной целью учебного процесса становится развитие коммуникативной компетенции, которая помимо лингвистической компетенции включает овладение практическими навыками межкультурного общения. Изучение моделей адекватного социокультурного поведения в различных коммуникативных ситуациях должно занять не последнее место. Нередко в пособиях по деловому английскому рассматривается тема традиций ведения переговоров в разных странах и отмечается, что в арабском мире, Китае, Японии невежливо сразу переходить к делу, к чему так склонны американцы (*Let's get down to business*), там необходимо некоторое время вести светскую беседу, а также оплатить словесной данью достоинства гостей и хозяев. В этом смысле так называемая восточная лесть, порой раздражающая европейцев, абсолютно органична для культур данного региона.

Часто на Западе вызывает недоумение, когда их восточные партнеры из Японии или Вьетнама с широкой улыбкой рассказывают о своих серьезных неприятностях, даже о смерти близких. Все дело в том, что вековые традиции предписывают там сообщать о своих бедах с улыбкой, особенно в разговоре с вышестоящими или уважаемыми лицами, дабы не слишком взволновать или обеспокоить собеседника. С улыбкой принято выслушивать порицание начальника, что у нас сочли бы недопустимой дерзостью.

Нежелание учитывать культурные традиции порой приводит к полному провалу проекта. Классический пример с рекламой известной зубной пасты, когда в одной из арабских стран рекламщики использовали рекламный щит, хорошо зарекомендовавший себя в Европе и Америке с 3-мя фотографиями: на первой картинке была изображена несчастная девушка, которая боялась улыбаться из-за "некрасивых" зубов, на другой – она держала в руках зубную пасту, а на третьей – сияла улыбкой, демонстрируя ослепительной белизны зубы.

Эффект от рекламной кампании оказался нулевым – никто пасту не покупал. Причина проста: организаторы не учли, что местные жители читают и рассматривают картинки справа налево. И потому они только подивились честности производителя, который не побоялся показать, как неважно пользование его зубной пастой действует на изначально "белоснежные" зубы.

Даже при неплохом знании английского языка трудности могут возникнуть уже при установлении контактов. Если наш соотечественник примется по простоте душевной рассуждать о чем-то наболевшем, скажем о бедственном финансовом положении матушки России, то его может ожидать весьма неприятный сюрприз: британец в лучшем случае сочтет его за человека недалекого, в худшем – за вымогателя.

Едва ли удивительно, что человек, воспитанный в русской культурной традиции, где бедность никогда не считалась пороком, а разговор "по душам" – нормой общения, так легко попадает впросак, когда в своем стремлении установить доверительные дружеские отношения он пытается завести разговор о том, как действительно ему трудно приходится. Его подстерегает жестокое разочарование; вместо оживленных расспросов, как на самом деле его, к примеру, здоровье, происходит всего-навсего примитивный обмен малозначащими дежурными фразами. И дело вовсе не в вопиющем безразличии англоязычного собеседника – просто "правила игры" разные, о чем не перестают напоминать британские юмористы: "Do not forget, however, that your new friend who makes a touchingly kind inquiry after your state of health does not care in the least whether you are well and kicking or dying of delirium tremens".

Таких примеров можно приводить бесконечное множество, что доказывает необходимость развивать у обучающихся понимание значимости особенностей межкультурного общения, т.к., возможно, им придется работать бок о бок с представителями разных культур и традиций.

К сожалению, в настоящее время ещё недостаточно материалов по данному вопросу. Пожалуй, лучшим источником информации может служить международная пресса. Тщательный подбор различных тематических статей из газет и журналов и выдержки из пособий по туристическому бизнесу могут стать хорошей базой для языковой практики, а также для анализа ситуаций, возникающих при межкультурном общении.

Большое значение в учебном процессе могут сыграть ролевые игры, т.к. для того, чтобы с уважением относиться к особенностям другой культуры, необходимо в аудитории проигрывать те жизненные ситуации, в которых мы вели бы себя как представители этой культуры.

В заключении можно добавить, что работа с материалами по социокультурному общению всегда вызывает у студентов неподдельный интерес и служит основанием для оживленной дискуссии.

Библиографический список:

1. "Каждому – свое"; Профиль №4, с.65.
2. Mikes George. Now to be an Alien. Penquin Books, 1986.

СВЯЗЬ ВРЕМЕН В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АНТИУТОПИИ

С.Г. Шишкина

**Ивановский государственный химико-технологический
университет
Иваново, Россия**

Принято считать, что утопия как самостоятельный жанр существует несколько столетий, начиная с сочинения Томаса Мора «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии», больше известного как «Утопия» (1516). Уже в нем определены проблемы, которые впоследствии станут сюжето- и идейнообразующими для всех произведений этого жанра, а именно – человек и общество; общество и цивилизация; цивилизация, социум и личность. Очевидно, что проблемы эволюционного развития человека находились и находятся в центре внимания авторов произведений этого жанра.

XX век стал свидетелем рождения и расцвета антиутопии – прогностического жанра, анализирующего соотношение прогресса и индивидуума в исторической реальности и перспективе и опровергающего светлые идиллические устремления в будущее утопий прошлого. Оставляя вне рамок данной работы вопросы жанровой специфики утопии и антиутопии, отметим, что, возникнув как антижанр относительно литературной утопии, антиутопия типологически связана с утопией интересом к взаимоотношениям и акцентам внутри триады «человек – цивилизация – социум». Приведенные выше рассуждения позволяют, по-видимому, согласиться с тем, что утопия, равно как и антиутопия, - жанр, который в большей степени исследует мысль, что приводит к определенным сложностям при лингвостилистическом анализе произведений. Вместе с тем, пользуясь терминологией М.М.Бахтина, можно сказать, что всякое художественное произведение любого жанра – это сказанное писателем «слово о мире», акт реакции на окружающую действительность, то есть, вербальная комму-

никация писателя с читателем, посредством которой автор раскрывает свою концепцию восприятия окружающей действительности. Автор неизбежно подчиняет язык своим целям, конструируя модель возможного прошлого, настоящего или будущего человечества, а созданная им концепция накладывает индивидуальный отпечаток на язык произведения, на созданный им художественный образ и художественный мир, в котором коммуникация героев осуществляется в соответствии с ракурсом зрения создателя.

С этой точки зрения бесспорный интерес представляют произведения жанра антиутопии. Обратимся к некоторым из них для выявления специфической функции речевой коммуникации героев. Созданные в разные времена и повествующие о разных этапах жизни человека и человечества, произведения вступают в своеобразный диалог между собой и с читателем, предупреждая его о возможности потери человеческого в человеке. Таковым является, например, творчество Уильяма Голдинга (1911-1993), мифологически универсальное мировоззрение которого, наполненное антиутопическими мотивами, заставляет задуматься о проблемах бытия.

Героями Голдинга, как в свое время в философских повестях Просвещения, становятся идеи. В причудливо-фантастической художественной ткани произведений Уильяма Голдинга триада «цивилизация – культура – человек» является стержнем создания образной плоти. В своем творчестве Голдинг полемизирует с утопической мыслью, которая возникает на всех этапах развития цивилизации, обращаясь при этом к постулатам учения экзистенциалистской философии, но не ограничиваясь только ими. Утопический хронотоп создает идиллическое пространство. Отталкиваясь от определенной точки вектора реального исторического времени XX столетия, Голдинг возвращается к исходной точке идиллического хронотопа, чтобы стереоскопически рассмотреть соотношение «цивилизация – человек». В романе «Повелитель мух» центральным звеном становится категория «человек» и ее соотношения с понятиями «цивилизация» как суммой знаний, «цивилизованность» (в значении нравственного прогресса), «культура» и унаследованными ею культовыми интуициями (страх, сила, разум, зло, добро). Стадия детства в диахроническом развитии цивилизации обретает материальную оболочку, благодаря идейному наполнению образов Хрюши («слепого разума» цивилизации), Ральфа (бессильного разума), Саймона (интуитивной мудрости), Джека (Зловещего разума цивилизации). Слово вступая в диалог со

Шпенглером и во многом повторяя его идеи об обезличивании человека в пространстве бездуховной цивилизации, Голдинг задается вопросом, наследниками какого знания и опыта становится цивилизованный человек второй половины XX столетия - опыта фанатично жестко-жестокоего и жалкого строителя вечного памятника для грядущих цивилизаций Джослина («Шпиль»); однобокого, отвергающего научно-технические достижения цивилизации рационалиста Фанокла («Чрезвычайный посол»), или опыта наивно-беззащитных перед силой и знаниями следующих поколений Фа, Лока, Туами ("Наследники"), которые живут в системе и структуре родовых связей?

Роман «Наследники» (время действия которого – эпоха неандертальцев), по справедливому замечанию Т.Г.Струковой, иллюстрирует «зыбкость понятий «варварство и цивилизованность» (4, 162).

Если принять во внимание определение антиутопии как карикатуры на позитивную утопию, негативную проекцию возможного будущего с точки зрения настоящего, роман «Наследники» можно рассматривать как попытку объяснения глубинной сути звериного начала в человеке, той силы, которая приведет к диктатуре дискурса насилия в антиутопиях XX века.

Нецивилизованные неандертальцы у Голдинга – люди, которые живут в полном слиянии с природой. Она для них живая. Человек, гиены, птицы, лес, река, земля – все общаются между собой и друг с другом на равных. Солнце разделяет с людьми светлую радость жизни, утес, разглядывая свою мощную подошву, слышит людей и прислушивается к ним, личинки спят и просыпаются для того, чтобы наполнить племя жизненной силой, бревна в реке ходят, водоросли неистово трепещут, готовые ласково прикоснуться к телам людей, покрытых густой, не снимаемой шерстью. Голдинг не жалеет теплых красок, мозаично моделируя подробности существования «homo sapiense». Темп его повествования замедленный, как бы лениво нежащийся под лучами теплого солнца. Объяснение миропорядка, существующее в памяти поколений прародителей современного человека, просто, логично и мудро: «Вначале была великая Оа. Она родила землю из своего чрева. И вскормила ее грудью. Потом земля родила женщину, а женщина родила из своего чрева первого мужчину».(3, 118). Смерть для них – естественное продолжение жизни. При этом они уверены, что специально убивать животных для употребления в пищу – плохо. Спокойный, гармоничный, природный ритм жизни не требует пространных высказываний, поэтому речь героев проста и

односложна, имена звукоподражательны (Лок, Ха, Фа, Нил, Мал), предложения нераспространенные, в основном повелительные и назывные.

Для выражения отношения к созданной модели автор-нарратор использует прием художественной импликации. Он создает подтекст с помощью художественной детали, отказываясь от построения речи героев в форме диалогов. Обмен суждениями в этом антропоморфическом пространстве происходит телепатически. «Ты же видишь ... внутри головы» (3, 173), «Они видели не только тело Мала, но все то, что он видел сам, что медленно проступало и тускнело у него в голове» (3,188), - пишет Голдинг. Впервые выражение «Я думаю...» встречается при возникновении опасности, идущей от новых людей, которые по своему уровню развития стоят на более высокой ступени цивилизационной лестницы. Они пришли, чтобы истребить «племя лесного дьявола». После неизбежной встречи с убийцами характер речи неандертальцев-людей меняется, равно как и ритм повествования. Нет больше теплых красок, темп описания ускоряется за счет быстрого перечисления действий, голос автора все чаще сливается с голосом персонажа – Лока -, превращаясь в несобственно-прямую речь и тем самым способствуя непосредственному восприятию происходящего. Интересно отметить, что Голдинг – вольно или невольно – иллюстрирует механизм порождения прагматического высказывания. К неандертальцам приходит «какое-то смутное знание», их речь, даже мысленная, непроизнесенная, невербализованная, становится богаче, сравнения образнее. И это во многом опровергает устоявшееся мнение о том, что Голдинг полностью отвергает необходимость прогресса и цивилизации. Они неизбежны, неотвратимы и необратимы. Вопрос лишь в том, насколько преобразенной окажется природа человека в ходе развития, не будут ли люди «...как голодный волк в дупле дерева», «...как мед в округлых камнях, новый мед, который пахнет смертью и жгучим огнем костра» (3, 271, 278). Очевидно, что Голдинг сомневается в возможности преобразить природу человека достижениями европейской и мировой цивилизации, создать идеальный для человека социум в макрокосме насилия. Понятия «человек», «цивилизация» становятся у Голдинга интертекстуальными. При этом созданный им хронотоп определяется вектором нравственного развития человека и общества. Однако звериное, жестокое начало, по мысли Голдинга, глубоко укоренилось в человеке и может оказаться доминирующим в его природе на любой

стадии цивилизационного развития. И тогда, как в «Звероферме» Оруэлла, трудно будет разобраться, где зверь, а где человек.

Налет цивилизованности, возникший в результате знания и познания, легко отслаивается в любой «пограничной ситуации», как то было, скажем, с героем другого романа-антиутопии – «Обезьяна и сущность» Олдоса Хаксли. (“The Ape and the Essence”. Заметим, что при переводе заглавия на русский язык утеряно коннотативное значение «человекоподобная обезьяна» в слове “Ape”). Доктор Пул, наш современник, впитавший знания цивилизаций столетий, титулованный ученый-биолог, чопорный, рефлексирующий, робкий интеллигент, волею судеб и фантазии автора оказывается не в родной ему Новой Зеландии, чудом оставшейся нетронутой после взрыва, а в стаде прямых потомков тех, кто разрушил гармонию мира Фа, Лока и Лику. С первобытным восторгом окунается он в почти животную вакханалию разгула плоти с грязной, дурно пахнущей, покрытой пылью раскопанных могил, необузданной и не обремененной моральными запретами цивилизованного общества Лулой, восхищенно восклицая при этом: «Так хорошо мне не было никогда в жизни!» Природное, животное стремление к лидерству объясняет и возникновение тоталитарного социума, когда массы становятся бессильными.

Время действия романа «Обезьяна и сущность» - 2018 год. Место – руины когда-то цивилизованной Калифорнии. Модель социума – общество, построенное на основе декларируемых принципов демократического централизма. (Заметим, что это произведение Хаксли появилось в 1953 году, после издания красочной иллюстрации функционирования принципов демократического централизма в СССР, воссозданных А.Кестлером в романе «Слепящая тьма»). «Такова демократия, - поясняет вождь могильщиков, заставляя работать старых и немощных и умертвить младенцев, рожденных неполноценными в результате отдаленных последствий взрыва. «Перед законом мы все равны. А закон гласит: все принадлежит пролетариату, иными словами, государству» (7, 531). Какое наказание ждет провинившегося? Плеть, смерть или постоянный страх выпасть из пространства общего безликого «Мы». Этот страх, как и в романе предшественника О.Хаксли И.Замятина, превращает человека в послушную, дрессированную человекоподобную обезьяну.

«Жестокость, сострадание – лишь гены,

Все люди милосердны, все убийцы», - утверждает Хаксли.

«...И лишь в познание сущности своей

Любой из нас перестает быть обезьяной». (7, 537).

Разбудить у Лулы другие чувства, кроме животной похоти и роботовидного послушания, помогают Пулу цитируемые им по памяти строки из произведений Шекспира, Бернса, Шелли. Лирические строки, предназначенные не для трибунного звучания перед толпой, а обращенные к каждой отдельной душе, меняют и стиль коммуникации, и речевое поведение героев. Диалоги становятся более информативными, предложения распространенными, определения и эпитеты красочнее. Лула постепенно высвобождается из липкой паутины страха. Она бежит вместе с Пулом. Куда? По сути дела, в никуда - из социума «после третьей мировой войны», как бы наполнившего подобием жизни страшно безмолвные фантастические пейзажи Рокуэлла Кента. Интересна архитектоника романа. Это сценарий голливудского фильма - с подробным тщательным раскадрированием, с четко обозначенным ракурсом съемки, с продуманным музыкальным оформлением, с фигурой диктора-рассказчика, - вплетенный в традиционную повествовательную ткань произведения. Сценарий фильма «Обезьяна и сущность» находят в архивных свалках жители середины XX столетия – автор и некто Боб. Они решают навестить сценариста, забытого всеми мистера Тэллеса, который когда-то покинул шумный город и уединился в деревне, но приезжают к его последнему пристанищу уже после смерти автора сценария. Бетонная плита над его могилой – первое, на что натываются сбежавшие из «дивного нового мира» Пул и Лула. Автор не отождествляет себя с рассказчиком, поэтому читатель наблюдает за происходящим как бы со стороны. Хаксли использует прием, который условно можно назвать «методом постепенного приближения», при котором организация повествования на уровне предложения, абзаца позволяет читателю «услышать» переключку идей с разных точек зрения: автора, повествователя, режиссера и действующих лиц. Хаксли отказывается от строго линейного повествования и намеренно дробит информацию, переключая, словно в киноленте, ракурс восприятия читателя-зрителя от общего к частному, от частного к общему, от детали к целому, привлекая его к диалогу, создавая полифоническое пространство полилога, в котором конструируется «...диалог особого вида между текстом анализируемым и текстом восстановленным, между высказыванием существующим и высказыванием, создаваемым в ответ на первое» (1,477). «Я»-рассказчик, открывший сценарий фильма, становится все менее доминирующим в тексте, а к концу романа голос повествователя анонимен. Что ждет Пула и Лулу после счастливого избавления от

новой цивилизации? Торжество разума и справедливости, в котором невозможно представить себе усохшего Эйнштейна на веревочке, ведомого огромной, умеющей не только мыслить, но и разговаривать обезьяной, или вновь диктатура? Автор не дает ответа на эти вопросы. Может быть, они попадут в общество всеобщего потребления и массовой культуры, еще одно социальное пространство XX века, показанное Р.Брэдбери в романе «451 по Фаренгейту»?

Роман-антиутопия Брэдбери – еще одна модель возможного будущего человечества. Это социум, сошедший со страниц «Процесса» Кафки, где каждый следит за всеми и все следят друг за другом. Индивидуальные порывы души, чувства столь же чужеродны в таком полицейском государстве всеобщего равноправия, как заводной апельсин или механический пес в истинно гармоничном обществе. Коллективная память поколений, архетип нации уничтожаются вместе с горящими горами книг, которые сжигают Монтэг и его команда. В обществе массовой культуры не нужны индивидуально мыслящие личности, следовательно, не нужны книги. «Произведения классиков сокращаются до пятнадцатиминутной радиопередачи. Потом еще больше: одна колонка текста, которую можно пробежать за две минуты; ...Сокращайте, ужимайте! Политика? Одна колонка, две фразы, заголовок! И через минуты все уже испарилось из памяти. Крутите человеческий разум в бешеном вихре, быстрее, быстрее! – руками издателей, предпринимателей, радиовещателей, так, чтобы центробежная сила вышвырнула вон все лишние, ненужные, бесполезные мысли» (2, 67). Примечательна конструкция большинства диалогов героев романа. В основном они разговаривают риторическими вопросами и восклицаниями, не требующими полновесной личностной коммуникации. Диалоги безлики. Устная разговорная речь – это всего лишь обмен репликами, которые клишируют бессмысленные примитивные односложные фразы героев бесчисленных телевизионных «мыльных опер», врывающихся в квартиры со всех стен, превратившихся в огромные телеэкраны. Отказ от вдумчивого чтения литературы изменил речемыслительную деятельность, следовательно, саму личность. Человек мыслящий – как Монтэг или Кларисса – чужероден в этом обществе штампов. Его уход – добровольный или насильственный – предопределен. Брэдбери не датирует время действия. Однако размышления одного из его героев о некогда большой популярности Шекспира, об умении людей читать, говорить и думать до становления общества культуры для масс, что имело место лет 500

тельный аппарат Бенедикта, главного героя, осуществляет разложение метафоры и прочитывает каждое слово лишь в его единственном, прямом значении.

Символичен в этом плане конец романа. В результате еще одного взрыва, устроенного Главным Истопником Никитой Иванычем в знак протеста против его собственной казни, в живых остаются начитанный, говорящий цитатами, но не понимающий их первоначального значения и помышляющий о единоличной власти Бенедикт, Лев Львович из диссидентов, изрекающий, как Швондер, лозунги и партийно-большевистские нравоучения, и сам Никита Иваныч. Наследники всех достижений цивилизации, перерожденцы и сохранившиеся после первого взрыва жители, борясь с архетипами и одновременно цепляясь за них в надежде смоделировать новое общество, не могут разорвать путы зла, тяги к насилию и стремление к подавлению и истреблению себе подобного. Пройдя весь цикл социального развития, пытаясь отвергнуть диктатуру, они, по сути дела, возвратились к той точке, на которой когда-то были растерянные герои романа «Наследники» Голдинга, чтобы вновь создать общество, в котором кто-то сильнее других, то есть, «одни равнее других».

Наряду с констатацией устойчивости поэтики жанра антиутопических произведений в разных литературах с приоритетом в них общечеловеческого над локальным с известной степенью уверенности можно говорить о национальной специфике концептуальной антиутопии. «Все пророчества интересны главным образом тем, что они проливают свет на эпоху, в которую родились», - заметил как-то Хаксли. Можно продолжить эту мысль, утверждая, что в пространстве антиутопии последующее всегда подготовлено предыдущим, а настоящее во многом объясняется прошлым с социальной точки зрения, но природа человека мало изменяется в ходе исторического развития, поскольку зло в человеке изначально сильно. И это во многом объясняет модель речевого поведения героев антиутопии.

Созданная европейскими писателями, антиутопия исследует соотношение природного и приобретенного человеком в ходе развития цивилизации, проблему личности и социума в тесной связи с его духовной наполненностью. Американская антиутопия выясняет социальные последствия научно-технического прогресса и машинной цивилизации для человека как мыслящей личности. Для русских писателей в силу исторического опыта характерна озабоченность тем, что на каком-то этапе развития цивилизации и социальных институтов социум неизбежно примет уродливые формы диктатуры и вновь пре-

вратит человека не в одухотворенную личность, а в частичку огромного, безликого, общего «Мы». И способы речевой коммуникации героев с миром, их окружающим, и друг с другом, усиливают авторскую озабоченность тем, что Слово, язык, находясь в дискурсе насилия, теряет богатство своих оттенков, а коммуникация в бездуховном пространстве станет не обогащающим, а всего лишь прагматическим компонентом бытия.

Библиографический список:

1. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986.
2. Брэдбери Р. 451 по Фаренгейту // Библиотека современной фантастики в 15 томах. Москва, 1965. т.3
3. Голдинг У. «Шпиль» и другие повести. М. 1981.
4. Струкова Т.Г. Феномен социальной власти в творчестве Уильяма Голдинга // Эссе о социальной власти языка. Межрегиональные исследования в общественных науках. Воронеж, 2001.
5. Толстая Т. Кысь. М, 2001.
6. Утопия и утопическое мышление. М., 1991.
7. Хаксли О. Обезьяна и сущность // Утопия и антиутопия XX века. М., 1990.
8. Bradbury R. Fahrenheit 451. New York, 1953.
9. Golding W. The Inheritors. 1955.
10. Golding W. Lord of the Flies. The Pyramid. Envoy Extraordinary. Moscow, 1982.

ДИАЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В РОМАННОМ ДИСКУРСЕ

И.Ф. Шувалова

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

Тамбов, Россия

schuwalowa@yandex.ru

В современной философии диалог признаётся свойством мышления, теоретическое мышление объясняется как внутренний диалог, акт мышления – как социальный акт общения: «Быть – значит общаться диалогически... Два голоса - минимум жизни, минимум бытия» (2, 294).

Сам термин «диалог» греческого происхождения - греч. dialogos- 'разговор, беседа', букв. 'речь через'. Для большинства современных исследователей, как отечественных (Н.Д. Аругюнова, Т.Г. Винокур, Е.В. Падучева, Г.Г. Почепцов, Н.Ю. Шведова...), так и

зарубежных (В.К. Барнет, Т.А. ван Дейк, К. Hausenblas, D. Wunderlich и др.) характерны две трактовки диалога: в широком и в узком понимании. Диалог в широком понимании – это «конкретное воплощение языка, форма речевого общения, сфера проявления речевой деятельности человека и, наконец, сама форма существования языка» (3, 4). Диалог в узком смысле связан с непосредственным общением двух или более лиц и трактуется как «форма речи, представляющая собой определённым образом организованную структуру, которая возникает в результате чередования речи двух или более собеседников, каждый из которых попеременно становится то говорящим, то слушающим» (3, 7).

Несмотря на то, что диалог на сегодняшний день изучается на основе реальной диалогической речи, первоначальным источником описания был диалог в художественной литературе. В рамках общей теории диалога уже давно предпринимаются попытки разработать теорию художественного диалога (В.В. Виноградов, М.М. Бахтин, Б.Н. Ларин, Г.О. Винокур, Т.Г. Винокур, Н.Ю. Шведова, М.Б. Борисова, В.М. Милых, Г. Бауер, Г. Лерхнер, Р. Циммер, Б. Шпильнер и др.). Различие реального и художественного диалога вскрывается на основе ряда дифференцирующих признаков, таких как: устная / письменная коммуникация, спонтанность / подготовленность, меньшее внимание уделено форме выражения / большая забота о форме выражения, наличие / отсутствие паралингвистических средств, небольшая доля невербальной коммуникации. По мнению ряда исследователей, художественный диалог представляет собой лишь достаточно близкий и одновременно далёкий «слепок» с реального диалога (Н.А. Кожевникова, О.А. Лаптева, О.Б. Сиротина, Т.Г. Винокур, А.Г. Бакланова и др.). Дополнительными задачами художественного диалога (по сравнению с реальным) являются: 1) характеристика персонажей посредством диалога; 2) развитие действия; 3) передача информации о внешней обстановке, причинах поведения персонажей. И этот список далеко не полный.

Как в отечественной, так и в зарубежной науке идёт спор о возможности применения единого метода исследования по отношению к реальному и художественному диалогу. Причём, если в отношении художественного диалога в драме уже имеется ряд фундаментальных работ (Р. Циммер, Г. Бауер, В.И. Лагутин), то диалог в эпосе изучен ещё не достаточно полно.

В настоящее время с развитием дискурсивного анализа как самостоятельной научной дисциплины исследования диалога (в том числе и художественного) включаются в область дискурсивных исследований. Так, с позиции теории дискурса пространственную концепцию поэтического текста разрабатывает французская исследовательница болгарского происхождения Ю. Кристева. В рамках этой концепции она вычленяет три измерения текстового пространства: субъект письма, получатель, внеположные им тексты (контексты) – «три инстанции, пребывающие в состоянии диалога» (4, 215-216). Конкретизируя свои исследования на структуре романного пространства, Ю. Кристева разбивает его на монологическое и диалогическое (4, 224).

Особый интерес представляют исследования диалогического пространства на основе анализа коммуникативного процесса с позиций лингвистики текста (Т.Я. Кузнецова, А.Г. Бакланова, Г. Лерхнер, Г. Вернер). Художественная коммуникация в романе организуется на двух уровнях (уровневый дуализм диалогического пространства): на уровне общения персонажей – внутритекстовый уровень (зачастую выраженный эксплицитно) и на уровне коммуникации автора с читателем – затекстовый уровень (выраженный эксплицитно- имплицитно). Первый уровень включает также внутренние диалоги («микродиалоги» по Бахтину), которые могут протекать и одновременно с внешними диалогами/ диалогами персонажей. Опираясь на концепции М.М. Бахтина, Ю. Кристевой и др., всё вышеизложенное можно представить в виде следующей схемы:

А-автор, Ч-читатель, Т-текст-нарратив

Как видно из схемы, внешние композиционно выраженные диалоги, включающие также внутренние диалоги, неразрывно связаны с объединяющим их «большим диалогом» (по Бахтину) романа в це-

лом. Если в первом случае мы говорим о диалогическом пространстве в узком понимании, то во втором случае речь идет о диалогическом пространстве в более широком контексте.

Размеры диалогического пространства теоретически безграничны, и его границы могут показаться открытыми. На самом же деле, глобальная связность диалогического пространства обеспечивается единством темы (понятийный образ некоторого положения дел/конгломерат информации). Обычно тема определяется как то, о чем идет речь.

В отличие от реального диалогического пространства, единицами художественного диалогического пространства считают не диалогические единства, а тематически связанные диалогические блоки. В основу каждого смыслового блока кладут микротему, а все диалогическое пространство рассматривается как система микротем, объединенных единой темой (макротемой). Г.Г. Полищук, О.Б. Сиротинина подчеркивают тот факт, что диалогическое пространство художественного дискурса интегрировано в единую текстовую структуру произведения. Сомнительной, однако, представляется их точка зрения по поводу того, что данный факт отражается, например, на ограниченном количестве тем в произведении (5, 199). Единство диалогического пространства и текстовой структуры подтверждается методом элиминирования диалогического пространства из текста.

Кроме тематической спаянности диалогического пространства, вслед за американским лингвистом Т. Гивоном, стоит отметить и другие компоненты его внутренней связности (особенно характерные для нарративного дискурса): 1) референциальный компонент (тождество участников); 2) пространственный; 3) временной; 4) событийный компонент. В качестве примера рассмотрим начало романа Т. Манна «Будденброки». Действие происходит в ландшафтной обстановке: «Man sass im Landschaftszimmer, im ersten Stockwerk des weitläufigen alten Hauses in der Mengstrasse...» (7, 10) – пространственный компонент. Автором точно указывается время действия: «es war Donnerstag», «gegen vier Uhr nachmittags, in der sinkenden Daemmerung», «es war schon nach halb fuenf Uhr» – временной компонент. Будденброки устраивают ужин (событийный компонент) для гостей семьи: Dichter Jean Jacques Hoffstede, Doktor Grabow (Hausarzt), Pastor Wunderlich, Makler Graetjens, Senator Doktor Langhals, seine Frau, die Kroegers, Herr Oeverdieck mit seiner Frau... – референциальный компонент диалогического пространства. И, наконец, тематическая скрепа («беседа о жизни» до, во время и по окончании

ужина) связывает компоненты диалогического пространства воедино, причём сама беседа настолько приближается к реальной коммуникации, что затруднительно выделить несколько конкретных микротем в описываемом диалогическом пространстве. Как отмечают исследователи, именно реальное повседневное общение характеризуется «нагромождением тем, сменяемость которых в сущности трудно предсказуема, а тематическая связь «фрагментов» диалогического пространства трудно обнаруживаема, либо вообще отсутствует» (6, 89).

Изменение одного из компонентов диалогического пространства приводит к изменению характеристик диалогического пространства: «Es war ziemlich spaet, gegen elf Uhr, als die Gesellschaft , die sich im Landschaftszimmer noch einmal zusammengefunden hatte, beinahe gleichzeitig aufzubrechen begann» (7; 41). Изменение всех компонентов означает смену одного диалогического пространства другим.

Таким образом, подводя итог, ещё раз подчеркнём, что одним из различительных признаков реальной и художественной коммуникации является, по мнению учёных, неограниченность тем в реальной коммуникации и их ограничение в художественном дискурсе. Однако такое, скорее чисто теоретическое утверждение, опровергается практическим материалом, дающим повод говорить об обратном, тем самым приближая диалогическое пространство произведения к реальному диалогическому пространству, что, кстати, и отмечается отдельными учёными. Диалоги в составе эпической прозы более напоминают естественную разговорную речь (1, 84). Что касается понятия «диалогическое пространство», то выделенные составные компоненты наверняка до конца не исчерпывают его многогранности, однако дальнейшие исследования в этом направлении должны быть, на наш взгляд, продуктивными, особенно в области дискурсивных исследований и теории художественной коммуникации.

Библиографический список:

1. Бакланова А.Г. Лингвостилистическая характеристика драмы как типа текста. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
3. Бырдина Г.В. Динамическая структура русской диалогической речи. Тверь, 1992.
4. Кристева Ю. Бахтин М.М.: Слово, диалог и роман. // М.М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. СПб., 2001, Т.1. С.213-244

5. Полищук Г.Г., Сиротинина О.Б. Разговорная речь и художественный диалог// Лингвистика и поэтика. М.,1979, С.188-199
6. Теплицкая Н.И. О структуре диалогического текста// Науч. Тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1975. Вып. 84, С. 314-331
7. Th. Mann Buddenbrooks, Fischer Taschenbuch Verlag, 1996.

КОНСТРУКЦИЯ ТИПА “ist im Werden” КАК СРЕДСТВО ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА

А.В. Щербакова

**Тамбовский высший военный авиационный институт,
Тамбов, Россия**

Современное состояние общества и, как следствие, языка, обслуживающего это общество, характеризуется все более очевидной связью и единством языка и мышления. Особенно заметно это проявляется в письменной форме языка, так как сфера науки, публицистики, прессы в их лучших образцах, напрямую связанная с письменным языком, изначально предполагает творческое языковое мышление. Можно с определенной долей уверенности утверждать, что в этих функциональных сферах значительно возрастает когнитивная, своего рода мыслеформирующая функция языка. Все глубже проникая в суть вещей и явлений, человек естественно пытается отразить это в своем языке, от которого требуется все более гибкое и дифференцированное соответствие окружающей действительности.

Язык как инструмент реализации познавательного процесса, как эволюционирующая система являет образец действия главного закона диалектики - закона единства и борьбы противоположностей. С одной стороны, как уже отмечено в предшествующей главе, он постоянно стремится к экономичному использованию языковых средств, с другой стороны, он нацелен на эффективность, действенность любой своей единицы, на четкость языкового выражения, на разграничение, дифференциацию все более тонких нюансов. Поэтому в процессах языковой дифференциации главной движущей силой становится стремление к точности, ясности. В результате именно борьба этих двух противоположных на первый взгляд тенденций - к экономии и к точности - обеспечивает языку ту динамичность и гибкость, без которых его функционирование было бы невозможно.

Наряду с экономией, В.Г. Адмони считает тенденцию к точности постоянно действующей, от природы присущей любому человеческому языку (*immer währende, jeder natürlichen menschlichen Sprache*

innewohnende... Änderungstendenz) (2, 84-85). В качестве примеров автор называет специализацию подчинительных союзов в немецком языке нововерхненемецкого периода, а также появление некоторых предлогов, характерных для письменного языка. При этом В.Г.Адмони отмечает двойственный характер тенденции к точности: "In mancher Hinsicht wirkt die Tendenz zur Deutlichkeit in derselben Richtung wie die zur Ökonomie. Aber sie können auch gegeneinander wirken" (2, 86). Проанализированный материал подтверждает эту мысль: в современном немецком письменном языке в ряде случаев стремление к точности, дифференцированному обозначению идет в ущерб экономии, в других же случаях - сопутствует ей, позволяя в сжатой, экономной структуре выразить четкое, точное содержание.

Большое внимание проблеме точности языкового выражения всегда уделяли немецкие лингвисты, хотя у разных авторов это понятие трактуется по-разному, что отражается уже в том обилии терминов, которые для этого используются: *Prägnanz*, *Genauigkeit*, *Präzision*, *Präzisierung*, *Deutlichkeit*, *Verdeutlichung*, *Eindeutigkeit*. Учитывая, что предметом анализа в данной работе являются письменные тексты, в том числе и научные, можно использовать данное понятие в том значении, какое уже закрепилось в лингвистической литературе применительно, в первую очередь, к научным текстам, а именно: однозначность, отсутствие двусмысленности. Но вместе с тем точность предполагает степень истинного соответствия чему-то. Таким образом, тенденцию к точности в письменном литературном языке можно определить как стремление достичь максимальной степени соответствия действительности, что в отношении языка науки будет означать ту степень соответствия, какой достигло на данный момент человеческое познание.

Совершенно очевидно, что, чем многообразнее и полнее люди будут познавать окружающий мир, тем более дифференцированным, а, значит, и более точным будет становиться аппарат языкового выражения. В эпоху постоянно усложняющихся знаний об окружающем нас мире вопросы языковой дифференциации приобретают особое значение. Это проблемы точной номинации находящихся в поле деятельности человека объектов, понятий и т.п., четкого разграничения сфер функционирования параллельных морфологических форм или синтаксических конструкций и т.д. В данной статье точность понимается как семантическая дифференциация смежных языковых явлений, их четкое разграничение и специализация.

Предметом исследования в данной статье будет явление, отражающее тенденцию к точности, которая в современном немецком письменном языке проявляется на разных уровнях, в частности, конструкция типа “*ist im Werden*” как средство дифференциации глагольного вида, которую немецкие лингвисты называют новой формой несовершенного вида, специализирующейся на выражении длительности события, без какого-либо ограничения во времени, и относят к числу особых синтаксических средств поля аспектуальности. Аспектуальное значение длительности актуализуется благодаря тесному взаимодействию глагола-связки и субстантивированного инфинитива с предлогами *bei*, *an*, *in*, семантика которых указывает на занятие, состояние: *beim Frühstück*, *beim Waschen sein*; *er ist am Leben*;

Интерес представляет сам факт появления этой конструкции в немецком языке, в котором, как известно, отсутствует четкое видовое противопоставление глаголов. В отличие от русского языка с его развитой системой видовых пар глаголов, у которых значение совершенного и несовершенного вида выражается внутри самих глаголов с помощью суффиксов и префиксов, в немецком языке данная категория, зачатки которой можно обнаружить еще в древневерхненемецкий период, не получила своего развития, а противопоставление *Präterit-Perfekt-Plusquamperfekt* в конце концов свелось к оформлению категории относительного времени. В результате в немецком глаголе вид может быть отчасти выражен некоторыми формами предельных глаголов, тогда как полная парадигма глагольных видов у большинства из них отсутствует. Очевидно, именно это и определило остроту дискуссий, которые ведутся в немецкой лингвистике по этому вопросу.

Несовершенство немецкой глагольной парадигмы в отношении вида заставляет язык искать своего рода компенсаторные способы выражения определенного значения, а, не находя их в полной мере на морфологическом уровне, язык использует синтаксические конструкции, одной из которых и является относительно новая для немецкого языка структура “*ist im [am, beim] + Infinitiv*”. При этом нельзя не заметить, что уже внутри исследуемой структуры происходит дальнейшая дифференциация, своеобразная “специализация”: конструкция с “*beim*” связывается обычно с агенсом, тогда как конструкция с “*am*” сочетается не только с агенсом, но также и с пациенсом: *Er war am Gewinnen*; *sie ist am Kochen, beim Waschen*; *Sie ist beim Lesen*; ... *das Gas strömte wieder, das Mittagessen sei am Kochen*; *Hier ist immer*

etwas am Wachsen. Конструкция с “im” - наиболее частотная в письменном литературном языке: im Werden/im Wachsen/im Entstehen/im Erscheinen/im Kommen/im Vordringen/im Schwinden/ im Abklingen/im Absterben/im Abebben sein.

Употребление этой новой конструкции в письменном литературном языке немецкие лингвисты рассматривают как свежее влияние разговорной речи и диалектов, где аналитические конструкции с глаголами sein и tun с давних пор используются очень широко, в частности как форма выражения глагольного вида (“allgemeine Ausdrucksform der “Aktionalität” und “Verbalität” – (4, 46). Примерами “er tut mähen” и “er ist beim/am Mähen” Й.Эрбен иллюстрирует употребление форм, сигнализирующих протекание действия (4, 50).

Одна из причин появления описательных форм в литературном языке - стремление к точности, четкости стиля, в частности к четкому выражению глагольного вида. Вот как пишут об этом в немецкой энциклопедии: “Die Ursache für die Ausbreitung analytischer Formen... liegt... in dem überall zu beobachtenden Streben nach Verdeutlichung. Die starke Differenzierung auf allen Lebensgebieten verlangt eine deutliche Ausdrucksweise, die der Sprecher durch zusätzliche Verwendung umschreibender Wörter zu erreichen sucht” (3, 269).

Большое количество простых неопределенных глаголов в немецком языке (durative/imperfektive/kursive Verben) выражают несовершенный вид недифференцированно; действие обозначается как неограниченное во времени, без указания на его наступление, конец или результат. Такие глаголы представляют в известной степени неотмеченный нейтральный член видовой оппозиции. К ним можно отнести глаголы arbeiten, blühen, eilen, fahren, leben, liegen, malen, pflügen, reden, schlafen, sitzen, stören, wachsen, wohnen и др. Если необходимо особенно подчеркнуть продолжительность или течение события, то прибегают к описательной аналитической конструкции, которая выступает как отмеченный член видовой оппозиции, срав.: blüht - ist am Blühen; er redet - er ist beim Reden; ihre Bedeutung wächst - ihre Bedeutung ist im Wachsen. Вместо простого глагола для четкого обозначения длительного действия [процесса] употребляется уточняющая аналитическая конструкция.

Роль дуративной конструкции как средства дифференциации глагольного вида проступает еще более четко, когда в перифразе втягиваются предельные глаголы типа kommen, abklingen, срав.: Der

Schmerz/die Erregung klingt ab - Die Erkältung ist im Abklingen; Bald kommen die Knospen - Die Knospen sind im Kommen.

В связи с участвовавшим использованием описываемой конструкции для выражения длительного действия [процесса и т.д.] Г.Мозер высказывал предположение о возможном влиянии здесь английского языка (5, 36). Еще более однозначно высказывался В.А.Жеребков (1, 8), говоря о “стремлении компенсировать отсутствие в современном немецком языке форм, специализирующихся на обозначении длительного действия, т.е. параллельных “продолженным” формам английского языка (he is singing, he was singing и т.д.)”. Подобными “компенсаторами” В.А.Жеребков считал видовые обороты типа “beim Singen sein”.

Эта идея получила продолжение в энциклопедии “Sprache”, где отмечается, что продолженную форму [progressive form] английского языка, образующую оппозицию простой временной форме (she was reading when he entered), можно сравнить с немецкой структурой, особенно распространенной в устной речи: Er ist am Kochen, stör ihn nicht; Sie war am Schreiben, als er reinkam. Эта дуративная конструкция претендует на занесение в статью о глагольном виде под рубрикой “Комитатив” (как структура, выражающая сопутствующее, одновременное, вторичное и менее интенсивное действие).

Исследуемая удобная аналитическая конструкция пользуется популярностью носителей языка, так как помимо основной функции дифференциации глагольного вида, отличается экономичностью, ибо как всякие выражения-штампы, сберегает усилия говорящих. Кроме того, она хорошо вписывается в другую тенденцию современного немецкого языка - общую тенденцию перехода от синтетического строя к аналитическому, отмечаемую многими авторами. Аналитические образования типа er ist am/beim Schreiben и sie tut lesen, обозначающие ход, протекание событий, трактуются как новые явления в системе глагола, подтверждающие общую тенденцию перехода современного немецкого языка от синтетического строя к аналитическому.

Библиографический список:

1. Жеребков В.А. Конструкции типа *ich habe hier ein Heft liegen, ich bin angeln* в современном немецком языке // ИЯШ, № 4. 1974. С. 3-8
2. Admoni W.G. *Der deutsche Sprachbau*. L., 1976.
3. *Die deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie in zwei Bänden*. Leipzig, 1969.
4. Erben J. "Tun" als Hilfsverb im heutigen Deutsch // Moser-Festschrift. Düsseldorf, 1969. S. 46-52.
5. Moser H. Sprachliche Folgen der politischen Teilung Deutschlands // Beihefte zum "Wirkenden Wort". Heft 3. Düsseldorf, 1962. S. 35-38.

МЕСТО И ФУНКЦИИ ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В СТРУКТУРЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (на материале поэмы "Беовульф")

М.В. Яценко

**Ивановский государственный университет
Иваново, Россия**

Древнеанглийская поэзия обладает своеобразной, архаической структурой. Поэтический текст в ней строится в соответствии с принципами аллитерационного стихосложения. В современной поэзии использование аллитерации предполагает своеобразное «усиление выразительности художественной речи, в особенности стиха, повторами согласных звуков» (2, 18). Древнегерманская же аллитерация являлась главным организующим элементом стиха и подразумевала созвучие ударных корневых морфем, то есть далеко не любых согласных звуков в слове. Выделение корневых морфем свидетельствовало о том, что акцентная структура поэтической строки была связана не только с ритмом, как в современной поэзии, но и с содержанием поэтического текста. О.А.Смирницкая писала об этом так: «Эпический поэт оперирует не *звуками* как элементами плана выражения языка, а *созвучными знаками*, что далеко не одно и то же» (5, 71). Таким образом, аллитерация служит соединению слов в строке не только в звуковое, но и в смысловое единство. При этом акцентно-ритмическая схема строк задает и сам порядок расположения корневых морфем, что также было отмечено О.А. Смирницкой: «Корневые, то есть семантически наиболее ценные, морфемы противопоставляются менее ценному материалу – словообразовательным морфемам,

флексиям и приравниваемым к ним служебным словам» (4, 138). Таким образом, акцентная значимость морфемы как бы сокращается от начала стиха (КС1)^{*}, содержащего две аллитерационные вершины, к концу (КС2), содержащему, как правило, одну аллитерационную вершину. Так, имена чаще участвовали в аллитерации и встречались в КС1, тогда как финитные формы глаголов, напротив, располагались, в основном, в КС2 и в большинстве случаев не участвовали в аллитерации. Таким образом, аллитерация «поддерживала» устойчивый с синтаксической точки зрения состав кратких строк в структуре текста, который был обусловлен также и важнейшей стилистической особенностью древнеанглийской поэтической фразеологии - формульностью.

Формульность предполагала использование схожих словосочетаний для выражения близких смыслов в одинаковых ритмических условиях. Использование формульности и аллитерации обеспечивало непосредственную связь фразеологии и поэтического синтаксиса. Так, КС, выросшая из сложного слова, существовавшего, как показала О.А. Смирницкая, на правах «текста в тексте» (5, 171), в структуре поэтического высказывания выступает как минимальная единица, представляющая собой формульное словосочетание. При этом такая единица, как фраза или предложение, в тексте становится фактически трудно выделяемой. Как пишет Н.Ю.Гвоздецкая: «<...>канонизация краткой строки должна была означать разрушение прототипа долгой и восстановления его на иных, нежели акцентно-смысловая модель фразы основаниях. Думается, что окончательная канонизация ДС <...> предполагает не только сочленение двух КС, посредством аллитерации, но и их нарративно-семантическую дифференциацию, которая делает ДС элементарным подобием СФЕ, объединяющий разнородный в семантико-синтаксическом плане материал» (1, 141). Так, в состав КС2 чаще входит финитный глагол, который постоянно находится как бы на втором плане, занимая «непривилегированную» (по сравнению с именем) позицию конца строки. В силу такой «невыделенности» этой части речи в самом поэтическом тексте очень часто ей уделяется мало внимания в исследованиях синтаксиса древнеанглийской поэзии. Тем не менее, первостепенное значение финитного глагола в синтаксическом анализе предложения бесспорно признается лингвистами. Именно поэтому функциональный анализ глаголь-

^{*} Здесь и далее КС – краткая строка, КС1 – первая краткая строка или строка А, КС2 – вторая краткая строка или строка В, ДС – долгая строка, состоящая из КС1 и КС2.

ных словосочетаний, особенно в тех частях текста, где они несут основную смысловую нагрузку (а именно эпизодов из поэмы «Беовульф», посвященных трем битвам главного героя с чудовищами), дает возможность увидеть их стилистическую значимость.

Стойкая тенденция к вытеснению финитных форм глагола к концу долгой строки далеко не всегда означает незначительность его стилистической функции. Так, сколько-нибудь протяженные эпизоды, состоящие полностью из параллельных конструкций с финитными формами глагола в конце долгой строки, достаточно редки, а, следовательно, параллелизм глагольных форм может быть рассмотрен как стилистический прием. Его мы встречаем, например, в заключительной части рассказа о пребывании героя в подводном жилище матери Гренделя (1584-1590), в эпизоде, посвященном тому, как герой отрубает голову мертвому Гренделю:

He him þæs lean <u>forgeald</u>	Он ему ту плату отплатил
reþe cempa,/ to ðæs þe he on ræste <u>geseah</u>	яростный герой/ тому, кого он на отдыхе увидел
guðwerigne/ Grendel <u>licgan</u> ,	уставшего от боя/ Грендель лежал
aldorleasne,/ swa him ær <u>gescod</u>	жизни лишенный/ так он был прежде уязвлен
hild æt Heorote./ Hra wide <u>sprong</u>	битвой [возможно - валькирией] в Хеороте./ Тело далеко отпрянуло
syþðan he æfter deaðe/ drepe <u>browade</u> ,	после смерти/ удар перенес
herosweng heardne,/ond hine þa heafde <u>becearf</u> .	меча взмах сильный/ и ему тогда голову отрубил
	(1579-90)*

Здесь рассказ как бы замедляется. Действия героя размерены, он не сражается, но только мстит Гренделю, выполняя все словно по заранее намеченному плану. Такое впечатление производит синтаксическое устройство отрывка, где каждая из долгих строк оканчивается финитным глаголом и не осложнена составными сказуемыми. Лишь в одном случае для обозначения действия Гренделя используется инфинитив (*licgan*) в конце долгой строки. Художественный эффект от вытеснения финитных форм глагола в конец долгой строки здесь усиливается за счет того, что в некоторых случаях каждая последующая строка в смысловом отношении повторяет предыдущую, вторит ей. Последовательное использование структуры с финитным глаголом в конце КС2 присуще, в основном, тем моментам текста, которые

* Здесь и далее текст поэмы «Беовульф» (6) приводится с указанием строк и переводом автора данной статьи.

относятся не к поединку, а к действиям героя, не встречающим сопротивления со стороны объекта. Схожим синтаксическим устройством обладает, например, и эпизод, рассказывающий о том, как герой оказался в подводном логове чудовища.

Кроме позиции абсолютного конца долгой строки, финитный глагол, пусть и достаточно редко, но может занимать третью аллитерационную вершину и располагаться в первой части КС2. При этом он включается в аллитерацию, что, безусловно, придает ему эстетическую значимость. С использованием инверсии смыслового глагола мы встречаем в строке *þæt gebeah feore* (1548В) – «которая защитила жизнь». Она входит в описание непростой ситуации в битве. Чудовище (мать Гренделя) нападает на безоружного героя, садится на него, заносит нож:

*Ofsæt þa þone selegist/ond hyre seax geteah, // Села та на того зала гостя/
и нож свой направила//
brad ond brunecg;/wolde hire bearn wrecan, // широкий и со сверкающим
лезвием/ хотела за своего
сынa отомстить/
angan eaferan./ Him on eaxle læg// единственного отпрыска./
У него на плечах лежала//
breostnet broden;/ þæt *gebearh* feore, // нагрудная сеть плетеная/
которая защитила жизнь//
wið ord ond wið ecge/ ingang forstod. от острия и клинка/ вход
преграждала. (1545-49)*

В начале еще не понятно, о чем идет речь, поскольку строка (1547А) может переводиться двояко: «У него на плечах лежала» или «Ему на плечи легла», поскольку не дается точного указания на субъект и объект действия, а сам глагол обладает широким значением. Принимая во внимание условность пунктуации современных изданий, эту строку можно отнести, например, к действиям матери Гренделя, так как прежде она была объектом описания. Следующие же строки (1548А-1549А) кажутся неожиданными. Очевидно, что эффект чудесного спасения в них создается, в том числе, и за счет нетипичного расположения важного в смысловом отношении глагола. В предшествующем эпизоде, содержащем упоминание о кольчуге, защищающей героя, такого выделения и включения финитного глагола в аллитерацию не происходит: *hring utan *ymbbearh** – «кольчуга полностью защитила» (1503), поскольку в тот момент этот факт не является сюжетно значимым.

Инверсия смыслового глагола (расположение его *не* в конце долгой строки) в целом играет выделительную функцию. Т.Б.Магницкая в работе, посвященной древнеанглийскому синтаксису, писала, что КС, начинающиеся с финитного глагола, выступают в тексте в функции своеобразного зачина, начала нового смыслового блока или СФЕ (3, 51):

<i>Geseah ða on searwum/ sigeeadig bil</i>	Увидел тогда на оружии/ в битвах прославленный меч
<i>ealdsweord eotonisc/ecgum þyhtig</i>	древний клинок великанов/ острием крепкий(1557-58)

Даже в тех эпизодах текста, где инверсия не является необычным явлением, она продолжает служить созданию художественного эффекта. Особенно яркими в этом смысле представляются параллельные глагольные конструкции, например, в рассказе о приближении Гренделя:

<i>Ða com of more</i>	(710A)	Так шел из пустоши
<i>Mynte se manscaða</i>	(712A)	Намеревался тот враг людской
<i>Wod under wolcnum</i>	(714A)	Продвигался под облаками
<i>Com þa to recede</i>	(720A)	Пришел тот в здание
<i>...onbræd þa bealohydig</i>	(723A)	отворил тот зло замышляющий
<i>...eode yrremod</i>	(726A)	шел в душе злой

Такие повторения в начале почти каждой второй строки выделяют сами глаголы в структуре текста, что позволяет придать величественность описанию и воссоздать движения чудовища во всех подробностях: 1) место «отправления» (710A); 2) место движения (714A); 3) место «назначения» (720A). Здесь глагольные выражения, служащие обозначению одних и тех же действий, могут использоваться как заместители значимых в сюжетном отношении событий. Так, следя за описанием шествия Гренделя, мы знаем, что более важными и напряженными в это время должны быть приготовления людей, которые ждут приближения чудовища в зале. Но автор не рассказывает нам о них, а предпочитает «отвести» наше внимание.

Интересный случай перенесения глаголов в начало КС1 встречается и после рассказа о шествии Гренделя:

<i>Geseah he in recede/ rinca manige//,</i>	Увидел он в здании/ воинов многих//
<i>swefan sibbedriht / samod ætgædere//</i>	спали воины знатные толпой/ все вместе//(728-729)

Все движения и намерения Гренделя сравниваются, благодаря расположению в параллельных конструкциях в КС1, с единственным («недвижным!») действием воинов - сном. Такое столкновение создает контраст между чудовищем и воинами. Вынесение смыслового глагола в начало КС1 помогает автору придать значительность описанию похода чудовища, которое в дальнейшем противопоставляется рассказу о победе над ним, уже не содержащему синтаксически выделенных глагольных конструкций.

Стилистическую нагрузку в тексте приобретает часто не столько позиция глаголов в долгой строке, сколько их количество, а иногда и значение. Действия чудовища Гренделя, который пожирает одного из спящих воинов в Хеороте, описываются в следующей последовательности: *gefeng* (740) - «схватил», *slat* (741) - «разрывал», *bat* (742) - «кусал», *dranc* (742) - «пил», *swealh* (743) - «глотал», *gefeormod* (744) - «пожрал», *æstop* (745) - «подошел», *nam* (746) - «схватил», *gæhte* (747) - «обхватил», *onfunde* (750) - «обнаружил». Приведенные глаголы определяют физическое действие, только последний из них имеет ментальное значение. Поведение Беовульфа описано с использованием малого количества глаголов, которые относятся к сфере мысли и чувства: *beheold* (736) - «наблюдал», *onfeng* (748) - «понял». Это лишний раз указывает на контраст между героем и чудовищем. Кроме того, употребление схожих (как параллельных так и не параллельных) формул на небольшом промежутке текста может изменить ритм повествования:

bat banlocan, / blod edrum dranc, // кусал костей вместилище/
кровь вен пил//

synsnædum swealh; / sona hæfde, // большие куски глотал/ и вскоре//
unlyfigendes/ eal gefeormod, . // неживого / всего пожрал// (742-744).

Такое частое появление глаголов и варьирование их синтаксических позиций в пределах небольшого промежутка текста создает своеобразный эффект быстроты и в то же время «несуразности» действий, выполняемых чудовищем. Варьирование одних и тех же членов предложения имеет определенную логическую последовательность, мы понимаем, что действия чудовища отработаны, оно выполняет их уже не в первый раз, что подчеркивается аллитерационной цельностью глагольных сочетаний, а также хиазмической конструкцией строк.

Противопоставление героя и чудовища в тексте реализуется и при помощи формульных глагольных словосочетаний, включающих одни и те же или сходные по корню и звучанию слова:

...ac he *gefeng* hraþe (740A) ...он тогда схватил сразу (Грендель)
He *onfeng* hraþe (748B) Он понял сразу (Беовульф)

Синтаксис как бы подсказывает, что Беовульф побеждает Гренделя благодаря своему уму, сообразительности, ловкости. Грендель же предстает здесь как существо физически сильное, активное, но не способное мыслить и побежденное из-за своей глупости.

Схожие глагольные сочетания позволяют сравнить действия противников, а через действия понять и их внутренние качества. Зачастую в таких формульных сочетаниях порядок слов не дублируется, а строится по принципу хиазма:

ðæs þe he on ræste geseah (1585) тому, кого он на отдыхе увидел
sloh on sweofote (1581) убил во сне

Глагол в первом случае не имеет значения нанесения вреда, но как бы предвосхищает конкретные действия героя по отношению к Гренделю. Структура строки 1585 почти в зеркальном отражении повторяет строку 1581, рассказывающую о преступлениях Гренделя. Поэтому формула, сообщающая о том, что Беовульф только увидел Гренделя, уже содержит намек на месть, которая должна повторять само преступление. И результат (наказание) напоминает о злодеяниях Гренделя и воспринимается как возмездие за них.

Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить о безусловной стилистической значимости глагольных словосочетаний в структуре поэтического текста. Устойчивость глагольных формульных сочетаний не исключала того факта, что их параллельное использование в тексте способствовало созданию эффекта размеренности при описании действий героев. Перенесение глагола в КС1 чаще всего указывает на начало нового сверхфразового единства. Участие глагола в аллитерации, которое предполагало вытеснение его в КС1, может также создавать в тексте эффект неожиданности или способствовать обозначению кульминационных, поворотных моментов битвы. Повторение на небольшом промежутке текста одних и тех же глагольных сочетаний, которые не привносят в рассказ новой информации, как правило, способствует созданию напряжения, не всегда относящегося к конкретно описываемым событиям, приданию величественности повествованию. Частое повторение однотипных глагольных сочетаний используется в тексте для обозначения резких, «несу-

разных» и быстро сменяющих друг друга действий героев. Глаголы как бы «задают» ритм повествованию. Схожие по составу формулы, построенные по принципу хиазма, служат сравнению действий героя и чудовищ. Устойчивость формульных синтаксических моделей кратких строк, как и их способность к варьированию, свойственные древнеанглийской аллитерационной поэзии, определяет художественную выразительность текста.

Библиографический список:

1. Гвоздецкая Н.Ю. Древнеанглийское поэтическое слово в структурах текста // Раннесредневековый текст: проблемы интерпретации. Иваново, 2002.
2. Квятковский А.П. Поэтический словарь. М., 1966.
3. Магницкая Т.Б. Некоторые особенности синтаксиса древнеанглийского эпического текста // Слово в контексте литературной эволюции: заговор, эпос, лирика. М., 1990.
4. Смирницкая О.А. Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия. М., 1982.
5. Смирницкая О.А. Стих и язык древнегерманской поэзии. М., 1994.
6. Beowulf. /Ed. with introduction, notes and prose translation by Michael Swanton. Manchester University Press, 1978. Repr. 1990.

ОГЛАВЛЕНИЕ

С.А. Агапова. Сверхфразовые единства по типу коррелятов и денотативному статусу кванторов (на примере немецкого языка)	3
Н. Адамс Cross языковые ресурсы комического (английский язык в шутках программистов и "интернетчиков").....	4
Л.В. Бабина Роль концептуальной интеграции в процессе создания слов с переносными метонимическими значениями.....	13
М. Ю. Бабков Роман Э.М. Ремарка "Возлюби ближнего своего". Немецкая эмиграция и проблема взаимопонимания между европейскими народами в XX веке.....	18
И.Ю. Безукладова Коммуникативно-прагматические особенности функционирования форм персонализации и проблема межкультурного общения (на материале немецкого и русского языков).....	24
Т.А. Белякова Проблема формирования способности к межкультурной коммуникации (на материале французских учебных пособий).....	28
Н.А. Болтнева Прагматические функции междометий в диалогическом дискурсе	34
Т.Г. Бортникова Межкультурная коммуникация как проблема многоуровневого взаимодействия.....	37
О.В. Винтенкова К проблеме творческой функции языка	40
А.А. Гвоздева Отличительные особенности женских языковых картин мира	43
Г.В. Дружинина Контекстно-ситуативное обучение иноязычной речевой коммуникации.....	50
Н.А. Дударева Некоторые итоги разработки системы управления качеством на кафедре интенсивного изучения иностранного языка	55
Г.В. Елохова Взаимосвязь аудирования и чтения при обучении иностранному языку	56
I.V. Ermakova Note-Taking As One of the Major Techniques in Teaching EFL Learners Active Listening	59

Е.Н. Золина Немецкий исторический роман второй половины XIX века в зеркале рецептивно-эстетических исследований (к проблеме литературной коммуникации).....	62
Н.К.Иванова, О.И. Моисеева Мужские брачные объявления: особенности оформления и вербализации	74
Н.К. Иванова Социолингвистическая парадигма в MED.....	82
И.Е. Ильина Соотношения языковой манифестации жестов рук и их значений в диалогическом дискурсе	93
Л.А. Кабанова О повышении коммуникативной компетенции студентов неязыковых вузов.....	97
Л.Г. Казарян Безглагольные предложения в языке и речи (на материале немецких художественных текстов)	99
А.В. Кащеева Коммуникативное моделирование в обучении будущих учителей иностранного языка профессиональному дискурсу	104
Н.Е. Кирсанова Косвенные мелиоративные номинации как индикация социального статуса человека.....	107
И.Е. Киселева Пресуппозиции, релевантные для интерпретации отрицания <i>kein</i>	110
Е.Н. Клёмина Пространственная лексика древнеанглийской поэмы "Елена" (к проблеме межкультурной коммуникации в исторической семасиологии)	115
Л.В. Кованцева Методика национально-языковой ориентации в системе довузовской подготовки (РКИ. Элементарный уровень) .	119
Н.К. Колосов Лексика года в немецкоязычной прессе	122
Р.В. Кузьмина Феномен омофонии в английском языке и принципы его отражения в орфоэпических словарях	131
Е.А. Кузьмина Представление о далеком и близком пространстве в наивной картине мира немецкого лингвокультурного сообщества	140
О.Г. Ласская О соотношении понятий "обряд", "обычай", "ритуал" в специальной литературе	142
В.А. Лобанов Особенности произнесения французских заимствований в современных словарях английского языка	145

И.В. Лобанова Социально-языковая ситуация в современной Германии и проблема ее лексикографического отражения	148
А.А. Луговая Групповое диалогизирование при формировании коммуникативной компетенции в социокультурной сфере общения ..	153
Г.Л. Мальцева, Р.М. Москвина, В.И. Туманов Современный немецкий язык (информационный материал по теме "Германия" для студентов нефилологических специальностей, изучающих немецкий язык)	160
Н.Д. Миловская Лексическая многозначность как средство создания комического эффекта в тексте анекдота (на материале современного немецкого языка)	164
Е.В. Милосердова Отражение речеповеденческих стереотипов в прагматической парадигме языка	167
Н.А. Михайлова Прагматический потенциал предложений с пассивными конструкциями	171
С.В. Мощева Фонетические средства оформления радиорекламных сообщений (на материале русскоязычной радиорекламы)	175
Л.Ю. Образцова Перевод как форма речевой коммуникации	185
Н.Л. Овшиева Об интерактивном подходе к процессам интерпретации речи	188
Е.С. Перекопская О проблеме адекватной передачи авторской интенции при переводе поэтического текста	201
И.В. Переселяк Диалоговая система автоматической обработки научного химического текста	203
В.Д. Португалов Активация творческого потенциала обучаемых в условиях профессионально-ориентированного общения	206
И.Н. Праслова Влияние модальных глаголов на изменение иллюкутивной функции повествовательного предложения	208
Е.Б. Рябых Немецко-русские концептуальные трансферы в рамках межкультурной коммуникации	211
Л.А. Самокатова К вопросу о вербальном обозначении жестов в русском и французском языках	215
Л.А. Самокатова Компенсация как вид переводческих трансформаций в художественном переводе	221
А.Е. Свиридова К понятию дискурса в современном языкознании	225

А.Н. Смирнова Динамика регистрации орфографического произношения в британских орфоэпических словарях	229
Е.Б. Староверова К проблеме развития межкультурной компетенции.....	234
А.А. Ткаченко О роли изучения особенностей общения в чате для межкультурной коммуникации.....	235
Т.Н. Ткаченко Культурная значимость общеупотребительной лексики	239
Е.В. Тучина Учебный диалог на занятиях по иностранному языку	240
С.Ю. Тюрина Лингвопрагматический аспект межкультурной коммуникации.....	243
Т.А. Фесенко Концептуальная метафора в "Критике чистого разума" И.Канта	245
Ц. Цэрэндорж А.С. Пушкин и фразеологический состав русского литературного языка.....	249
Г.Н. Чеботарева Проблема развития предложной системы немецкого языка (диахронический аспект)	254
О.В. Чуксина Культура речи в свете межкультурной коммуникации	259
Т.В. Sheberstova, L.I. Ivanova Linguistic and Legal Aspects of Translating English Legal Terminology.....	263
Л.В. Шестакова Профессионально-ориентированное обучение английскому языку в неязыковом вузе в контексте межкультурного общения	268
С.Г. Шишкина Связь времен в коммуникативном пространстве антиутопии	271
И.Ф. Шувалова Диалогическое пространство в романном дискурсе.....	280
А.В. Щербакова Конструкция типа "ist im Werden" как средство дифференциации глагольного вида	285
М.В. Яценко Место и функции глагольных словосочетаний в структуре древнеанглийского поэтического текста (на материале поэмы "Беовульф")	290